



Олеся Дмитриева

Каин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олеся Дмитриева

Каин

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70600321
SelfPub; 2024*

Аннотация

Можно ли вытащить тьму из человека, или если она попала в него, то это навсегда? Она хотела ему помочь. Он хотел ее помощи. Но когда человек испытал столько боли, страха и ненависти, сколько Ярослав, починить его сложно. Даже любовью. И его темнота как осенний пятничный туман постепенно окутывает и тебя. Маша поняла это слишком поздно.

Содержание

1 Мария	6
2. Ярослав	21
3. Мария	30
4. Ярослав	36
5. Мария	55
6. Ярослав	63
7. Мария	73
8. Ярослав	80
9. Мария	87
10. Ярослав	100
11. Мария	117
12. Ярослав	126
13. Мария	137
14. Ярослав	144
15. Мария	154
16. Ярослав	169
17. Мария	181
18. Ярослав	193
19. Мария	201
20. Ярослав	210
21. Мария	228
22. Ярослав	240
23. Мария	252

Олеся Дмитриева

Каин

От автора

Эта история не претендует на историческую, военную или географическую точность в воспроизведении событий, связанных с распадом Социалистической Федеративной Республики Югославия и боевыми акциями в Автономном крае Косово и Метохии.

Один день войны может изменить всю жизнь...
а сколько их было у нас этих дней?..

1 Мария

Февраль 2005 года, Рига, Латвия.

Я сидела за столиком привокзального кафе и с почти прозрачным страхом ожидала предстоящую встречу с Ярославом Шиповаловым, который был другом знакомого моего начальника, хотя может цепочка была еще длиннее. Меня очень попросили с ним встретиться и проконсультировать, а я была не в том положении, чтобы отказывать главному адвокату нашей конторы. Да, собственно, это было частью моей работы – консультации, рекомендации, защита прав в суде, составление необходимых документов. Во всей этой истории меня не устраивало только что, что встречи наши несколько раз срывались не по моей вине, и встретиться Ярослав смог только вечером и вне офиса, где-то между его работами или чем он там занимался. Я честно пыталась дать ему простые письменные рекомендации, отнекивалась от встреч, но он для чего-то настаивал на личной консультации. Что можно было ожидать от встречи с человеком, который в тридцать лет уже имел несколько судимостей? Пусть это были в основном условные сроки за мелкие проступки, вроде подделки проездных билетов и неуплаты штрафов, но все же, факт как таковой мне совсем не импонировал.

Постукивая ложкой о края невысокой пузатой кружки,

я уже в третий раз размешивала давно растворившийся сахар и пыталась представить внешние данные моего сегодняшнего клиента. Богатая фантазия рисовала образ сутулого, обросшего десятидневной щетиной молодого человека с жиденькими, невымытыми волосами, проредью выпавших или выбитый зубов и бегающими глазами, вечно ищущими сочувствия и жалости, одним словом, урки, которых я почему-то представляла себе именно так.

После десяти минут ожидания я уже начала сомневаться в целесообразности нашей встречи. Ну, какой юридический совет я могу дать человеку, дважды попадавшемуся на подделке документов? Не творить сие безобразие? Или отсидеть хоть раз срок, чтобы впредь неповадно было нарушать закон? К сожалению или к счастью, я не была настолько прямолинейна.

Как, однако, он ловко затащил меня на эту встречу, ведь, по сути, все, что я могла сказать по его вопросу, я написала в e-mail'e, и тем не менее, сейчас я сижу в назначенном месте и время, в скованном ожидании с какой-то смутной и необъяснимой тревогой. Лучше бы задержалась на работе и поговорила по скайпу с Алёшей.

Как же я по нему соскучилась... Эти вечные поездки друг к другу раз в четыре-пять месяцев, короткие недельные встречи, расставания и опять месяцы ожидания... Ожидания чего? За два года он так и не сделал мне предложения, намекал, конечно, но ничего существенного. Естественно, о

каком предложении может идти речь, если мы живем в разных странах, в разных ритмах, в разных часовых поясах. Работая по контрактам в зарубежных телекоммуникационных компаниях, он постоянно переезжает с места на место, из страны в страну. Вчера еще он был в Германии, а уже через три дня будет на год в Канаде. Ему нравится такая кочевая жизнь, ему нравится колоссальный заработок, который его обеспечивает, ему нравится смотреть мир, ему не нравится только, что я не бросаю работу, родных и друзей и не мотаюсь по свету вместе с ним. А чем я, собственно, могу заниматься в той же Канаде? Сидеть дома, любить мужа, наслаждаться прелестями обеспеченно жизни и обустраивать быт? Мне никак не хотелось верить, что это мой удел...

Внезапно завибрировавший телефон на чайном столике, заставил меня вздрогнуть и вернул от девичьих мыслей к делам насущным. Звонил Ярослав. «Неужели отменит встречу? Можно было и раньше позвонить для этого» – возмущенно подумала я, в глубине души зная, что встречу, он отменять не станет ни при каких обстоятельствах. Ему по каким-то мне непонятным причинам нужна эта встреча, он слишком долго ее добивался, чтобы сорвать в последний момент.

Раскрыв свой Nokia 7200, я постаралась придать голосу слегка уставшие от ожидания нотки:

– Алло.

– Все, я тебя вижу...

В трубке раздалась гудки отбоя, не дав мне возможности должным образом отреагировать на эту реплику. «Во всяком случае, голос приятный» – подумала я тогда. В ту же секунду у меня за спиной раздалось приглушенное:

– Привет, Маша. Извини, что опоздал, – смущенная улыбка и пара карих глаз спрятанных за аккуратной и дорогой оправой очков, с длинными ресницами, совсем несвойственная тому типу мужчин, к которым я заочно причислила Ярослава.

– Привет. Неприлично опаздывать на встречу, которую организовал сам, это полный провал правил приличного тона между клиентом и адвокатом, – в ответ улыбнулась я.

– Я уже извинился, но готов сделать это еще раз, – он спокойно сел напротив, – у меня всего сорок минут, потом надо бежать на вторую работу.

«Нахал! – пронеслось у меня в голове. – Сам затащил меня сюда, сам опоздал, а теперь о времени мне говорит.» Я оборотительно улыбнулась и отчеканила:

– Мне хватит и пяти минут, чтобы объяснить, что с твоим теперешним паспортом, который выдан на законных основаниях, а так же при условии, что на тебе не лежит обязательство не выезжать за пределы страны, ты можешь преспокойно отправляться в Берлин и... – я не успела договорить, потому что у него зазвонил телефон.

– Извини, мне надо ответить, – он поднял трубку и сказал, на мой взгляд, совершенно несуразное приветствие:

– Внимательно! – а потом продолжил.– Да, на сегодня...
я помню...

Я исподтишка наблюдала за ним и понимала, что это совсем не тот прототип, для созданного мною образа урки. Он не был сутулым, хотя его плечи и были слегка опущены, как будто под невидимым грузом. Волосы не имели ничего общего с прилагательными «жидкие и грязные», они были темно-русыми, чисто вымытыми и слегка кучерявились на концах, давая понять, что пора идти в парикмахерскую, щетина возможно и была десятидневной, но она придавала ему вид лесного человека, всегда задумчивого, замкнутого и интригующего. Ярослав был довольно высокого роста, я прикинула, что даже на десять сантиметровых каблуках и при своих ста семидесяти восьми сантиметрах живого роста, я еле-еле буду доставать головой до его макушки.

Он говорил отрывисто, и как мне тогда казалось раздраженно и даже зло, что насторожило меня, потому как впервые в свои двадцать четыре года я не знала, как общаться с человеком. За все время телефонного разговора глаза Ярослава оставались спокойными и, по-книжному, непроницаемыми. Знаете, когда автор пытается передать отрешенность или немислимый самоконтроль своего героя, он описывает его взгляд как непроницаемый, то есть через который невозможно увидеть абсолютно ничего из эмоционального фона человека в данную минуту. Вот у Ярослава тогда был именно такой взгляд.

– На чем мы остановились? – он отложил телефон.

– Что?..– я попыталась восстановить цепочку мыслей в обратном направлении.– А, да... на том, что ты можешь спокойно отправляться в гости за рубеж, используя при этом законно выданный паспорт, и в том случае, если на твоём выезде за границу не лежит никаких табу в соответствии с решением суда.

– Нет, никаких запретов нет и паспорт настоящий.

– В таком случае, поздравляю, у тебя появился шанс впервые пересечь границу, не нарушая законы,– я улыбнулась, в то время как его лицо по-прежнему оставалось серьезным и суровым.

– Ты занята сегодня вечером? – Ярослав посмотрел мне прямо в глаза.

– Что? – я не сразу поняла, о чем он спрашивает.– Тебе разве не надо бежать на работу через... уже двадцать семь минут?

– Нет, работу только что отменили. Мы можем сходить куда-нибудь, скажем в ирландский паб в старой Риге. Ты как?

– Эээээ.... Я...

– Ну и замечательно,– не дав мне быстро найти повод отказать, сказал он и едва заметно улыбнулся,– пойдём поедим нормальную еду, а то одним чаем сыт не будешь.

Он помог мне облачиться в зимнее пальто и, выйдя на обледенелую улицу, мы не спеша направились в сторону старого города.

Не помню, о чем конкретно мы разговаривали в тот вечер. По-моему, он рассказывал о четырех годах проведенных в Англии, работая на случайных работах и весело отдыхая каждую пятницу. О том, что под влиянием каких-то обстоятельств решил вернуться и вот уже три года работает в Риге на деревообрабатывающем заводе, что объясняло такой приятный и слегка пьянящий запах свежей древесины, исходящий от него. Я, в свою очередь, делилась впечатлениями о своей учебе в магистратуре и других мелочах, которые считала приемлемыми для рассказа в первый день знакомства. Ничего конкретного или существенного в тот вечер мы друг о друге не узнали. Единственное, что осталось в памяти это то, что мы избегали встретиться друг с другом взглядом, и что я предательски пыталась ему понравиться. Просто так. Чтобы было. Было в Ярославле что-то такое, что магнитило и парализовывало волю, разум, логику и напрочь стирало ясность в суждениях.

«Она мне нравится. Красивая девушка. Надо придумать, куда бы ее пригласить в следующий раз... Удивляюсь, что она вообще согласилась пойти со мной сейчас, возможно просто не нашла повода отказать. Если бы еще не эти долбаные заказы на работе и вечное отставание от плана из-за нерасторопности начальства и новобранцев-добровольцев, то вечер был бы еще лучше. Так... а у нее красивые глаза, такие голубые и... хм, разные. Нет, действительно разные... и ножки вроде ничего, насколько можно судить по очертани-

ям в брюках. Да и в голове вроде не тараканы бешенные... Интересно, у нее есть кто-нибудь? Такая девушка не может быть одна. Куда же пригласить ее на выходных?.. В кино?.. Или лучше в ресторан пообедать? Хотя... Не надо нам больше встречаться. Переспать разок с ней не получится, а отношения заводить я не могу, да и не хочу. Не надо было сюда тащиться, мог бы сейчас уже домой ехать в теплом автобусе...»

Ярослав отпил темный Guinness и поднял на меня взгляд, от которого мое сердце неожиданно и в миг сжалось в комочек. Вдруг появился какой-то непонятный и неуместный трепет по отношению к этому совершенно чужому мне человеку. «Да что же это такое, и зачем так пристально смотреть на меня. Весь вечер бегали друг от друга глазами, а тут, на тебе, уставился, прям стыда нет! И взгляд какой-то...»

– Что ты делаешь в субботу? – Ярослав исподлобья наблюдал за мной.

– Не знаю, – я неуверенно пожала плечами, но через мгновение уже улыбалась ему всеми 32 зубами, что у меня были, – а ты хочешь меня куда-то пригласить?

«Ты кокетничаешь с ним!» – одернула я себя, сама себя не узнавая.

– Если ты не против. Мы могли бы сходить в цирк, а потом поужинать здесь же.

– Звучит вкусно и познавательно, – продолжала улыбаться я, пытаясь поймать свои мысли, лавиной обрушившиеся на

мою голову. «Я категорически против! Просто почему-то не могу это озвучить. Но я против! Скажи – я занята, я не могу, у меня планы.»

– Ну, познавательного там будет мало, но весело и вкусно, я обещаю, – Ярослав сделал знак официантке. – Тогда в пятницу я жду тебя после работы в том же кафе на вокзале.

– Лучше в самом цирке, – я положила мобильник в сумку и, ловким движением застегнув молнию, поймала себя на мысли: «А лучше вообще нигде и никогда. Ты его не знаешь совсем, и знать не хочешь.»

– Хорошо, – Ярослав достал огромную горсть серебряных монет и принялся отсчитывать их по принесенному счету.

* * *

Тяжело. Было безумно тяжело тащить тело этого уродливого албанца с темными кругами под глазами и с длинной грязной от пыли и крови бородой. «Его уши... мне надо найти его отрезанные уши... это будет трофеем. Нет, это будет памятью. Памятью о том, что я отомстил». Ярослав шел, тяжело передвигая ногами и, таща на себе мертвого мужчину, чьи ноги волоклись по земле носками старых обтрепанных ботинок, затрудняя движение. Он сбросил тело на землю у грузовика Югославской Народной Армии и с ненавистью посмотрел на уже начавшее остывать безымянное тело. «Это тебе за Билянку и ее семью, сука.» Ярослав яростно сжал в

руке АК-74М и, резко вздернув затвор, хотел нажать на курок, как вдруг увидел, что вместо окровавленного албанца на земле лежит его любимая Биляна. Лежит в такой нелепой и неудобной позе, что он даже потянулся, чтобы выпрямить ее подломанные под себя чуть раздвинутые ноги и освободить почему-то связанные над головой руки... Она была в разорванном зеленом платье с задранном подолом, темно-красными разводами крови на бледных ногах и в паху. Все тело было усыпано синяками, а от уха до уха тянулась зловещая ножевая улыбка... и только глаза, эти до боли любимые и милые карие глаза были, по-прежнему, широко раскрыты и обращены в небеса...

Ярослав проснулся от собственного вскрика и, вскочив на кровати, долго пытался понять, где он, и почему вокруг тихо и темно. Он включил настольную лампу и только тогда увидел, что он дома, в своей комнате. Сердце колотилось так неистово, что в первую секунду ему подумалось, что оно разорвалось. Лоб был покрыт холодной испариной, а руки тряслись как от недельного запоя. Все тело будто свело огромной судорогой, и ему понадобились минуты, чтобы расслабиться и сделать более или менее спокойные вдохи. «К врачу... мне надо опять идти к врачу, иначе это никогда не закончится. Господи... я уже давно в тебя не верю, но... помоги мне... Господи...» Он судорожно хватанул таблетку реладорма, а затем амитриптилина и запил их стаканом воды. Откинувшись на подушки, Ярослав сделал несколько

глубоких вздохов и, немного успокоившись, закрыл глаза и стал ждать пока тяжелый сон прошлого опять не придет к нему...

Он проснулся от легкого, но настойчивого жужжания мобильного телефона под подушкой.

– Внимательно, – не открывая глаз, промычал он.

– Ярослав? Привет. Это Мария.

– Кто? – он попытался сосредоточиться и вспомнить где он слышал этот приятный и довольно низкий для девушки голос. – Аа... Маш, а сколько время?

– Ну, вообще-то почти двенадцать, – голос на другом конце провода был явно озадачен. – Мы договорились встретиться в час в цирке, ты не забыл?

– Нет, конечно, нет. Я уже встаю и через сорок минут буду в центре, – Ярослав сел на кровати, все еще держа глаза закрытыми.

– Не спеши, я звоню, чтобы сказать, что опоздаю на полчаса или около того.

– Хорошо. Тогда я жду тебя в половине второго у касс. Билеты уже у меня, – его голос немного заплетался, хотя он очень старался четко выговаривать слова.

– С тобой все в порядке?

– Все замечательно. Увидимся через полтора часа, – Ярослав тряхнул головой, отгоняя остатки наркотического сна, и направился в душ.

Услышав сигнал отбоя, я положила трубку и начала прикидывать, что надеть на вторую встречу с Ярославом. Было необходимо облачиться во что-то достаточно строгое, так как это все же не свидание, но неделовое, так как сегодня выходной день, а также умеренно сексуальное и откровенное, чтобы подразнить его и потешить свое женское самолюбие. Долго крутившись перед большим тонированным зеркалом, встроенным в дверь шкафа-купе, я остановила выбор на темно-серых шерстяных брюках и тонком плотно облегающим фигуру свитере с V-образным вырезом. Он был приятного красного оттенка в тон наманикюренным ногтям. Чисто вымытые рыжие волосы были вытянуты горячим феном и игриво спадали на плечи, а голубые глаза обрамлены черными ресницами, над покраской которой я корпела целых десять минут. Удовлетворенно кивнув своему отражению в зеркале, я накинула на себя пальто и поспешно выскочила из дома.

Я увидела Ярослава издалека, когда только подходила ко входу, и даже замедлила шаг, чтобы получше рассмотреть его и возможно увидеть что-то такое, что оттолкнет меня, чего я не заметила в нашу первую встречу, но как на зло, глаз не цеплялся ни за что конкретное. Это был все тот же высокий, худощавый молодой человек с темно-русыми волосами, густой щетиной и небольшими очками, посаженными на аккуратный прямой нос. В тот день на нем был черный свитер грубой вязки с высоким горлом и темно-синие джинсы, и от

него по-прежнему маняще пахло лесом.

Я, не спеша, приближалась к нему и с удивлением слышала, как у меня учащенно стучит сердце и начинается легкий стрекот сверчков во всем теле. Я не могу солгать, что не думала о нем эти несколько дней, пока мы не виделись, но мои мысли были не совсем романтического характера, а скорее предостережительного. Я чувствовала, что за его спиной, возможно в прошлом, таится что-то зловещее и тяжелое, что-то, от чего он никогда не избавится и что никогда не забудет. Я так же четко осознавала, что наши встречи могут привести к сексу, и тогда это будет чистой воды измена с моей стороны по отношению к Алексею, но в Ярославле было что-то такое, что интриговало, гипнотизировало, будоражило любопытство и подавляло волю. Подобные мысли и предчувствия побуждали меня оборвать наше знакомство и больше никогда не встречаться, а ноги тем временем все приближали меня к нему.

– Привет еще раз,– я сзади слегка коснулась его плеча.

Ярослав вздрогнул и резко повернулся ко мне. Его глаза были холодными и колючими, а взгляд суровым и немым, как будто он ожидал увидеть заклятого врага, а не девушку, приглашенную на встречу.

– Привет,– он улыбнулся губами и протянул мне билеты,– держи макулатуру и пошли, а то до мест не успеем добраться.

«Как всегда, коротко и понятно. Надо было надеть юбку», – подумала я.

«Странно, но я соскучился за эти дни. Хммм, жаль, что она не в юбке», – подумал Ярослав.

Представление как обычно началось с опозданием, и никаких аншлаговых номеров и выступлений не было, если не считать белых дрессированных голубей, красиво паривших под куполом. Помню, что было безумно холодно, и я хотела, чтобы Ярослав обнял меня и согрел, но я безоговорочно пресекала подобные собственные мысли.

«Ей холодно... Вон, как скукожилась. Надо бы обнять ее и согреть... но тогда все это закончится у меня дома, а я этого не хочу. Не хочу просто постели. Не хочу... Ну, не то, чтобы совсем не хочу, просто не так быстро, иначе это так и останется только сексом» – думал Ярослав, наблюдая как карликовые пудели ловко перепрыгивали с тумбы на тумбу и катали друг друга на в повозке из игрушечного ведра на колесиках. Он наклонился и, почти касаясь губами моего уха, тихо спросил, обдавая меня своим горячим дыханием:

– Ты замерзла?

– Нет, – так же тихо, не поворачивая головы, выдавила я. «Он с ума сошел... почти поцеловал меня! Нет, это я сошла с ума! Больше никаких встреч, никаких дурацких мыслей. Я люблю совершенно другого человека. А этот испортит и осложнит всю мою жизнь.»

После окончания представления мы, молча, спустились в гардероб, так же, молча, оделись и спешно вышли на улицу.

– Ты знаешь, я, наверное, поеду домой, – я старалась при-

дать голосу усталые нотки.

– В паб не пойдём? – мы остановились на перекрестке у светофора.

– Я не особо голодна, – сказала я, а у самой в это время в желудке заурчало так, что я удивилась, как этот звук не перебил рев моторов машин, стоящих на красный свет светофора.

– Хорошо... тогда я провожу тебя до маршруток, – Ярослав поднял воротник своей куртки и одел перчатки.

На мое везение маршрутка уже стояла в ожидании пассажиров, мы наспех попрощались, и я практически влетела в салон, довольная тем, что мне удалось избежать ужина – раз, нелепого момента прощания – два и разговоров о следующей встрече – три. В тот вечер я считала себя победителем и искренне радовалась тому, что сумела уйти от ситуации и быть хорошей девочкой, а встречаться с Ярославом еще раз я не собиралась.

2. Ярослав

Март 2005 года, Рига, Латвия.

Громко постучав и немного помедлив возле кабинета с табличкой «Анжелика Куприянова», Ярослав все же нажал на ручку и открыл дверь.

– Здравствуйте, Анжелика!

– Добрый день, Ярослав! Честно говоря, я приятно удивлена вашему визиту. Думала, что после последнего сеанса вы больше не придете,– Анжелика вышла из-за рабочего стола и села в удобное кресло, стоящее около аккуратного журнального столика, какие есть, наверное, в кабинете любого практикующего психотерапевта или психолога.

– Проходите, садитесь,– вновь обратившись к парню, она указала на кресло, стоящее напротив нее.

– Я, в общем-то, не собирался приходить, но сны опять появились, и таблетки, выписанные Вами, уже плохо помогают,– Ярослав сел в предложенное ему кресло.

– Мы же с Вами обсуждали тему лекарств и того, что нет такой таблетки, которая помогла бы Вам без наших сеансов избавиться от того, что Вас тяготит.

– Да, я помню...– Ярослав поежился в кресле, у него никак не получалось устроиться удобнее,– но я все-таки надеялся, что антидепрессанты и снотворное помогут.

– Они не помогают в том смысле, что Вы от них ожидаете. Они скорее способствуют притуплению эмоциональной окраски всего происходящего или произошедшего с человеком, давая ему время все устаканить, прожить, принять и не сойти с ума, если так можно выразиться.

Ярослав лишь коротко кивнул в знак согласия. Он помнил этот краткий ликбез перед входом в мир антидепрессантов.

– Четыре месяца назад Вы решили прервать наши встречи. Почему?– Анжелика сняла очки и потерла переносицу. Она очень устала сегодня, у нее было восемь пациентов, и она согласилась принять Ярослава уже после официального рабочего дня только потому, что знала о тяжести его состояния, и раз уж он позвонил, значит, дело совсем плохо.

– После нашего последнего сеанса я напился и подрался с какими-то дворовыми хулиганами, пИсавшими около моего подъезда. Уж очень хотелось покалечить кого-нибудь и самому быть побитым. Слишком многое... мы подняли во мне тогда, надо было выплеснуть.

– Понятно...– Анжелика вернула очки на прежнее место.– Расскажите мне о Ваших снах.

– Ну... сюжет в последнее время один и тот же, различаются только нюансы.

– Сюжет, я так понимаю, связан с вашим прошлым в Косово.

– Да. Вообще-то правильно говорить в Космете¹ или на

¹ Автономный край Косово и Метохии

Космете, а не в Косово.

– На Космете. Вы не хотите рассказать мне этот сон?

– Хочу. Просто это очень сложно,– Ярослав сжал кулаки и на его лице заходили жевалки.

– Вы боитесь того, что почувствуете, рассказывая...

– Да. Я не хочу опять рыдать как девица над своей потерянной любовью. Все равно уже ничего не вернешь и не исправишь,– в голосе Ярослава чувствовалось явное презрение к себе и к своей слабости.

– Хорошо, тогда расскажите мне самое яркое впечатление из Вашего детства.

– Что?– Ярослав был в явном недоумении.– При чем здесь детство?

– Если для Вас пока сложно говорить на коренную и тяжелую тему, тогда давайте поговорим о чем-то более нейтральном для Вас,– Анжелика устроила руки на подлокотниках кресла и спокойно посмотрела на парня.– Скажите, вы считаете, что ваше детство было счастливым?

– Детство?.. Не знаю... Наверное, да. Во всяком случае, тогда я считал себя очень счастливым... Я был всецело предоставлен самому себе, за неуды в школе меня никто не порол, постоянными опозданиями домой тоже не пеняли. Мама взялась за ремень и хорошенько отходила меня только один раз, когда в 15 лет я и еще пара ребят занялся подделкой школьных табелей, ученических и проездных билетов. Нам казалось, что это по-бандитски круто, да и деньги все-

гда водились. Мелочь, но приятно – у нас свой нелегальный бизнес, мы круче всех пацанов на районе. Все было хорошо, пока нас, спустя полгода не поймали, – Ярослав едва заметно улыбнулся, но в его взгляде мелькнула горчинка.

– Кто-то настучал на нас, и менты пришли за мной как раз в день рождение моего младшего брата. Скадалище был ужасный. Меня забрали, и отпустили только спустя сутки дня, поставив на учет. Вот тогда-то мать и отходила меня отцовским ремнем по самое не могу. Потом был суд, нам всем дали условный срок, но мы продолжали куролесить, за что вскоре получили еще один. Как нас не посадили тогда, до сих пор не понимаю... А может, оно было бы лучше, если бы посадили...

– И, не смотря на все это, Вы считаете, что у вас было счастливое детство, – психолог была явно немного озадачена и удивлена.

– Конечно. Потому что все, что было со мной тогда было в кайф, в экстрим. Это были детские соревнования на крутость и глупость, которую всегда можно было понять и оправдать возрастом, социальным статусом, да чем угодно. Все же, что было потом... тоже соревнования, только приз за них – смерть, – с каждым словом голос Ярослава становился все тише и жестче, как будто каждое сказанное слово наждачной бумагой стирало его гортань. – Перед каждой военной операцией мы, с ребятами, напившись антибиотиков, делали ставки на то, кто сегодня умрет, кого ранят, а кому

повезет и он вернется целым и невредимым. Мы ставили на человеческие жизни... Разве люди так делают?..

– Я так понимаю, под антибиотиками Вы имеете в виду наркотики?– Анжелика взяла ручку и стала делать пометки в записной книжке.

– Да. Нам их давали командиры ЮНА² перед всеми операциями. Приняв эти таблетки, мы становились почти безумными, универсальными солдатами. У нас повышалась выдержка, физическая активность, вся сенсорика работала на пределе возможного, но главное – было четкое ощущение и даже уверенность, что мы непобедимы! Что мы боги этой войны и ничто и никогда нас не свалит! – Ярослав глухо стукнул кулаком по подлокотнику кресла и сжал его так сильно, что костяшки пальцев сделались снежно-белыми.

– Однако с каждым новым днем становилось все тоскливее, а после каждой операции нас становилось все меньше и меньше. К середине нашего контракта из нашей латвийской компании остался только я один. Один из тех пяти, которые приехали в эту богом проклятую страну, чтобы заработать денег и стать по-настоящему крутыми парнями с военным прошлым и желательно шрамом от пули. Наивная глупость, дерзость и тупость!

Ярослав замолчал так резко и неожиданно, как будто чуть-чуть приоткрывшаяся дверь в прошлое со стуком захлопнулась, и Анжелика поняла, что вытащить из него сего-

² Югославская Народная Армия

дня хоть что-то еще будет крайне сложно.

С Ярославом было непросто, но оттого и интересно работать, он был, как раковина, в которой хранится жемчужина и для того, чтобы эту жемчужину достать очень важно подобрать правильное время и применить нужную силу и ловкость. Вот только вместо жемчужины у Ярослава была темнота, горечь и боль, которые отчаянно сопротивлялись каждый раз, когда Анжелика пыталась вытащить их наружу.

– Я хочу поговорить с вами о вашей девушке. Ее звали Биляна.

Лицо Ярослава на секунду словно свело судорогой, и он опустил глаза, чтобы скрыть подступившие воспоминания. Анжелика давно поняла, что тема этой девушки для него самая тяжелая и страшная. Он мог говорить о массовых захоронениях албанских солдат на придорожных полях, о приеме наркотиков, о боли и страхе, которые приходили после каждой военной операции, он даже мог выборочно говорить о гибели друзей. Однако Билян и все, что было с ней связано Ярослав загнал в самый дальний и глубокий уголок своего сознания, и вытащить это из него было очень сложно. Он постоянно контролировал свои чувства и эмоции и не позволял Анжелике «взломать» себя. Раз за разом она терпела неудачу.

– Она умерла. Дальше я не готов об этом говорить, – Ярослав как будто выплюнул слова на пол.

– Хорошо... Тогда на сегодня мы можем закончить, – Ан-

желика подалась вперед и положила свой блокнот на край стола.— Ярослав, я хочу, чтобы Вы поняли, Вам просто необходимо избавиться от всего, что Вас тяготит и не дает жить настоящим, иначе очень скоро Ваша жизнь станет невыносимой.

Ярослав посмотрел на Анжелику и негромко произнес:

— Она уже невыносима.

— Тогда Вы приняли верное решение, вернувшись ко мне на прием,— психолог слегка откинулась в кресле и улыбнулась Ярославу.— Скажите, что для вас было главным в сегодняшнем нашем разговоре?

— Наверное, то, что он вообще состоялся,— не задумываясь, ответил парень и тут же добавил.— Я хочу прийти завтра. Это возможно?

Анжелика подошла к рабочему столу и посмотрела свой ежедневник. Слегка нахмутив брови, она ответила:

— На ближайшие три недели у меня все расписано... мы сможем встречаться как сегодня, после рабочего дня или... в 8 утра перед моим первым приемом,— она подняла на Ярослава вопросительный взгляд.— Это Вам подходит?

— Да,— поднявшись с кресла, Ярослав благодарно улыбнулся, хотя его глаза были потухшими и холодными.— Я приду к Вам завтра с утра. До свидания.

— Всего хорошего, Ярослав.

Ярослав шел на автобус и ловил себя на мысли, что, не смотря на то что он не сказал ничего нового или важного,

на его взгляд, ему стало чуть-чуть легче. На миллиметр, но легче. Как будто в душе все эти годы были навалены огромные сугробы снега, и чисто белого, и грязно талого, и вот наконец-то он начал этот снег убирать. Пока очищен только малюсенький островок, а насколько легче от этого дышать.

Анжелика сложила все документы в стол и села в свое удобное ортопедическое кресло с высокой спинкой. Ей нравилось это кресло, оно успокаивало и убаюкивало. Анжелика устроилась по удобнее и, закрыв глаза, стала продумывать стратегию вопросов и «раскалывания» Ярослава. Она отлично понимала, что у него внутри стоит такой жесткий эмоциональный блок практически на все, что случилось с ним в Косово, что для преодоления этого блока ей необходимо придумать что-то экстраординарное. Главное, что он решил продолжить их общение, значит, он будет сам пытаться открываться по мере возможности, и ей лишь надобно вовремя и правильно его направлять и надавливать, где это будет необходимо.

Анжелика практиковала как психолог больше десяти лет, и в ее практике было много достаточно тяжелых и сложных случаев, в том числе и с подростками, подвергшимися издевательствам, физическому и эмоциональному насилию в детских домах. Однако Ярослав стал для Анжелики таким клиентом, за которого она переживала и до, и во время, и еще долго после сеанса. Его история, чувства, мучения и страхи вызывали в ней горячую смесь сильнейших эмоций и

чувств. Она сострадала ему, как мать, как человек и как женщина, понимая и чувствуя его боль, страх, первую любовь, ненависть и ярость. Несмотря на то, что она очень хорошо знала, как избавляться от тех проблем и негатива, что выкладывают клиенты в ее кабинете, избавиться от рассказанного и пережитого Ярославом у нее не получалось довольно долго.

Этот раз не стал исключением. Анжелика просидела в своем кабинете еще тридцать минут и только потом отправилась домой. По пути она окончательно успокоилась и выветрила все накопленное за день и решила для себя, что сделает все от нее зависящее, чтобы помочь Ярославу выбраться из той темноты, в которой он сейчас находился.

3. Мария

Март 2005 года, Рига, Латвия.

Ярослав позвонил спустя почти три недели после нашей встречи в цирке и пригласил меня сходить в кино на третью часть какой-то фантастической трилогии, по-моему, это был «Блэйд». Я согласилась. Не потому, что меня так интересовал сюжет только что вышедшего фильма, и даже не потому, что я горела желанием опять встречаться с Ярославом, просто мне банально было нечем заняться в ту субботу, и я решила – страсти вроде бы улеглись, так почему бы и не сходить. Я ясно дам ему понять, что секс меня не интересует, и он отстанет, думала я тогда. В те дни я и не подозревала, куда заведет меня наше знакомство и встречи. Не думала, что страсть, которая уже зародилась во мне на тот момент, но которую я еще не понимала, оставит незаживающие рубцы на моем теле и душе. Я не знала будущего, поэтому так слепо отдавалась и доверяла ему.

Мы встретились у входа в кинотеатр „Forum Cinemas”, лил сильный весенний дождь, и было как-то серо и некомфортно. В тот день я не выбирала, что одеть, чтобы сразить Ярослава, не красила ресницы по десять минут и даже не уложила волосы, а просто стянула их резинкой на затылке. Он выглядел уставшим и каким-то потерянным, и я подума-

да, что возможно стоит вовсе отменить встречу и разъехаться по домам.

– Привет. Давно ждешь?

– Привет. Не очень, – в его руке возникли два билета, он едва заметно улыбнулся. – Держи макулатуру и пошли за попкорном.

«Как всегда коротко и незамысловато. Надо было все-таки приодеться и подкрасить глаза и губы, а то я останусь в его памяти как не накрашенная неряха», пронеслось у меня в голове.

«Интересно она пришла как мышка, потому что думает, что так я быстрее от нее отстану, или просто не было времени на штукатурку», подумал Ярослав.

Мы прошли на третий этаж к первому кинозалу, по пути купив попкорна и кока-колы. Я старалась держаться от него на расстоянии, но он постоянно оказывался в полушаге от меня, и я четко ощущала тепло, исходящее от него и какую-то бешенную энергетику, от которой подрагивали колени.

Мы без приключений добрались до своих мест, но, когда сели, едва коснувшись друг друга локтями, я очень пожалела, что согласилась на этот поход в кино. Даже несмотря на то, что я была полностью сконцентрирована на фильме, от моего внимания не ускользало, что Ярослав периодически смотрел на меня, внимательно изучая мое лицо и прочие в полутьме обозримые места. От этого почему-то приятно ще-

котало в горле и на кончиках пальцев. Я то и дело ерзала в кресле, вжималась в него, с нетерпением переключала ногу на ногу в ожидании долгожданного окончания фильма. Мне очень хотелось поскорее выйти на свет и вновь убежать домой, как тогда в цирке. Страсти и не думали умиряться, они только-только начали по-настоящему тлеть, грозясь в любой момент вспыхнуть и выжечь все разумное и рациональное, что было во мне.

В какой-то момент Ярослав приблизился ко мне и что-то тихо сказал на ухо, не расслышав, я машинально чуть повернула голову, чтобы переспросить и почувствовала, как его губы коснулись моих. Так нежно, но так настойчиво и властно одновременно, что от неожиданности у меня перехватило дыхание. Вся действительность рухнула в одно мгновение, я провалилась в какую-то кружащуюся темноту и все летела, летела, летела... Пока он не оторвался от моих губ и ласково не провел ладонью по щеке. Я открыла глаза и столкнулась с его затуманенным, горящим взглядом, едва различимым в полусвете кинотеатра.

– Мне показалось, я потеряла сознание... – я на секунду зажмурилась в надежде, что это всего лишь сон.

– Мне тоже, – Ярослав опустил глаза, и я заметила, как напряглись его скулы. Он был так близко, что, разговаривая, мы практически касались лбами.

– Это все неправильно, – тихо прошептала я.

– Тогда почему от этого так хорошо?..

Он хотел опять поцеловать меня, но я отстранилась от него, и через секунду опять оказалась в холодном облаке реальности. «Бежать, бежать отсюда! Что ты делаешь, Маша? Ч-Т-О Т-Ы Д-Е-Л-А-Е-Ш-Ь?!» Кое-как досмотрев фильм, мы двинулись к выходу.

– Я так понимаю, в паб мы опять не идем,– Ярослав ухмыляясь, надевал перчатки.

– Ты не ошибаешься,– едва улыбнулась я,– я просто хочу домой.

– Мы можем поехать ко мне домой,– он продолжал усмехаться,– там очень тепло и уютно.

– Тебя забавляет все это?– я зло посмотрела на него.

– Меня забавляет твоя реакция на обычный поцелуй. Как будто мы закон преступили, или ты этого не хотела, а я против воли тебя заставил,– он открыл передо мной дверь на улицу.

– Так и есть,– бросила я ему через плечо, выходя на улицу и вдыхая свежий воздух после проливного дождя.

– Что так и есть?

Я остановилась и серьезно посмотрела ему в глаза.

– Мы преступили черту. У меня есть любимый человек, и то, что я позволила сегодня – недопустимо. Я вообще не понимаю, как оказалась тут. В смысле я должна была тебе консультацию, я ее дала... какого черта мы встречаемся дальше??..

Он приблизился ко мне и ответил тихо, но уверенно.

– Ты хотела этого. Ты хотела, и чтобы я прикоснулся к тебе, и чтобы мы встретились еще раз,– Ярослав наклонился еще ближе и, слегка схватив меня ладонью за затылок, прошептал на ухо,– и не только это.

Я опустила глаза. Никогда мне еще не было так стыдно и отвратительно быть самой собой. Было ощущение, что это какой-то гипноз.

– Нам не надо больше встречаться. Ты просил консультацию, я ее тебе дала, на этом и остановимся. Не провожай меня, ладно, и не обижайся,– я оттолкнула его и быстрым шагом направилась к конечной остановке маршруток.

«Дура, дура, дура! Ты что творишь, Машка?!»

«А что я такого творю? Ну, подумаешь, поцеловалась, это же не измена.»

«Ты любишь другого человека, как ты можешь позволять кому-то чужому прикасаться к тебе? Это – предательство!»

«Это был первый и единственный раз, больше это не повториться...»

«Пообещай мне!»

«Обещаю.»

Этот короткий, но тяжелый диалог с самой собой длился всю мою дорогу до маршруток, и по приезду домой я твердо пообещала сама себе больше никогда не встречаться с Ярославом. Я была искренне уверена, что исполню данное себе обещание. В конце концов, я была прагматичным юристом, умеющим вовремя обуздать эмоции и чувства и сделать все

правильно. Это было первое, чему я научилась в профессии, будучи помощником адвоката и принимая участие на судебных заседаниях.

Ярослав правильно понял мой настрой и исчез из моей жизни так же молниеносно, как и появился в ней. Его не было семь месяцев, и это были воистину самые спокойные и счастливые месяцы в той моей жизни.

4. Ярослав

Октябрь 2005 года, Рига, Латвия.

Рабочий день на деревообрабатывающем предприятии уже подходила к концу. Все, чья смена заканчивалась, доделывали последние операции на станках и убрали свои рабочие места, подготавливая их для ночных сменщиков. Ярослав немного небрежно отбросил последний на сегодня отшлифованный брусок.

– Саныч, мне надо пораньше уйти сегодня, ты помнишь? –

Ярослав вопросительно посмотрел на напарника.

– Помню я, помню, – недовольно проворчал тот и, оставив станок для шлифовки дерева, спросил, – ты куда ходишь-то постоянно после работы?

– Саныч, я же не спрашиваю, что вы с женой в шестьдесят пять лет в постели делаете? Вот и ты не задавай вопросы, на которые знаешь, я не отвечу, – Ярослав снял рукавицы и вытряхнул оттуда залетевшую стружку.

– Ладно, ладно. Ты прямо сейчас что ли хочешь уйти?

– Да. Мне надо быть в центре через час.

– Ну, это ты уже не успеешь.

Ярослав с усмешкой посмотрел на пожилого напарника.

– Ты плохо знаешь, на что я способен, Саныч, – он засунул рукавицы в карман и, сняв защитные очки, быстро на-

правился в сторону раздевалок.

Сергеев Владимир Александрович, которого все называли Саныч, посмотрел вслед Ярославу и подумал, что он никогда в своей жизни не встречал более замкнутого и отстраненного человека, чем его напарник. Они проработали вместе уже больше года, но он не знал о нем практически ничего. Ярослав был хорошим, исполнительным работником, практически никогда не перечил, но был как-то особенно холоден и порой даже груб. Особенно, если кто-то пытался расспросить его о семье, девушках и вообще жизни вне работы. Ярослав отмалчивался или открыто огрызался. Поначалу Сергеев думал, что это все напускное, и только со временем понял, что его напарник действительно замкнутый и нелюдимый человек, а от таких в жизни ничего хорошего не жди, это он усвоил давно и на своем опыте.

Внимательно осмотрев станок на предмет неполадок, Саныч стал предельно быстро и четко убирать место их с Ярославом работы, чтобы поскорее вернуться домой, где его ждала любимая жена и теплый вкусный ужин.

Ярослав пришел к Анжелике ровно в назначенное время. Он заглянул в кабинет как раз, когда она закрутила свои длинные темные волосы в свежую кичку.

– Здравствуйте, Ярослав! – Анжелика отошла от зеркала и жестом предложила Ярославу сесть в уже давно знакомое

кресло.

– Здравствуйте.

– Как вы себя чувствуете? С чем сегодня пришли?

Ярослав устало плюхнулся в кресло и поставил на пол свой рюкзак.

– С чем я могу к вам прийти, Анжелика? – с легким раздражением спросил он. – С тем же, что и последние семь месяцев.

– Вы раздражены... – Анжелика спокойно смотрела на Ярослава, положив руки на подлокотники кресла.

– Конечно, раздражен! Мы с вами встречаемся два раза в неделю больше полугода, а я как был психованный, так и остаюсь, – зло процедил он, – точнее, все стало еще хуже.

– Что конкретно стало хуже, Ярослав?

– Кошмары никуда не ушли, я постоянно сижу на снотворных и антидепрессантах, я не могу нормально общаться ни с одним человеком.

– Вы же понимаете, что это не быстрый и легкий процесс вроде удаления зуба с обезболивающим лекарством.

– Понимаю.

– Хорошо... Вы помните, о чем мы говорили в прошлый раз?

– Да, – тихо ответил Ярослав и сжал кулаки.

– О чем?

– О Биляне. О... ее смерти.

– Когда вы потеряли Билянину, что вы почувствовали? – го-

лос Анжелики был тихим и сочувствующим.

– Я ее не потерял,– глухо и зло ответил он,– ее убили.

Почти не дыша, Ярослав долго смотрел в окно, пытаясь совладать с нахлынувшими воспоминаниями и чувствами. Когда он перевел взгляд на психолога, то ничего кроме пустоты и безразличия она там не увидела.

– Я не буду больше вспоминать об этом. Вы должны научить меня забыть это, а не заставлять переживать все снова и снова,– он сжал зубы, постепенно возвращая контроль над эмоциями.

– Ярослав, вы понимаете, что находитесь на грани?– Анжелика звучно выдохнула и продолжила.– Наши встречи бессмысленны, если вы будете отмалчиваться и постоянно контролировать себя, не давая мне возможности вам помочь.

– Разве ваша задача не состоит именно в том, что достать из меня все необходимую информацию и чувства? У вас же должны быть какие-то методики, чтобы я, наконец... раскололся?

– Все эти семь месяцев, что вы ходите ко мне, я пытаюсь вам помочь, и я испробовала все возможные и известные мне методы и подходы, чтобы взломать вас, если можно так выразиться. Однако у вас очень сильная психика, и вы сопротивляетесь так отчаянно, что я должна признать, у меня не получится вам помочь, если вы сами не захотите этой помощи.

– Я же пришел к вам!– в сердцах сказал Ярослав.– Разве

это не крик о помощи?! Разве это не доказывает, что я готов делиться и отдавать.

– Несомненно,– Анжелика чуть понизила голос, тем самым пытаясь успокоить Ярослава,– но прийти это только первый шаг, и он один ничего не изменит. Да, вы готовы открыться, возможно, просто не мне. В какой-то момент вы по какой-то причине потеряли ко мне доверие, поэтому и открываться мне для вас стало все сложнее и сложнее. Однако, если мы попытаемся понять почему это произошло...– Анжелика не успела закончить.

Ярослав мотнул головой и решительно встал.

– Вы правы. Я думаю, мне больше не надо сюда приходиться. Мне становится только хуже,– взяв рюкзак, он вытащил десятилатовую купюру.– Спасибо вам за помощь. Дальше я сам.

Положив деньги на столик, Ярослав решительно вышел из кабинета.

Дойдя до остановки, и, отстояв длинную очередь на автобус до Олайне, он окончательно продрог. Ярослав понимал, что его трясет не только из-за ветра и почти нулевой температуры, совсем не свойственной октябрю. Каждый раз, после визита к Анжелике его колотило, как в лихорадке. Она говорила, что так тело реагирует на его постоянный контроль над собой и своими эмоциями, когда все мышцы напряжены и готовы к обороне. Сопrotивляясь ее натискам и под давлением воспоминаний и чувств, томящихся в нем и рвущихся

наружу, тело и разум настолько устают физически, что, когда он позволяет себе расслабиться, выйдя из ее кабинета, от перенапряжения мышцы самопроизвольно сокращаются и тело начинает трясти. Возможно, она и права. Вот только, что ему делать с этим? Он понимал, что дальше жить в таком состоянии невозможно. Ему было плохо, тяжело и иногда даже физически больно вспоминать и проживать все, что было с ним в Космете на каждом сеансе у Анжелики. Скорее всего, поэтому он и сопротивлялся, как мог, пусть даже и не осознанно.

Зайдя в автобус и устало плюхнувшись в теплое сидение у окна, Ярослав закрыл глаза и попытался уснуть. Однако перед ним все время всплывал такой знакомый и приятный сердцу и уму образ... Маша. Когда ему было плохо и одиноко, он почему-то все время вспоминал именно ее. Ярослав не звонил ей после той встречи в кино, когда они поцеловались. Она явно дала понять, что не хочет его больше видеть. Давно уже надо было забыть и ее, и тот нелепый поцелуй. Он и забыл. Почти.

Никогда Ярославу не было так тяжело, как в последние полгода, когда он по капле стал отдавать свои переживания, начал вспоминать и переживать все снова, чтобы отпустить мрак и боль тлеющую внутри. Опять пережить потерю близких и любимых людей... что может быть хуже? Сейчас он, как и когда-то, отчаянно желал себе смерти, чтобы прекратить эти мучения. «Биляна... Милая, любимая Биляна, если

бы ты осталась жива, ничего бы этого со мной не происходило. Мы бы поженились и были счастливы. Как же я хочу к тебе... к тебе, Сашке, Костяну, Валерке, Марку. Хорошо вам там... Я очень надеюсь, что хорошо. Потому что здесь – ад». За окном в сгущающихся сумерках мелькали деревья и прореди давно убранных полей, Ярослав смотрел на эти ничего незначачие для него картинки и погружался в легкую дремоту...

Ярослав открыл дверь квартиры своим ключом и, сбросив куртку и рюкзак с ботинками, вошел на кухню. Мать как обычно что-то варила-парила на плите, а отец, подвыпив, привычно дремал в углу у стола. Он жил с родителями не потому, что не мог снять квартиру или не хотелось самостоятельной жизни, просто было очень страшно быть одному в тишине, когда нет кого-то рядом. Пусть даже эти «кто-то» практически не обращали внимания на него и его жизнь, но все-таки присутствие кого-то живого хоть немного успокаивало и расслабляло его.

– Мам, Пашка приехал?

– Да, в комнате, тебя ждет, – не оборачиваясь, ответила она. – У него первый пациент сегодня ночью умер.

Сказав это, она недовольно перемешала мелко нарезанный лук и сало, задорно скворчащее на сковородке. Всю жизнь ей не нравилось готовить, и она делала это, словно отработывая повинность, наверное, поэтому ее стряпню не любил ни одни из членов семьи. Однако это ее мало заботило,

еда приготовлена, белье постирано, квартира убрана – что еще от нее может быть нужно?

Она с тоской посмотрела на дремлющего у стола мужа и, неуклюже толкнув его в плечо, сказала:

– Если кушать не будешь, иди спать на диван.

Он вяло поднялся и поплелся в гостиную, где его ждал старый продавленный диван советского образца со светло-коричневой обивкой в мелкий цветочек. Этот диван становился его прибежищем каждый раз, когда он выпивал, то есть довольно часто.

Наспех запихав в рот ломтик хлеба, Ярослав взял со стола тарелку с нарезанной колбасой, помидорами и сыром и пошел в свою комнату.

Младший брат спал на его диване, рядом стояла непочатая литровая бутылка водки и две рюмки, из телевизора громко орал Малахов.

Павел Шиповалов был полным антиподом Ярослава, который был старше его всего на полтора года. У него были совсем светлые волосы, он был ниже брата на голову и обладал плотным и увесистым телосложением. Павел был одним из тех, кто всю жизнь посвящает тому, чтобы спасти других и просто не мыслит жизни без этого. Наверное, именно поэтому он решил стать врачом и, заканчивая учебу в резидентуре, работал в Детской клинической больнице в детской хирургии под руководством доктора Ариса Лациса. Павел восхищался своим наставником и коллегами, которые почти с

самого начала позволяли ему принимать участия в операциях не только как наблюдателю. В этой профессии ему нравилось все, и частые, изматывающие дежурства, и командировки на один день, например, в Данию, чтобы присутствовать на сложнейших операциях на сердце трехлетнего ребенка, и долгие ночные обсуждения с коллегами предстоящих операций в поисках наилучшего решения. Он был без остатка предан своему делу, однако оказался совершенно не готов к смерти пациента. Конечно, он знал, что такое случается сплошь и рядом, их учили, как преодолевать это, но, столкнувшись с гибелью ребенка в первый раз, он не нашел лучшего способа, чем приехать в гости к брату, чтобы напиться. Уж очень ему не хотелось оставаться одному в пустой съемной квартире неподалеку от больницы.

Сделав телевизор тише, Ярослав сел на диван и потряс брата за плечо.

– Пашка!

– Мммм... – Паша с трудом разлепил глаза и непонимающе посмотрел сначала на Ярослава, а потом на Малахова на экране, вещавшего об ужасах жития в отдаленных деревнях и селах России.

– Ты сколько выпил уже? – Ярослав огляделся в поисках пустых бутылок.

– Нисколько... – невнятно пробормотал Пашка и сел, потерев голову руками и взъерошив ладонями волосы. – Таблеток твоих наглotalся и вырубился.

– Ты что? Их только в крайних случаях принимать можно!

Это же...

– Пошел ты!– огрызнулся Паша.– Сам, небось, их горстями каждую ночь жрешь. И я – врач, если ты не забыл. Знаю, что и сколько можно.

Ярослав посмотрел на брата, и устало сел рядом. Спорить и что-то доказывать совсем не хотелось.

– Почему умер-то?

– Мы делали операцию Росса, меняли клапан сердечной аорты пациенту на клапан, взятый у него же из легочной артерии. Операция технически сложная и очень опасная. Пациент умер.

– Пациент это тот годовалый ребенок?

– Да, годовалых тоже называют пациентами,– вновь огрызнулся Павел.

– Ладно, не заводись,– Ярослав взял бутылку водки и, откупорив ее, разлил по рюмкам.

– Давай выпьем,– Пашка потянулся к рюмке.

– Давай,– Ярослав снял свитер и бросил его на стул, оставшись в майке.

Паша секунду посмотрел куда-то в пустоту, а потом, не говоря ни слова, опрокинул рюмку водки в рот.

– Самое паршивое,– слегка морщась, сказал он,– что этот ребенок был не последним. Первым, но не последним.

– Ты собираешься пить после каждого,– спросил Ярослав и, осушив свою рюмку, налил еще.

– Не знаю. Пока не привыкну к этому, наверное, буду, хотя Лацис сказал, что крепкий сон и осознание того, что мы попытались, и этот опыт нам еще послужит в будущем, тоже должен помочь,— ответил Павел и опять залпом выпил, закусив куском колбасы и сыра.— Скажи, как ты пережил то, что случилось в Косово?

Ярослав посмотрел на брата и, тяжело ухмыльнувшись, ответил:

– А я не пережил. Живу в этом говнище уже почти семь лет,— осушив рюмку, он добавил,— и водка не помогает. Впрочем, как и все остальное. Так, что завязывай с этим.

Остаток вечера они почти не разговаривали, а только пили. Каждый о своем – Павел об умершем ребенке, Ярослав о прошлом и настоящем. Они никогда не были по-настоящему близки, уж так их воспитали, но в самые тяжелые моменты жизни всегда оказывались рядом друг с другом. Пусть даже только для того, чтобы выпить в тишине.

Когда на столе беззвучно завибрировал телефон, я, занятая работой, даже не посмотрела на высветившееся имя звонившего и подняла трубку.

– Алло,— устало произнесла я.

На другом конце молчали, неуверенно дыша в трубку.

– Алло!— повторила я уже более четко и громко.

– Маш... это я.

– Кто я?

– Ярослав.

На мгновение я подумала, что меня с ног до головы окатили ушатом ледяной воды и воткнули сотни маленьких острых и ледяных сосулков. Одним именем, одним голосом.

– Да, я слушаю тебя,– сказала я, пытаюсь понять, зачем он вдруг позвонил мне столько времени спустя.

– Мы можем встретиться?

От его голоса и моментального воспоминания нашей последней встречи и поцелуя у меня по всему телу побежали мурашки, и слегка закружилась голова.

– Зачем?– настороженно ответила я вопросом на вопрос.

– Я тебе объясню при встрече.

– Нет. Нам не надо встречаться,– быстро выпалила я в ответ, пытаюсь привести в порядок мысли и внезапно вспыхнувшие эмоции.

– Маш... мне очень нужно с тобой увидеться.

– Зачем?– повторила я свой вопрос, уже заранее зная ответ.

– Я буду ждать тебя после работы около выхода,– настаивал Ярослав.

– Нет,– тихо и коротко ответила я и повесила трубку.

«Он придет. Он обязательно придет и будет меня ждать»,– пронеслось у меня в голове.

Стараясь унять и уgomонить воспоминания такого далеко и короткого поцелуя, я полностью погрузилась в составле-

ние искового заявления о разводе и разделе имущества между супругами Лиепинями, которое решил подать муж. Их история казалась уж очень банальной. Познакомились еще в школе, поженились в восемнадцать лет, он учился, потом успешно шел в карьере, она помогала ему, поддерживала, рожала и воспитывала детей и обустроивала быт. В итоге почти двадцать пять лет в браке, трое детей, большой дом за городом, четырехкомнатная квартира в центре Риги, две машины, мотоцикл и так по мелочи – драгоценности, шубы и прочее. И тут появилась Она. Двадцати трехлетняя, красивая, неглупая, хитрая, цепкая, соблазнительная. Одним словом, в ней было все то, что жена растеряла за эти долгие годы брака. Он хочет развестись, он молод, бодр и свеж, жена же хоть и ухоженная и элегантная, но все-таки уставшая и потерянная. Она оскорблена и зла, оттого и требует половину всего, что они нажили в браке, а это ой как не мало. Конечно, он не хочет отдавать так много, считая, что воспитание детей и содержание дома в опрятности это мелочь не стоящая так дорого, ведь теперь ему надо что-то предложить и своей новой молодой спутнице.

Дележка нажитого всегда неприятна и мелочна. Вот уже два года я занималась в основном бракоразводными делами, точнее подготавливала документы для подачи в суд, были еще и споры между компаниями и возмещение ущерба, но семейное право давалось мне намного проще, хотя и не было таким интересным, как имущественное.

Закончив составлять проект заявления о разводе, который получился почти на пять страниц, я отослала его и отсканированные документы своему начальнику, который был главой адвокатской конторы, и устало посмотрела в окно. Очень хотелось поскорее попасть домой и устроиться на диване с любимой книжкой в руках. Мне было очень жалко эту женщину, мне казалось, я физически чувствовала и ее отчаяние, и боль, и грусть, и обиду. Поэтому я так торопилась домой, чтобы забыться за чтением очередной доброй интересной книжки, где в итоге у главных героев все будет хорошо.

Выключив свет в кабинете, я вышла в фойе и стала искать записанный в мобильном телефоне код, чтобы поставить входную дверь на охрану. Услышав за спиной шорох, я резко обернулась и увидела Ярослава стоящего рядом с огромным деревом фикуса. За работой я совсем забыла, что он должен был прийти. «О, господи...» – пронеслось у меня в голове.

– Как ты вошел?– спросила я.

– Твоя коллега, уходя домой, меня впустила. Я сказал, что должен доставить цветы,– он вытащил из-за спины небольшой букет роз какого-то необычного лососевого цвета.

Я с недоверием посмотрела на него, но все же, взяла цветы в руки.

– Очень красиво, спасибо.

– Маш, давай пойдем куда-нибудь, попьем чай или что ты

захочешь,— Ярослав сделал попытку приблизиться, но я отступила назад.

— Зачем?

— Ты мне уже в третий раз за сегодняшний день задаешь этот вопрос.

— Потому что ты до сих пор не дал мне на него ответ,— чуть раздраженно ответила я.

— Ну, что ты хочешь, чтобы я тебе ответил?— спокойно спросил он.

— Я ничего не хочу, Ярослав. Ты пропадаешь, потом объясняешься и говоришь, что нам надо встретиться. Естественный вопрос, который возникает — зачем? Тебе нужна консультация? Флирт? Секс? Компания сходить в кино? Что? Я правда очень устала сегодня и хочу домой. Поэтому говори, что ты хочешь, и позволь мне уйти.

Он едва заметно улыбнулся, хотя его взгляд все время оставался напряженным.

— Секс был бы очень кстати, но для начала я хочу просто попить чай, поговорить и объяснить почему пропал так долго.

— Мне это совсем неинтересно,— ответила я, сжав в руке сумку.

— Секс или где я был все это время?— в голосе Ярослава появилась плохо скрываемый смех и ирония.

— Очень остроумно,— сухо парировала я.— И то, и другое.

— Неправда,— сказал он,— тебе это интересно. Я даже пред-

положу, что обидел тебя таким резким исчезновением, и причина такого поступка должна быть тебе как минимум любопытна.

– Отнюдь,– соврала я.– Если помнишь, тебе нужна была только моя консультация, я ее тебе дала. Все остальное было огромной, неуместной и необъяснимой глупостью, которая вовремя закончилась.

– Думаешь?– спросил он, глядя мне прямо в глаза, и незаметно сделал шаг в мою сторону.

– Уверена,– мой голос немного дрогнул, но звучал вполне убедительно.– Неужели ты думаешь, что произвел на меня такое неизгладимое впечатление, что я помнила о тебе столько времени?

Я пыталась оцетиниться и иронизировать, хотя от его взгляда и голоса в душе уже началась песчаная буря, помутняющая разум и не позволяющая рассуждать трезво.

Ярослав улыбнулся.

– Я думаю, что ты сейчас чувствуешь себя неловко. Ты все время отводишь глаза и отступаешь, когда я пытаюсь подойти к тебе, а значит, ты все прекрасно помнишь. Более того, думаю, ты боишься, что я опять попытаюсь тебя поцеловать. Ты хочешь этого, но боишься,– неторопливо ответил он, и от этих слов у меня по всему телу разлилось тепло переходящее в жар.

Я стыдливо опустила глаза, не зная, что ответить. Меня как будто опутало чем-то невидимым, липким и чертовски

приятным.

Ярослав словно хищник за добычей, крадучись, подошел ко мне совсем близко. Так близко, что я уловила знакомый запах леса. Отступить мне было фактически некуда.

– Я думал о тебе все это время, – тихо сказал он.

– Не подходи ко мне... – выдохнула я. – Ты не смеешь появиться и опять перевернуть все вверх дном.

– Маш... – прошептал Ярослав и, обхватив ладонью мою шею, запустил пальцы в волосы.

– Ярослав, не надо, – упорно твердила я, понимала, что уже упустила контроль над ситуацией, хотя, наверное, в отношениях с ним я никогда ей по-настоящему и не владела.

Как будто не было этих месяцев разлуки, как будто только вчера мы вышли из того кинотеатра... Ярослав едва ощутимо коснулся губами моего лба. Я уперлась кулаками в его грудь и слабо попыталась оттолкнуть его от себя, однако ничего путного из этого не получилось, и он только крепче сжал своей ладонью мой затылок. Я посмотрела на него, и его губы тут же нашли мои. В один миг я потеряла почву под ногами, и вся воля с таким трудом собранная в кулак просочилась сквозь пальцы как горячий морской песок... Этот человек одним своим голосом и взглядом мог кинуть меня в какую-то темную бездну.

Не помню, как долго мы целовались, страстно прижавшись друг к другу около фикуса, и жадно ощупывая друг друга руками, но, когда Ярослав отстранил меня, я не сразу

поняла, где мы и как сюда попали.

– Я хочу тебя... Поедем ко мне,– слегка хриплым голосом сказал он, касаясь губами моего уха.

Эти слова почему-то хлестнули меня, как пощечина, и мой полет резко прервался, больно бросив меня на землю. Я отстранилась от него и, отрицательно мотнув, сказала:

– Нет. Я поеду домой,– я потуже запахнула пальто и, подняв с пола упавшую сумку и цветы, подошла к входной двери.

– Тебе пора.

Ярослав стоял, не понимая причину такой резкой перемены.

– Маш, в чем дело? Что я опять сделал не так?

– Просто уходи,– я стиснула зубы, пытаюсь унять появившуюся дрожь. Было ощущение, как будто после жаркой бани меня в одну секунду выпихнули на двадцати градусный мороз.– Ничего не изменилось – я не свободна, секса не будет.

– Хорошо, давай просто погуляем по городу, поговорим, сходим...

– Да не получается у нас просто поговорить, неужели ты не видишь?!– не выдержала я.

– Вижу. Только меня это не смущает,– спокойно ответил он.

– Ярослав, что ты делаешь?– от негодования на себя и на него за только что произошедшее, я начинала злиться.

– Неужели это так не понятно?– удивился он.– Я пытаюсь

тебя отбить. Я знаю, что нравлюсь тебе даже больше, чем тебе хотелось бы, и ты будешь моей.

– Нет. Не буду, – тихо, но твердо сказала я и, открыв входную дверь, вопросительно посмотрела на Ярослава.

Он взял свой рюкзак и, застегнув куртку, вышел на улицу. Поставив дверь на сигнализацию, я вышла за ним и как можно более твердо и уверенно сказала:

– Ярослав, я очень прошу тебя, не приходи больше и не звони мне.

– Я буду встречать тебя здесь каждый день после работы, – как будто не слыша моих слов, сказал он. – Я буду ждать, пока ты не перестанешь сопротивляться.

– Я никогда не перестану, – отчеканила я и поспешила в сторону станции.

Ярослав только улыбнулся и посмотрел мне вслед.

5. Мария

Ноябрь 2005 года, Олайне, Латвия.

Я осторожно, не поворачивая головы, огляделась вокруг. Было довольно темно, но вполне можно было различить очертания стола и двух стареньких стульев, какие-то длинные горшки для рассады на подоконнике, печку, в которой приятно и душевно трещали дрова и пламя периодически вырывающиеся наружу через открытую дверцу. Аккуратная стопка дров, которой должно было хватить на всю ночь, лежала рядом с печкой, а на столе стояли две кружки с уже остывшим чаем, который вместе с конфетами так и остался нетронутым.

– Ты не спишь?

– Нет. Подай мне сигареты, пожалуйста, – я приподнялась на локте, обнажив прикрытую одеялом грудь.

Ярослав потянулся к полке за изголовьем кровати и, протянув мне «Парламент», чиркнул зажигалкой.

– Ты же говорила, что не куришь.

Я прикурила и, выпустив первую струйку дыма, тихо прошептала:

– Ты просто плохо слушал, когда я говорила об этом.

– Все в порядке? – Ярослав сел, прислонившись спиной к стене и, согнув колени, поставил на одну из них маленькое

блюдец для пепла.

– Ты имеешь в виду, понравилось ли мне?

– Нет, я не об этом. Я знаю, что понравилось.

– Ты слишком самоуверенный.

– С тобой я робкий и глупый... – Он взял сигарету и закурил. – Ты жалеешь?

Глубоко затянувшись, я посмотрела на него:

– Мне это все больше и больше напоминает сюжет из мыльной оперы... Сейчас я скажу, что не жалею, и мы опять займемся сексом, а потом будем жить долго и счастливо и умрем в один день. Глупо и банально.

Ярослав выжидающе смотрел на меня, его напряженное лицо освещало лишь лихо выбивающееся из печки пламя и огонек сигареты при каждой затяжке. Я отвела взгляд и опять затянулась. Курение успокаивало и кружило голову, отвлекая от подвывания совести.

– Спроси меня об этом, когда взойдет солнце, – попыталась отшутиться я.

– Так ты сейчас не убежишь как обычно, а останешься до утра? – Ярослав улыбнулся.

– Да, – я ответила на его улыбку. – К тому же, тут, и бежать-то некуда, одни поля вокруг и пустые летние дачи.

Придвинувшись, я села и откинулась спиной на его грудь. Он нежно обхватил меня сзади свободной от сигареты рукой, еще сильнее прижимая к себе, и осторожно коснулся губами моего затылка. Я почувствовала, как что-то дрогнуло в серд-

це, и тут же поспешила нарушить это секундное любовное единение.

– Ярослав... я только хочу, чтобы ты понимал, что у нас не будет серьезных отношений. Ты ведь это понимаешь, да?– я слегка отстранилась и, повернув голову, вопросительно посмотрела на него.

Он чмокнул меня в губы и тихо ответил:

– Главное, чтобы ты это понимала.

Я опять отвернулась и стряхнула пепел со своей сигареты и, обтирая ее тлеющие края об пепельницу, стоящую на его коленке, сказала:

– Я понимаю. Просто...

– Что просто? – спросил Ярослав, продолжая беззвучно касаться губами моих волос и затылка.

– Просто ты так меня обнимаешь и целуешь сейчас...

– Как?

– Как будто я – твоя, – чуть помедлив, ответила я.

Он повернул меня к себе и аккуратно взял за подбородок, заставив посмотреть ему в глаза.

– Маш, а ты и есть моя, – его голос и взгляд впервые за столько времени был теплым и мягким, насколько я могла его разглядеть. – Здесь и сейчас ты – моя, а что будет завтра, меня мало волнует. Я знаю, что не хочешь со мной встречаться и иметь нормальные отношения. Я знаю, что у тебя есть кто-то еще. Я буду играть по твоим правилам, какими бы наивными они мне не казались, а дальше посмотрим.

Я, молча, кивнула и, затушив свою сигарету, поставила пепельницу обратно на стол.

– Уже поздно, точнее рано. Давай поспим хотя бы пару часов,— отодвинувшись от него, я наглухо накрылась одеялом, как будто пытаюсь построить безопасную стенку между нами.

– Ты спи, а я пойду, подброшу еще дров, иначе печка скоро потухнет, и принесу воду с колонки,— Ярослав затушил свою сигарету и, надев джинсы и рубашку, босиком вышел в коридор.

Уже через пару минут под тихий треск печки я провалилась в глубокий дрем.

Я проснулась от того, что кто-то нежными прикосновениями поглаживал мне спину и легкой медленной россыпью целовал плечи. Я в одну секунду очнулась ото сна и вспомнила кто это, что я здесь делаю и что случилось прошедшей ночью. В ту минуту мне больше всего захотелось очутиться где-то совсем в другом месте, неважно где, только бы не здесь. Почему-то только при свете дня все казалось подлым и неправильным, ночью же, укутанная темнотой, я была недосягаема для своей совести и чувства вины. Наверное, ночью людьми полностью овладевают совсем иные чувства и эмоции, нежели днем, и поэтому все плохое, страшное и непоправимое всегда происходит именно под покровом ночи.

– Доброе утро,— тихо сказал Ярослав и поцеловал меня в

шею.

– Щекотно,– я дернула плечом и демонстративно посмотрела на часы, висящие на стене.

Ярослав проследил за моим взглядом.

– Мне уже надо идти,– я приподнялась и, прикрываясь одеялом начала быстро выползать из теплой постели. Ярослав не пытался меня удержать.

– Когда мы опять увидимся? – он закурил и сел на диване.

На минуту я замешкалась, не зная, что ответить и ища глазами свои разбросанные вещи. «Что же я наделала?.. Что наделала... Бесстыжая предательница!.. Уходить. Надо срочно уходить отсюда и больше никогда не возвращаться».

– Я не знаю.

– Мы вообще еще увидимся? – он спокойно курил, играя пальцами с зажигалкой.

– Не знаю,– я натянула свитер и джинсы на голое тело, наспех запихнув найденные на полу трусики и лифчик в сумку.

– Куда ты так торопишься?

– Мне надо быть дома...– я лихорадочно застегивала сапоги, глазами ища перчатки и шарф.

– Твой шарф на стуле под пальто, а перчатки в кармане моей куртки,– Ярослав затушил сигарету и продолжил с интересом наблюдать за моими стремительными сборами.

Я чувствовала, как меня душат слезы и как мне поскорее хочется остаться одной. «Домой. Скорее домой и в душ... наплакаться вдоволь, так, чтобы выплакать все чувство вины,

которое просто душит с того момента, когда поняла где и почему нахожусь... Как же ему удалось меня сломить?.. Ненавижу себя за то, что не могу ему сопротивляться...» В то время понятия подлости, измены и предательства как-то притупились и затуманились в моем разуме. Было только невыносимое и какое-то автоматическое чувство вины и тяжести, которое, однако, приходило только с рассветом, когда было уже слишком поздно.

– Ты что?.. Ты плачешь? – Ярослав встал и попытался повернуть меня к себе и посмотреть, сухи ли мои глаза, но я отдернула его руку.

– Да не трогай же меня!!

– В чем твоя проблема?!

Я надела пальто, взяла со старенького обшарпанного стула сумку и шарф и повернулась к нему.

– Ты! Ты – моя проблема, – почти прокричала я. – Ты не допускаешь, что у меня может быть просто чувство вины? – комок в горле никак не давал голосу звучать нормально и все время получались какие-то полухрипы.

– Перед кем? – зло усмехнулся Ярослав. – Перед парнем, который с тобой проводит три недели в году?! Как вы вообще до сих пор вместе? Это же какие-то ненормальные отношения!

– Я люблю его, ты понял?! – с каким-то отчаянием прокричала я.

– Может быть. Только и меня ты любишь тоже, – тихо, но

уверенно сказал Ярослав, выжидающе глядя мне в глаза.

Я выдержала его взгляд и, сжав в руках шарф, так же тихо ответила:

– Это не может быть любовью. Любовь совсем другая...

А это... не знаю...

– Думаешь, если мы не будем встречаться, это что-то изменит?

– Уверена. Если бы ты только оставил меня в покое и не появлялся больше...

– Глупость,– почти оборвал меня Ярослав,– и когда ты поймешь, что на самом деле пытаешься убежать от себя, а не от меня, станет и легче и тяжелее одновременно. Ты уже не сможешь все решить простым побегом, тебе придется принимать решения и брать за них ответственность, и после этого винить меня в твоих действиях ты больше не сможешь.

– Очень проникновенная и мудрая мысль,– попыталась съязвить я, понимая, что в чем-то он, безусловно, прав.

Я туго завязала шарф вокруг шеи и повесила на плечо сумку:

– Все. Я ушла.

– Я позвоню тебе,– сказал Ярослав мне в спину.

Ничего не ответив, я плотно закрыла за собой дверь.

По дороге домой, сидя в теплом мягком автобусе, я не смогла проронить ни слезинки, и от этого на душе становилось все тяжелее и тоскливее. В кармане завибрировал телефон. Экран светился новым смс: «Привет! Я оформил от-

пуск на пару дней. Буду в Риге 20 февраля. Надо поговорить. Думаю, тебе должно хватить этого времени, чтобы побыть одной и разобраться в себе. Приеду, и мы поставим точку. Алексей». И тут слезы покатились градом, я даже не поняла, откуда они появились в таком количестве и так быстро. Я давилась слезами, проклиная себя, свой звонок Алеше три недели назад, когда попросила дать мне время побыть одной и подумать о том, как нам с ним быть дальше. К тому моменту я уже понимала, что сломаюсь под напором Ярослава и хотела хоть как-то очистить совесть, поэтому и решила взять тайм-аут в отношениях с Алексеем. Однако такой ход мою совесть не успокоил и факт измены и предательства не уменьшил.

«Ну, зачем... зачем Ярослав опять появился в моей жизни? Зачем я его впустила? Что за власть он надо мной имеет?.. Его не было почти семь месяцев, все встало на свои места... Все было так просто и понятно – я люблю Алешу, мне с ним спокойно, тепло и уютно, и я хочу быть с ним. Зачем опять все это?.. Я запуталась... я окончательно запуталась...»

6. Ярослав

Декабрь 2005 года, Олайне, Латвия

Ярослав торопился домой, он очень устал после рабочего дня и хотел просто поскорее принять снотворное и забыться. Выйдя из электрички, он зашел в магазин и, купив мясной салат и чипсы, направился к дому. Около его подъезда сидели трое каких-то парней, на которых он бы никогда не обратил внимания, если бы на одном из них не были одеты особые военные сапоги и куртка. Такие сапоги и выцветшую зеленую пятнистую куртку он видел только в одном месте. Точнее он сам их носил там.

– Егегееей!– увидев его, компания встала со скамейки.– А вот и он!

– О! Привет, Серега! Макс! – Ярослав протянул им руку.– Какими судьбами в Олайне?

– В гости к тебе приехали! Примешь?– засмеялись они.

– О чем речь! Сейчас возьму у бати ключи от машины и дачи и двинем туда,– Ярослав уже почти вошел в подъезд, когда его окликнул третий парень.

– Здорово, Каин! А старых друзей не узнаешь совсем?– немного хриплым, простуженным голосом спросил третий молодой человек.

Ярослав окаменел. «Каин» был его позывной в Космете

и никто, кроме него и остальных погибших там друзей этого не знал. Он обернулся на вышедшего из тени молодого человека в «спецовке», которая еще издали, привлекла его внимание. Тот снял капюшон, натянутый на голову и закрывавший почти пол лица.

– Костян?..– выдавил из себя потрясенный Ярослав.– Ты же... я же сам видел...

Костя Малевич, один из его друзей косовцев стоял напротив и протягивал руку. Тот самый Костя, который закрыл его от пуль в их первый боевой акции, тот самый Костя, который погиб в Космете при взрыве автомобиля.

Все еще не веря своим глазам, он ответил на рукопожатие, но тут же поддавшись чувству, крепко обнял друга.

– Здравствуй, Старик,– тихо сказал Ярослав.

Они с друзьями почти с самого детства называли Костю стариком, потому что из всей их компании он был старше остальных и на правах старшего вечно утомлял их нравоучениями.

– Здравствуй,– ответил Костя.

– Подождите меня, я буду через пять минут,– Ярослав бегом поднялся домой и, перебросившись парой никчемных фраз с матерью, забрал ключи от дачи и машины и спустился вниз.

Загрузившись в машину, ребята заехали в магазин и, купив спиртное и нехитрую закуску, направились на дачу.

Когда Серега и Макс утомленные водкой, свежим мороз-

ным воздухом и двумя часами ночи уснули, Ярослав и Костя, стоя у дымящегося мангала, смогли, наконец, поговорить о том, что томилось в них с первой минуты, когда они увидели друг друга сегодня.

– Ты, наверное, ждешь рассказа о том, как я оказался жив и почему я в Латвии?– Костя налил себе и Ярославу очередную стопку водки.

– Жду,– ответил Ярослав и осушил свою рюмку.– Не хотел спрашивать при ребятах. Я им ничего не рассказывал, они думают, мы все были в Англии и что Марк, Саня и Валерка до сих пор где-то там.

– Да, я знаю,– Костя выпил водку и бросил в рот кусок уже остывшего печеного мяса.– Я им тоже ничего не сказал. Хотел, но не смог. Да и зачем?.. Мы видимся не так часто, чтобы эта тема постоянно всплывала.

Ярослав закурил и, выпустив струю дыма, выжидающе посмотрел на Костю.

– После того обстрела,– начал тот,– отлежав почти месяц в больничке, я служил в районе Чичавицы под руководством Британского КФОРа, точнее был в группе поддержки.

– Точнее не значился ни в одних официальных документах, партизанил, убивал, прятался по лесам и заброшенным домам и был полу пушечным мясом.

Костя бесцветно улыбнулся.

– Помнишь, значит.

– Такое не забывается.

– Уже в 2002 меня с группой КФОРа послали в район Липляны, где мы в основном вели разведку и зачищали села, где прятались албанские патриоты, а потом нас перебросили в район Косовской Митровицы. Я там был вплоть до мая 2004 года, когда случились известные беспорядки. После этих нескольких дней постоянных перестрелок, пожаров, трупов мирных жителей и ликующих албанцев, что-то окончательно сломалось внутри. Точнее, как будто кто-то поставил мне тормозные колодки, и я уже не мог больше там находиться. Понял, что из следующего боя живым не выйду. Я вернулся в Латвию пару месяцев назад, до этого почти полтора года жил у сестры в Тарту.

– Ты дезертировал?

Костя посмотрел на Ярослава.

– Ну, зачем сразу дезертировал. Я же – вольный наемник, так, что... думаю, меня просто списали, как пропавшего без вести, радуясь, что больше нет необходимости платить деньги, – Костя налил им еще по рюмке.

– Я был в Сбрице, Яр. На территории монастыря.

Ярослав стиснул зубы.

– В Девиче?

– Да. Точнее на его руинах, албанцы его разграбили и подожгли в марте 2004.

Костя разлил водку в рюмки.

– Я отнес цветы на ее могилу, а Сане оставил стакан его любимой яблочной ракии и нашу старую выцветшую фото-

графию, которую он вечно таскал с собой. До Валерки и Марка не доехал, да и там, где мы их похоронили, вряд ли что-то осталось.

Ярослав почувствовал, как внутри по всему телу разливается такая невыносимая боль, что ему захотелось выть.

– Спасибо,– тихо процедил он сквозь сжатые зубы.

– Давай выпьем за них,– Костя протянул ему полную рюмку.

Не чокаясь, ребята выпили за своих погибших друзей и Билянну.

– Ты так и не рассказал, как остался жив,– Ярослав поставил рюмку и закурил.– Я же видел, как твой грузовик подорвали албанцы, когда мы подходили к Глобаре.

– Я ехал во второй машине колонны, а не в первой. Коля самарский попросил поменяться, он хотел незаметно подремать, пока едем, а какой нафиг сон с командиром группы в одном кузове. Я согласился,– на секунду Костя замолчал, а потом, глубоко вздохнув, унимая подкативший к горлу комок, сказал:

– В итоге я жив, здоров, а Самара на том свете... и только не говори, что в этом нет моей вины,– тут же предупредил он Ярослава,– я это и сам знаю, только от этого почему-то не легче.

– Я понимаю.

– Ну, а ты тут как?– спросил Костя, пытаясь утихомирить воспоминания, и кинул в рот очередной кусок мяса и поми-

дору черри.

– Хреново,— ответил Ярослав.

– О! А что так?

– Да как-то... не клеится ничего,— Ярослав затушил сигарету.— После того нападения на нашу колонну по дороге к селу, я неделю лежал в доме у какого-то серба шамана. Он сказал, что выволоч меня полуживого из дома, из которого мы вели обстрел шиптаров³, сидящих с засаде по другую сторону дороги. Плохо помню, как все произошло... Когда ваши машины подорвались на mine, мы выскочили из своих и отстреливались из какого-то пустого дома около получаса. Потом все вроде затихло, албанцы отошли обратно в горное поселение... Мы по одному, перебежками возвращались к уцелевшим машинам, чтобы добраться до села. Я шел замыкающим. Помню только какой-то сильный толчок в спину и резкую горячую боль... а дальше темнота. Очнулся в доме у этого старого серба. Он меня лечил какими-то травами-отварами... еле выкарабкался. Потом кое-как добрался до Черногория, а оттуда уехал в Англию. Работал там пять лет, а в 2004 году вернулся в Ригу.

– Дезертировал, значит,— усмехнулся Костя.

– Ну, почему сразу дезертировал,— улыбнулся Ярослав.— Думаю, меня тоже недолго искали. Я даже не знаю кто вообще жив остался после того обстрела и что доложил командованию.

³ Одно из названий косовских албанцев

– Я знаю. Уханцев, Давид и Яков...

– О, наша парочка из Израиля!– засмеялся Ярослав.

– Они самые. Все остальные остались на той дороге.

– И Питер?– нахмурился Ярослав.

– Да,– коротко кивнул Костя.

На минуту ребята замолчали, каждый вспоминая о своем.

– Как у тебя в личной жизни?– спросил Ярослав, нарушая молчание.– Я смотрю кольцо на пальце.

– Да,– тепло улыбнулся Костя,– почти полгода как женат. Через пару месяцев дочка родится,– гордо сказал он.

– Ооо! Дочка это хорошо, от пацанов одни неприятности,– Ярослав похлопал друга по плечу.– Молодца!

– А у тебя как?

– Никак,– тяжело выдохнул он,– были разные и в Англии, и здесь, но все не то, все не так.

– Билян у забыть не можешь?

– Не могу,– тихо и подавлено сказал Ярослав,– но дело не только в этом.

– А в чем еще?

– Наверное, я просто любить разучился. Знаешь, когда долго ненавидишь, забываешь как это – любить.

– Встретишь свою девушку, сразу вспомнишь,– Костя улыбнулся.– Я, когда со своей Элизой познакомился, дикий был, как волк. Только она смогла смягчить и очеловечить опять. Так что... тут все дело в правильной девушке.

– Есть у меня правильная девушка. Вот только не клеится

у нас ни черта.

– Почему?

– Не любит. Хочет меня, но не любит,– Ярослав усмехнулся.– Кто бы сказал, что когда-нибудь меня не будет это устраивать, не поверил бы.

– Ярик, Ярик... Ну вот, сколько тебя знаю, всегда поражался твоей наивности в этих вопросах. У девушек не бывает только секса, это мы – мужики, как животные сношаем с тем, кто под руку подвернется в нужный момент. У них все по-другому. Им для секса чувства нужны, а не просто желание удовлетворения.

Ярослав только махнул рукой на друга и снял с мангала последние шампуры с готовым мясом.

– Ладно, закрыли тему. Пошли в дом. Поедим нормально в тепле.

После того как, покушав, Костя заснул на расстеленном на полу матрасе, Ярослав вышел в сад и достал свой мобильный телефон. Повертев какое-то время его в руках, он набрал номер и долго ждал, пока длинные гудки настойчиво пытались разбудить абонента на другом конце невидимого провода.

– Алло...– раздался, наконец, чуть хриплый и тихий ото сна голос.

– Маш, приезжай ко мне завтра.

– Ярослав?.. ты... ты знаешь, сколько время?– голос на другом конце не хотел просыпаться.

– Не знаю. Около четырех утра, наверное,– нетерпеливо

ответил Ярослав.— Маш, приезжай ко мне. Никакого секса, я обещаю. Я просто хочу рассказать тебе кое-что.

— Что рассказать, Ярослав?— устало спросил голос.

— Многое. Например, что я был наемником в бывшей Югославии и почти девять месяцев воевал на стороне Югославской Народной Армии.

— Какая еще армия?.. Ты что там пьяный совсем?

— Да,— честно ответил Ярослав,— но это не значит, что я вру тебе.

Он замолчал, давая возможность на другом конце провода осмыслить все сказанное.

— Ты приедешь?

— Хорошо,— немного колеблясь, ответил голос.

— Возьми с собой диктофон, пожалуйста. Я встречу тебя с электрички. В 19.17?

— Да, в 19.17.

Нажав отбой, Ярослав сел на скамейку у дома и сидел, укутавшись старым ватным одеялом, в ожидании рассвета. Он смотрел на белый снег, лежащий на грядках, и думал о том, как простое ожидание рассвета и уверенность, что он обязательно настанет, и ты его увидишь, может принести радость и какой-то необъяснимый трепет.

Когда-то они с друзьями, лежа в лесных канавах, встречали рассвет, это тоже вызывало у них прилива радости и восторга, потому что с окончанием ночи, места положения их противника становились видны, и у них появлялась возмож-

ность заметить и уничтожить албанских боевиков. Тогда как те в свою очередь обожали ночные дозоры и перемещались исключительно в ночное время, имея хорошие приборы ночного видения.

Вернувшись к мирной жизни, Ярослав все так же опасался ночи. Теперь она приносила ему не только ощущение опасности, но и страх, боль и мучительные воспоминания, заставляя конфронтовать с прошлым, которое он так стремился забыть. Ярослав понимал, что с только с рассветом появляется надежда на что-то светлое и доброе, что напрочь отсутствует в темное время суток. Поэтому он был полон решимости и сил выбраться из вечных сумерек, в которых жил последние несколько лет и обрести наконец радость и счастье.

7. Мария

Декабрь 2005 года, Олайне, Латвия

Электричка из Риги до Елгавы вышла точно по расписанию, и я чуть было не опоздала. Сидя в переполненном вагоне, я пыталась сосредоточиться на своих мыслях, но постоянный гул голосов, звуков и движения никак не позволял этого сделать. Я смотрела в окно, в котором было видно лишь мое отражение и зимняя вечерняя темнота. Через точно отмеренные промежутки мелькали придорожные фонари, освещая рельсы встречной железнодорожной полосы. Мне нравилось находиться в дороге, особенно если это были поездки на поезде или электричке. Размеренный стук колес по рельсам, небольшое раскачивание, тепло и мелькающие картинки за окном. Все это позволяло окунуться с головой в себя и подумать о чем-то важном и интересном.

В те двадцать пять минут пока я ехала до Олайне я думала о Ярославе. Точнее о том, зачем еду к нему. Он служил в Югославии? Что за бред? Когда страна начала разваливаться он еще доучивался в школе. Я не поленилась и посмотрела доступную информацию по распаду страны и военных действиях там и была удивлена некоторым открытиям.

До 1991 года Югославия, появившаяся на свет в 1945 году, как Федеративная Народная Республика Югославия, а

с 1963 году переименованная в Социалистическую Федеративную Республику Югославии, была самым большим балканским государством, в котором проживали люди разных национальностей и вероисповеданий – католики, православные, последователи ислама.

Со временем и коррективами, которые вносила жизнь, различия между этническими группами усилились, а так же на фоне осязаемого экономического спада в федерации терпимость и понимание между республиками в нее входившими все больше стирались. В составе Югославии были шесть республик – Сербия, Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Македония и Черногория, а также два автономных края – Воеводина и Косово. Все бы хорошо, вот только уровень жизни в разных регионах страны красочно отличался, что, конечно же, не нравилось живущим в бедности. Словения, например, будучи самым промышленным регионом, хотела уйти от коммунистической идеологии и системы, ориентируясь на Запад. Свою соль в и без того тяжелую ситуацию добавил так же этнический вопрос, который был особенно характерен региону Косовского края.

В 1988 году в Сербии появился свой сильный лидер – Слободан Милошевич, который пытался всеми правдами и неправдами вернуть Косово и Воеводину под Сербский контроль, а так же следил за положением сербской общины в Хорватии. В сентябре 1990 года Сербия приняла новую конституцию, которая лишила автономии Косово и Воеводину,

что вызвало волну протеста среди албанцев. С этого момента и началась отчаянная борьба и кровопролитие на территории Косово, с каждым днем разжигающее все большую ненависть между албанцами и сербами.

В 1991 году летом Хорватия и Словения официально объявили о своей независимости и выходе из состава федерации. Конечно же, оба эти события не остались незапятнанные кровью солдат и мирных жителей. При том, что противоречия и ожесточенная борьба шла так же и внутри самой Хорватии.

Поразительно бескровно от единой Югославии отделилась Македония, которая провозгласила себя независимой в сентябре 1991 года.

В октябре того же года республика Боснии и Герцеговины приняла меморандум о суверенитете и выходе из состава федерации, однако военные акции и постоянное применение оружия на территории этой этнически самой сложной республике существовали вплоть до 1995 года, когда был подписан план мирного урегулирования конфликта в Боснии и Герцеговине.

Сербы и черногорцы в свою очередь провозгласили о создании нового государства – Союзной Республики Югославии, президентом которой был все тот же Милошевич. Таким образом, с 1992 года Социалистическая Федеративная республика Югославии как таковая перестала существовать, развалившись на отдельные независимые государства, кото-

рые со временем были признаны Европейским Союзом. Тут надо отдельно отметить, что государства были признаны в границах, которые соответствовали административному делению бывшей Югославии. Однако напрочь забылось то обстоятельство, что границы эти можно скорее назвать условными и не соответствующими истинному положению вещей. Так, например, часть Хорватии – Славония, где всегда проживало 90% сербов, территориально отошла Хорватии, которая всерьез ущемляла и подавляла сербский народ.

Организация Объединенных Наций (ООН)⁴ постоянно вводила различные санкции против Сербии и Черногории, потому как они отчаянно боролись за не отделение республик, а так же в 1993 году приняла решение о создании трибунала для расследования военных преступлений, совершенных на территории бывшей Югославии.

В конфликт по косовскому вопросу, в котором все время вплоть до 1999 года проливалась кровь, после очередного провала в переговорах албанских лидеров Освободительной армии Косово и Союзной Республики Югославии, ввязался Североатлантический альянс⁵. Начиная с конца марта 1999 года, по территории Югославии почти каждую ночь ста-

⁴ международная организация, созданная для поддержания и укрепления международного мира и безопасности, а также развития сотрудничества между государствами

⁵ (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO) – военно-политический блок, объединяющий большинство стран Европы (включая Турцию), Соединённые Штаты Америки и Канаду

ли наноситься ракетно-бомбовые удары, которые завершились лишь в июне, после подписания представителями Союзной Республики Югославии и НАТО соглашения о вводе в Косово КФОР⁶.

В 2000 году состоялись парламентские и президентские выборы в Союзной Республике Югославии. Оппозиционные партии выдвинули своего кандидата на пост президента, который победил на выборах, набрав более 50% голосов избирателей, уверенно обойдя Милошевича. Летом 2001 года бывший президент Союзной Республики Югославии был выдан Международному трибуналу в Гааге, как военный преступник.

Выудив всю эту информацию из разных источников, тогда, в 2005 году, я еще не знала, что в 2006 году появится независимая республика Черногории, а в 2008 – Косово. Вообще регион Балкан всегда был и будет одним из самых взрывоопасных и противоречивых вопросов в мире. Вся ситуация с распадом Югославии освящалась многими СМИ, политиками, различными экспертами и историками, и у каждого были свои предположения о возможном развитии конфликтов при невмешательстве мирового сообщества, в лице ООН, НАТО, ЕС и отдельных стран, например США и Германии.

Осознав весь масштаб балканского конфликта, а точнее купы конфликтов, я вдруг четко поняла, что этот процесс

⁶ Международные силы безопасности под руководством НАТО

взаимных обвинений и постоянной вражды со всех сторон никогда не закончится. Вполне возможно, что воевать в балканском регионе будут всегда, и если тема ухода от коммунизма и получения независимости еще технически решаема (и была решена), то споры вокруг этничности народов и их принадлежности к какой-то определенной территории в регионе нескончаемы.

Я смотрела на мелькающие за окном фонари и думала о том, как это страшно оправдывать убийства, насилие, грабежи и издевательства над людьми борьбой за свободу своего народа и считать себя героями и патриотами...

Ярослав ждал меня на станции, как мы и договаривались. Обменявшись приветствиями, мы молчали вплоть до прихода на дачу.

– Я принесла диктофон, как ты просил, – я села напротив Ярослава на тот самый диван, на котором почти месяц назад мы первый и единственный раз занимались сексом. По спине густой россыпью пробежала дрожь. – Надо было все-таки встретиться где-нибудь в центре.

Я поежилась и вытащила из сумки диктофон, ручку и блокнот.

– Ты меня боишься? – Ярослав удивленно посмотрел на меня и слегка улыбнулся.

– Да, – честно ответила я, – я не доверяю тебе. «Да и себе тоже» – пронеслось у меня в голове.

Ярослав подбросил поленьев в печку и сел на диван, при-слонившись спиной к ковру на стене.

– Я ничего тебе не сделаю, я обещаю. Только если ты сама меня попросишь, – он усмехнулся и чиркнул зажигалкой.

– Не попрошу, – пробубнила я и тоже закурила. – Ты хочешь, чтобы я задавала тебе вопросы или ты сам будешь рассказывать?

– Задавай вопросы. Мне сложно начать...

– Хорошо... – я заколола волосы, чтобы они мне не мешали, и затушила только что начатую сигарету.

– Начнем? – он прищурил глаз от въедливого сигаретного дыма и вопросительно посмотрел на меня.

– Начнем, – я нажала на кнопку записи и задала свой первый вопрос. – Когда и почему ты решил завербоваться и поехать наемником в Косово?

– Ух, вот так сразу самый главный вопрос... – Ярослав задумчиво посмотрел на кончики своих носков и начал сгибать пальцы, как будто разминая их. Он всегда так делал, когда думал о чем-то неприятном.

– Это я предложил ту поездку...

8. Ярослав

Ноябрь 1998 года, Рига, Латвия

– Валерка, тебя мама ищет с самого утра!– прокричала с балкона третьего этажа младшая сестра Валеры.– Отец сегодня вернется со смены, он тебе задаст!

– Сгинь, Варька!– цыкнул семнадцати летний парень на сестру.

Четверо ребят сидящих рядом громко заржали.

– Задаст тебе батя, Валерка, ой задаст!– гоготал Сашка.

– Чё ржете, придурки,– огрызнулся Валерка,– я уже месяц обещаю матери перекопать огород, пока морозы совсем не стукнули. Чего звали-то?

– Тема есть, Валер,– отозвался старший из них – двадцати однолетний Костя и заговорчески окинул взглядом остальных – Санька, Ярослава и Марка.

– Что за тема?– с недоверием оглядел друзей Валера.– Если опять по поводу махинаций с проездными и экзаменационными билетами, то я – пасс. Ярик, мы с тобой в прошлый раз еле условным сроком отделались. Вы чего, спятили?!

– Не про то тема,– сказал Ярослав. Из всей компании он единственный уже дважды в свои 20 лет представал перед судом и оба раза чудом избегал тюрьмы.– Я этими делами больше не занимаюсь, ты же знаешь.

– Тогда к чему такая конспирация?– спросил Валера.– По телефону нельзя было?

– Значит нельзя,– ответил Костя.

– Тут маза пошла, что можно по контракту поехать в Югославию,– сказал Ярослав.

– В смысле овощи-фрукты собирать?– не понял Валерка.

– Валер,– Костя подошел к нему и посмотрел прямо в глаза,– какие нафиг овощи. Наемниками. Воевать в смысле.

– С кем?– все еще ничего не понимая, спросил Валерка.

– Ты, что, блин, в школе вообще ничего не учил?– будучи отличником с первого класса, не выдержал Марк.– Там с 1991 по 1995 война была, а после нее типа перемирие, но сейчас опять что-то происходит. Война, в общем.

Валерка оторопело посмотрел на друзей.

– Вы что серьезно?.. Да я оружие в руках никогда не держал, какое там стрелять или убить кого-то!

– Валерик, мы ж не заставляем,– сказал Костя,– мы просто информируем.

Валера посмотрел на Ярослава, с которым у него, не смотря на трехлетнюю разницу в возрасте, были самые доверительные отношения.

– Яр, и ты едешь?

– Еду,– ответил Ярослав,– что мне тут делать-то. Там хоть денег заработаю.

– Я тоже еду,– добавил Костя.

– И я,– Сашка поднялся со скамейки и посмотрел на Ва-

леру.— Мы все едем, Валер.

Валера вопросительно посмотрел на Марка, и тот утвердительно кивнул.

— Курить есть?— спросил Валерка.

Марк протянул ему пачку красного Мальборо и зажег.

— Сколько платят?— затаившись, спросил Валера.

Ярослав улыбнулся деловитому тону друга.

— Принимая во внимание, что мы ничего не знаем и не умеем в военном деле максимум тысячу долларов в месяц, но скорее всего меньше.

Глаза Валерки округлились, а губы расплылись в довольной улыбке.

— Когда выезжаем?— спросил он.

— Недели через три. Сначала надо смотаться в Литву договориться с переправителем, сделать документы с визой, купить билеты,— Костя посмотрел на друзей.

— Тысячу долларов,— мечтательно пробормотал Валерка,— это за год двенадцать штук! Мерседес подержанный можно будет купить и гудеть по кабакам до одури!— весело воскликнул он.

— Ага, а если повезет, то сможешь телкам боевыми ранениями похвастаться,— усмехнулся Сашка, который к восемнадцати годам уже имел огромный шрам от ножевого ранения на ноге и очень им гордился.

— А если не повезет?— нахмурился Валера.

– А если не повезет,– сказал Ярослав, строго глядя на друга,– то вернешься к маме в цинковом гробу.

– Шутишь?– испуганно спросил Валерка.

– Нет.

Ярослав подошел к другу, который был ему, как второй младший брат и тихо сказал:

– Если ты решишь не ехать, то никто тебя слабаком не назовет. Оставайся дома, у тебя единственного из нас нормальная семья, девушка хорошая. Тебе есть что терять.

Валера посмотрел на друзей, с которыми они были вместе уже почти десять лет и, улыбнувшись, сказал:

– Вы что решили одни все деньги заработать, а я тут грядки бесплатно копать буду? Нет уж! Я с вами. Вернусь богатым героем, защитившим несчастных... кстати, мы на чьей стороне воевать то будем?

– Сербов.

– О! Героем, защитившим несчастный, гонимый народ Сербии!– торжественно провозгласил Валерка.

– Дурак ты, Валерик!– покачал головой Марк и обратился к Ярославу и Косте.– Родителям что скажем?

– Скажем, что поедем на заработки, например в Ирландию или Польшу,– ответил Костя.

– Встречаемся вечером на нашем месте. Принесите паспорта и пару фотографий 3х4 сантиметра,– сказал Ярослав.– Все. Разбрелись до вечера.

– Пока,– в разной ответили ребята, и пошли по домам.

Через неделю Костя позвонил в дверь квартиры Марка. Дверь открыла бабушка – Зинаида Андреевна.

– О, Зинаида Андреевна, а Марк где?

– Дома он, – строго посмотрела на него бабуля, – сидит там с остальными, тебя ждут. Чего удумали опять?

– Зинаида Андреевна, – на распев протянул Костя, входя в прихожую. – Ну, что плохого мы можем удумать? Работу ищем, вот и шушукаемся, новостями делимся.

– Ну-ну, – подозрительно прокряхтела старушка. – Смотри, испортите Марка – не сносить вам головы. Мальчик круглый отличник, надежда школы на всех олимпиадах, а вы – сатанята, с детства его с пути сбиваете. Я все его отцу напишу. Вернется из Польши, уши вам надерет, если что, – провозгласила она и, чуть шаркая ногами, пошла на кухню.

Костя наспех разделся и вошел в комнату Марка. Ребята сидели, склонившись над картой.

– О! Костян, ну что там с паспортами и визами? – спросил Ярослав.

– В порядке все, – ответил Костя, – Марк, а батя твой чего опять в Польшу подался?

– Челночит он. Как мать умерла, опять ездить стал, – сказал Марк, заметно погрузнев.

– Так... Валерка, вот твой паспорт, – сказал Костя, отдавая

ему документы.— Ярик... Марк... Санек...

Костя по очереди вернул паспорта ребятам с проставленными там визами, протянул билеты на автобус до Вильнюса и показал маршрут и остановки, которые им предстоит проехать по дороге на место назначения.

— Значит так...— Костя подошел к развернутой карте и взял синий маркер.— Сначала мы едем в Вильнюс, оттуда будет рейсовый автобус до Варшавы, а потом до Праги, где нас встретят и дадут билеты на автобус до Будапешта.... Оттуда нас доставят до Приштины.

— С маршрутом понятно, а где возьмем оружие, где будем служить, чем конкретно заниматься?— посыпал вопросами Сашка.

— Оружие и одежду нам дадут по приезду в Приштину. Там же получим следующие инструкции — куда, к кому и зачем,— деловито ответил Ярослав.— Этот мужик из Чехии сказал, что в Праге к нам присоединятся еще три человека из Белоруссии.

На минуту все замолчали, только исподлобья переглядываясь друг с другом.

— Ну, что,— нарушил тишину Костя,— все едут? Никто не передумал?

— Я еду,— сказал Саша.

— Я тоже,— Марк спрятал свой паспорт и билет между книжками на полке.

— Я с вами,— тихо ответил Ярослав.

Все посмотрели на Валерку.

– Да,– слегка дрожащим голосом сказал он.

– Хорошо,– подвел итог Костя,– на сборы и прощания у нас три дня. В пятницу выдвигаемся в Вильнюс.

9. Мария

Декабрь 2005 года, Олайне, Латвия.

Я слушала рассказ Ярослав, и мне становилось смертельно жалко этого в какой-то степени наивного парня. В двадцать лет сорваться наемником в страну, о которой ты толком в школе ничего не читал, просто примерно знаешь, где она находится на карте, это даже не смело, а сумасбродно. Желание заработать быстрые деньги и жажда приключений не преступно, скорее глупо и безрассудно, а уверенность, что все закончится хорошо – наивна. И потом, что, собственно, держало его в Риге? Школа? Родители? Девушка? Если верить тому, что рассказал мне Ярослав, родители даже не знали, куда и зачем он поехал. Он соврал, что едет на сезонную работу в Ирландию, а они даже не удосужились проверить эту версию. Из этого я делаю вывод, что и каждодневными его буднями и занятиями они мало интересовались. Он рос сам по себе. Сам принимал решения, сам за них отвечал. Он искал себя, искал жизнь, искал лучшего. Все о его авантюре знал только младший брат, нынешний кардиохирург в Детской клинической больнице. Серьезный, рассудительный и ответственный. Как в одной семье смогли вырасти такие разные сыновья, я до сих пор понять не могу.

Решение остальных ребят уехать воевать мне тоже понят-

но – Костя считал себя взрослым мужиком, сидящим на шее у матери, горбатящейся на двух работах. Отца у него не было, зато были еще две младшие сестры, и он считал себя просто обязанным сделать для них что-то.

Сашка, с детства росший и воспитуемый только бабкой, всегда был хулиганом и драчуном, поэтому воспринимал эту поездку как очередное приключение и возможность заработать новые шрамы и наказать «плохих парней».

Марк, оставшись в шестнадцать лет без матери, не очень-то дорожил жизнью и всем, что она могла ему дать, к тому же вечное клеймо отличника и пай мальчика ему осточертело, и он жаждал доказать, что тоже способен на дерзкую выходку и поступок.

Мотивы Валерки так же лежат на поверхности – он не хотел показаться трусом или слабаком на фоне ребят, тем более что он был самым младшим из них, и как ему казалось, они и так не воспринимали его всерьез. Думаю, если бы кто-то из них отказался от этой затеи и остался в Риге, Валерка сделал бы точно так же. Однако они все решили ехать...

– Давай закончим на сегодня, – я щелкнула кнопкой на диктофоне и отложила его в сторону, – ты устал.

Ярослав действительно выглядел отрешенным и надломленным, как будто пока он рассказывал свою историю, прошли не два часа, а годы.

– Я провожу тебя на электричку, – глухо ответил он.

– Не надо, я сама дойду,– я встала и начала собираться.

– Маш, не дури. Здесь километр пешком по бесхозным полям. Темно уже. Мало ли что может случиться,– он встал, и потянулся за курткой.

– Хорошо,– я понимала, что спорить с ним сейчас бесполезно.

Надев пальто, я принялась с усердием застегивать пуговицы, стараясь не встречаться с Ярославом взглядом.

– Давай в следующий раз встретимся где-то в центре, мне тут не совсем удобно, да и добираться долго, поэтому в рабочие дни после работы не получится встречаться, а в выходные я обычно занята,– почти скороговоркой тараторила я, доставая из сумки перчатки и пятясь назад.

– Маш...

– Да?– я машинально посмотрела на него и сразу же поняла, что он собирается сделать.

– Не надо,– я еще дальше отступила дальше к двери и сглотнула подступивший к горлу комок страха, волнения и желания.– Ты обещал не делать ничего, что может меня обидеть.

Ярослав подошел ко мне совсем близко и убрал со лба упавшую прядь волос.

– Я соврал,– сказал он и нежно погладил меня ладонью по шее.

– Ярослав, не надо. Пожалуйста. Иначе я больше никогда не приду,– я почувствовала, как от беспомощности на глаза

навернулись слезы.— Ты сильнее меня, но я все равно буду сопротивляться.

Я услышала, как он тихо усмехнулся.

— Глупая ты совсем. Не буду я тебя трогать,— он отошел в сторону.— Останься до утра. Просто так, без глупостей. Я не хочу сейчас быть один... мне... страшно,— уже совсем приглушенно, добавил он.

Я посмотрела на Ярослава и не увидела ни намека на сексуальный подтекст в его просьбе остаться. Он был по-настоящему мрачен и подавлен, и то, что он признался мне в своем страхе подкупило меня окончательно. Я стояла у двери, заплетая в косички пальцы вязаных перчаток, не зная, что делать. Жалость и нежность тактично и целенаправленно стучали в сердце, отодвигая все разумные доводы на задворки, и я не смогла отказать.

— Хорошо. Только я буду спать одетая.

Ярослав рассмеялся.

— Ты, конечно, сильная, но при необходимости я все равно сорву с тебя всю одежду, если захочу. Хоть пальто сними, жарко же,— он налил воду в чайник и поставил его на огонь.

Я сняла пальто и сапоги, от которых так устали и затекли ноги, и устроилась на диване.

— Чай будешь?

— А покушать ничего нет?— робко спросила я.

Ярослав улыбнулся и принялся копошиться в холодильнике.

– Могу предложить яичницу или... омлет,– он вопросительно обернулся ко мне.

– Омлет, пожалуйста.

Остаток вечера мы кушали приготовленный Ярославом нехитрый ужин, пили чай с сухариками и разговаривали о всяких пустяках, намеренно обходя темы его прошлого и наших отношений. Ярослав был напряжен и частенько просто молчал, глядя в пустое темное окно.

Мы легли спать далеко за полночь. Точнее легла только я, Ярослав же остался сторожить мой сон и поддерживать жар в печке, как он сам выразился.

Я проснулась через пару часов от дикого сердцебиения и какой-то смутной тревоги и ощущения опасности, и уже было встала, чтобы посмотреть время на мобильном телефоне, но из темноты кто-то резко рванул меня обратно и, прижав спиной к дивану, стал душить. Я инстинктивно пыталась отбиваться, кричать, но у меня получалось только хрипеть и бесполезно извиваться как кошке, пытаясь оторвать его руки от своей шеи. С каждой секундой дышать было все сложнее и сложнее, я чувствовала, как на виске пульсирует вена, глаза пылали, как будто их подожгли, а лицо налилось кровью и распухло. Помню только промелькнувшую тусклую мысль о том, что еще несколько секунд и я задохнусь... В какое-то мгновение мне удалось впиться ногтями ему в лицо и, что было сил поцарапать щеки. Раздался короткий мужской восклик. Почувствовав, что он убрал руки с моей шеи я, давась

кашлем, слезами и слюнями, кубарем скатилась с дивана к дверям.

Включив свет, я, издавая львиные хрипы и рычания, застыла на месте. Около кровати в каком-то бешеном и невменяемом состоянии стоял Ярослав. Его ладони были сжаты в кулаки, а глаза на секунду ослепленные ярким светом горели такой дикой и даже маниакальной яростью и ненавистью, что я, закрыв рот ладонью, чтобы сдерживать кашель, боялась пошевелиться. Он с непониманием смотрел на меня и по мере того, как до него доходили картинки произошедшего, ярость и злость на его лице сменялись страхом и растерянностью.

– Маша... – выдавил он, пытаясь сделать ко мне шаг, но я, все еще хрипя и кашляя до слез, как бешеный зверек отскочила к двери.

– Маш, я не трону... Маш... – он беспомощно смотрел на меня, не зная, что делать дальше.

Голова ужасно кружилась и перед глазами короткими очередями плыли серые круги.

– Не... не подходи... – хрипела я, вжавшись спиной в стену, было ощущение, что я никак не могу вдохнуть в себя воздух.

С трудом восстановив дыхание и вытерев слезы, я посмотрела на Ярослава.

– Маш... прости меня. Я не знаю... со мной такого еще не было, – его голос дрожал. Было видно, что каждое слово

дается ему с трудом.

– Ты... ты наркотики принимаешь что ли?

– Нет. Я... только антидепрессанты, но они закончились две недели назад,— он медленно опустился на пол и облокотился спиной об кровать, пытаясь унять дрожь.

– Мне нельзя спать... мне совсем нельзя спать,— Ярослав безвольно опустил голову и сжал ладонями голову.— Я не понимаю, как уснул... Я не собирался...

Я стояла у входной двери, пытаюсь унять новые приступы кашля, и не знала, что мне делать дальше. Убежать и оставить его одного в таком состоянии? Остаться и до утра не спать, боясь очередного сдвига? Конечно, надо бежать, решила я.

– Я сейчас вызову себе такси и поеду домой,— я осторожно взяла телефон и попыталась набрать номер. Пальцы дрожали, и я никак не могла попасть по маленьким кнопкам и сложить их в нужный номер.

– Маш... прости меня,— Ярослав посмотрел на меня, и я увидела, что у него по щекам текут слезы, размазывая кровь, сочившуюся из расцарапанных ран.

Помедлив в нерешительности несколько минут, я все-таки отложила телефон, так и не набрав нужный номер.

– Вот черт!..— я вытащила из сумки одноразовые салфетки и осторожно подошла к Ярославу.— Если ты меня сейчас хочешь задушить, то предупреди сразу, чтобы я успела убежать,— пробормотала я.

Он отрицательно мотнул головой и сильнее сцепил зубы.

– Повернись ко мне, – я села рядом с Ярославом, сжимая в слегка трясутся кулаке салфетку.

Он повернулся, и я стала осторожно промокать рваные порезы от моих ногтей на его щеках, шее и запястьях. Отбиваясь, я расцарапала его всего, даже не заметив этого.

– У тебя йод тут есть? Или водка? – я вопросительно посмотрела на Ярослава.

– Водка в холодильнике.

Я достала початую бутылку Немирофф и, смочив ей очередную салфетку, продолжила обрабатывать глубокие царапины.

– Как давно ты спал?

– Не знаю... – морщась от боли, ответил Ярослав, – пару дней назад, наверное.

Он посмотрел на меня и, предупредив мой следующий вопрос, сказал:

– Мне снятся кошмары. Каждую ночь. Поэтому я литрами пью кофе и энергетики и практически не сплю. Раньше меня до утра и почти без снов вырубало снотворное, но врач больше его не выписывает, сказал, что я злоупотребляю.

– Кошмары?

– Мне снится, что я опять там... убиваю людей... и это так реально, что я даже чувствую запах горелой кожи, грязи, машинного масла, крови... Такое ощущение, что у меня в руках нож или автомат, и я ищу шиптаров, уничтоживших

семью Биляны... но все никак не найду их...

Я смочила следующую салфетку и приложила ее к самому длинному порезу на шее Ярослава.

– Тцсссс!..– он попытался отстранить мою руку.

– Терпи...– сказала я чуть охрипшим и сдавленным голосом.– Шиптары это албанцы?

– Да, так называют албанцев, живущих на Космете.

– А Биляна?.. Это твоя девушка?

Лицо Ярослава в секунду превратилось в безликую маску. Он убрал мою руку, прижатую с салфеткой к его шее и какое-то время просто безмолвно смотрел на дверь, словно видел на ней какой-то рисунок.

– Это моя невеста,– наконец произнес он.– Мы должны были пожениться... но пока я был в пьяном и наркотическом угаре после очередного бесполезного задания, где погиб Сашка, всю ее семью и ее саму зарезали албанские солдаты.

Я с ужасом посмотрела на Ярослава и тихо спросила:

– За что?

– Ни за что. За то, что они – на половину сербы, за то, что пустили меня в свой дом, за то, что помогали нам с провизией, за то, что я хотел взять замуж их дочь. Билянкина мать албанка, а отец серб. Раньше такие смешанные браки не были чем-то ужасным, но только не после распада Югославии, когда все в одночасье стали друг другу врагами.

Ярослав коснулся оставленный мной царапин на руках и

даже не поморщился.

– В то время албанцы проводили этнические зачистки, для людей по национальности и религии, да они и сейчас наверняка их проводят. Брат матери Биляны был албанцем, это он дал отмашку боевикам, когда мы ушли из села. Брат помог убить родную сестру и племянников!– с отчаянием сказал он.– Чертова страна!..

– Господи...– на секунду я зажмурилась и прикрыла рот пальцами.– Это же... чудовищно...

Слезы сами незаметно покатались из моих глаз.

– Ты очень любил ее, да?

Ярослав, молча, посмотрел на меня, и я увидела слезы и безграничную печаль в его глазах, от которой мое сердце сжалось в маленький комочек.

– Ты и сейчас ее любишь...– почти прошептала я, почему-то ничуть не удивившись своей догадке.

– Нет,– Ярослав взял у меня бутылку водки и сделал большой глоток,– уже не люблю. Чувство вины и жажда мести выжгли все хорошее, что было. Ничего не осталось. Одни кошмары,– медленно растягивая слова, ответил он.

Я закрутила бутылку, но потом открыла ее снова и отпила немного, пытаюсь окончательно успокоиться и унять дрожь.

– Ты же ходил к врачу, чтобы справиться со всем этим. Почему перестал?

– Она не помогла. Мне стало только хуже. Все, что я так тщательно прятал – воспоминания, чувства начало выры-

ваться наружу. Я уже ничего не контролирую.

– По-твоему, сейчас тебе лучше?

– Не знаю... Иногда мне кажется, что жизнь это худшее наказание для меня. Поэтому я и остался жив.

– Не говори глупости,– ответила я,– жизнь дана для того, чтобы сделать что-то хорошее, что-то полезное, чтобы мир стал лучше, да мало ли для чего еще.

– Ты серьезно в это веришь?– удивленно спросил Ярослав.

– Да. Почему тебя это удивляет?

– Мне казалось, юристы должны быть более... земными и расчетливыми, и думать не о том, как сделать мир лучше, а о том, как скопить себе денег побольше и попроще.

– Как побольше и попроще скопить денег думают наглые бизнесмены, бандиты и наемники...– резко ответила я и осеклась.– Прости... я не это имела в виду. Я хотела сказать – киллеры.

– Я и не спорю, что ехал в Косово ради денег, а не для того, чтобы помочь кому-то или сделать мир лучше.

Ярослав грустно ухмыльнулся.

– Если честно, я надеялся, что после общения с тобой мне будет легче.

– Почему?

– Не знаю... В тебе есть что-то... с тобой я хочу обо всем этом говорить, вытаскивать из себя и отпускать. Ты, как пчелка находишь больные места, жалишь их, и сначала от этого очень больно, но потом становится легче. С психоло-

гом этого не получалось,— Ярослав взял бутылку у меня из рук и выпил еще немного водки.— Наверное, я до конца ей не доверял.

— Мне кажется, ты вообще никому не доверяешь,— я вновь сделала глоток из бутылки и, поставив ее в холодильник, опять села рядом с ним на пол, нечаянно коснувшись рукой его плеча.— И, наверное, никогда не доверял. Я с самого начала видела, что ты какой-то странный, как будто за тобой ходят призраки и...

— Не садись ко мне так близко,— оборвал меня Ярослав и его голос вдруг опять стал хлестким и почти чужим.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок, но с места не сдвинулась.

— Почему? Ты опять хочешь убить меня?— неудачно пошутила я, чувствуя, как выпитый алкоголь приятным и теплым спокойствием заполняет разум.

— Нет. Я хочу тебя,— он выразительно посмотрел на меня, остановив взгляд на порвавшейся во время нашей борьбы блузке и, чуть помедлив, добавил,— и на этот раз я могу не сдержаться и нарушить свое обещание.

Я почувствовал, как от его слов и горящего взгляда у меня задрожало сердце, и все тело обдало жаром и желанием. Секунды мы смотрели друг на друга... Я неуверенно и медленно провела ладонью по его волосам и коснулась пальцами губ, обводя их контур.

— Что ты делаешь, Маш?..— Ярослав попытался остановить

меня и одернуть мою руку.— Не смей меня жалеть. Ты слышишь?! Это не поможет.

— Шшшшшш...— прошептала я и, приподнявшись, осторожно коснулась его губ своими.

Ярослав попытался отстранить меня.

— Маш...

— Шшшшш...— вновь прошептала я, обжигая горячим дыханием его губы.

Ярослав издал тихий короткий стон и, с силой прижав меня к себе, поцеловал. Мы наспех сняли друг с друга одежду и легли на диван...

Подождав пока я усну, Ярослав тихо оделся и, взяв диктофон и кружку крепкого кофе, вышел на веранду. Какое-то время, он, устроившись в старом кресле-качалке, смотрел в окно на брезжащий рассвет, а потом нажал на кнопку записи и продолжил свой рассказ.

10. Ярослав

Декабрь 1998 года, город Глоговак, Автономный край Косово и Метохии

Небольшой автобусик неизвестного производства, недовольно урча, подкатил к небольшому двухэтажному зданию на задворках городка Обилич. От резкого толчка автобуса, ребята проснулись и выглянули в окно. На улице было пасмурно, и моросил неприятный мелкий дождь. Под козырьком над единственным входом здания стоял человек в обычной ничем не приметной одежде.

– Приехали!– с акцентом крикнул им водитель.– Выходить!

Ребята суетливо засобирали свои рюкзаки и растолкали троих белорусов, которые примкнули к ним в Праге. Через минуту все восемь человек выкатились на улицу и зашагали за провожатым к дому по размытой дождями земляной жиже.

Постройка напоминала собой здание советского образца, с серыми наружными плитами, местами покрашенными в синий и красный цвета. Рядом с домом стояли две грузовые машины и курили два молодых парня в камуфляже.

– Это Приштина что ли?– озираясь вокруг, спросил Валерка.

– Не похоже...– отозвался Марк,– Приштина довольно большой город, а это... деревня какая-то.

– Вон стадион!– громко воскликнул Сашка,– там, наверное, тренироваться будем,– заговорчески понизив голос, добавил он.

– Где?– белорусы, шедшие сзади, начали озираться по сторонам.

– Да, вон там, справа!

– О, глянь и, правда, стадион!

– Тихо вы,– шикнул Костя, пряча перчатки и шапку в карман,– и нафига мы столько теплых вещей набрали. Тут же плюсовая температура.

– Кто ж знал, что тут тропики,– отозвался Ярослав.

– Какие нафиг тропики? Вы хоть читали о тропиках что-нибудь? Знатоки...– усмехнулся Марк.

– Если ты такой начитанный, чего сам зимних вещей набрал?– Саша слегка толкнул Марка плечом.

– Мерзлявый я!– толкнул его в ответ Марк.

– Ландо, все, угомонились!– Ярослав строго посмотрел на ребят.

Мужчина, ожидавший их на крыльце, поздоровался с шофером и, о чем-то коротко поговорив, кивком головы позвал ребят следовать за ним. Здание, в которое они вошли было довольно старым и обшарпанным. Стены, выкрашенные в желтоватый цвет, который местами облупился, местами покрылся темно-серой плесенью, потолок был побелен и

по сравнению со стенами еще хорохорился.

Вслед за мужчиной они вошли в кабинет, в котором стоял только стол, стул, телефон и несгораемый сейф. Ребята переглянулись, явно озадаченные тем, что увидели. А где шкафы с оружием, с формой, где телефоны и факсы? Где кипящая работа по привлечению новых добровольцев-наемников?

– Здравствуйте!– громко поприветствовал их мужчина на практически чистом русском языке.

– Здравсьте...– в разнбой забубнили ребята.

– Забор покрасьте... Ясно,– резюмировал он,– ни один никогда не служил.

Он присел на краешек стола и снял шапку.

– Тогда будем говорить на вам понятном языке,– он вытащил сигарету и, ловко забросив ее себе в рот, закурил,– меня зовут Михаил. Я здесь для того, чтобы переправлять таких как вы в места боевых действий. Предугадывая вопрос о форме и прочих необходимостях, скажу сразу, вам все выдадут по приезду непосредственно на место формирования всей группы.

– А куда нас отвезут? Почему мы не в Приштине? И вообще где мы сейчас?– засыпал вопросами Костя.

– Не перебивать,– затягиваясь, отчеканил Михаил,– Сейчас вы находитесь в Обиличе, Приштина осталась позади. Через полчаса вы будете переправлены в небольшое село при выезде из Обилича. Там находятся остатки боевой группы, служащей в одном из партизанских подразделений ЮНА.

Завтра к вам примкнут последние два человека, группа будет полностью укомплектована, и вы выдвинетесь в сторону городка Глоговак, или как его называют албанцы Дренас, на территорию заброшенного завода. Там будут протекать ваши ближайшие будни.

Он внимательно посмотрел на ребят и, затушив сигарету, потер глаза. На пару минут в комнате повисла гробовая тишина.

– Вы хоть понимаете куда приехали, и что вас здесь ждет?– вдруг спросил Михаил и пристально посмотрел на каждого из ребят.

– Будем помогать Югославской армии защищать сербов,– почти гордо заявил Валерка.

– Нда,– опять резюмировал Михаил все с той же обреченностью и усталостью,– объясняю – каждый из вас, я повторяю, КАЖДЫЙ, может быть убит уже в следующие два дня.

Он выразительно посмотрел на ребят, но те как будто не услышали его слов.

– Поэтому я даю вам возможность сейчас сесть в автобус и вместе с Габви, который привез вас сюда, вернуться обратно в Прагу и уехать домой.

Ребята продолжали стоять, не произнося ни слова. Михаил устало затушил окурок и кашлянул.

– Значит, я так понимаю, все остаются,– он потер переносицу,– что ж, значит, так тому и быть. На улице вас ждут «козлики», которые доставят вас до пункта сегодняш-

него назначения. Там вас встретить командир группы Петр Уханцев, русский офицер. Он ваша единственная надежда не быть подстреленными в первый же день. Слушайте, запоминайте, учитесь.

Михаил еще раз обвел взглядом всех ребят.

– Вопросы есть?

– А когда зарплату будут платить?– неуверенно спросил Валерка.

– В конце каждого месяца, если останешься жив. Еще вопросы?

Ребята молчали, переминаясь с ноги на ногу.

– Вопросов нет,– резюмировал Михаил,– тогда, взяли вещи и вперед воон в ту белую дверь, там местный доктор Драгослав решит годны ли вы для службы.

– В смысле?– не поняли ребята.

– В коромысле! Вперед и живо!– командир звонко ударил в ладони, погоняя ребят.

Костя незаметно подтолкнул ребят к выходу, и они гуськом засеменяли к военному доктору, бурча, что сейчас их спишут домой из-за какой-нибудь ерунды типа плоскостопия. Однако волновались ребята зря, «медкомиссия» сводилась к простому вопросу от доктора Драгослава здоровы ли они. Получив утвердительный ответ каждый из них получил отметку «годен» и был отпущен в ожидавший на улице УА-Зик.

Уже через полтора часа вполне себе еще пригодный к использованию УАЗ-469 подъехал к небольшому дому на самой окраине села, название которого Ярослав не знал. Дом был двухэтажный, кирпичный, но почему-то замазанный сверху чем-то похожим на бетон. Вместо стекол в большинстве окон были вставлены заглушки из ДСП или обтянуты черным толстым полиэтиленом явно промышленного назначения. На стенах дома было неисчислимое множество небольших углублений, словно дырочек. Только спустя пару минут Ярослав понял, что это следы от пуль после обстрела.

В доме их встретили пять человек, двое раньше срока прибывших наемников из Украины очень, впрочем, похожих на израильтян – Яков и Давид, и трое ребят из оставшихся в живых из действующей боевой группы, в том числе командир группы Петр Николаевич Уханцев. Быстро представившись друг другу, ребят накормили и все новобранцы отправились отдыхать, тогда как командир вместе с Василием и Николаем остались посменно нести сторожевую вахту.

Ранним утром следующего дня, когда солнце только-только начало показываться над горизонтом, вся вновь испеченная боевая группа ехала по ухабистым дорогам в объезд большим поселением по направлению к городу Глоговак, а именно к ныне известному заводу «Ферроникели», который был основан в 1984 году как горно-добывающий и металлургический комплекс с целью экспорта ферроникеля. В 1990-е годы он производил огромное количество Никеля, но в 1998

году производство было остановлено, а комплекс брошен. УАЗики лихо шуршали по поселковым дорогам и сделав вынужденный объезд через небольшой городок Глобаре, ближе к вечеру прибыли в пункт назначения.

Ребят поразила огромный комплекс сооружений и всевозможных трубопроводов, которые они могли разглядеть даже в темноте. Было ощущение, что они попали в фильм ужасов или боевик. Посреди «нигде» практически в поле был выстроен огромный комплекс заводских зданий, соединенных множеством труб разного диаметра и продолжительности. Ту часть зданий, которая сразу предстала перед ребятами была явно брошенной и бесхозной какое-то время, и не смотря на то, что даже стекла окон были практически все целые, создавалось впечатление, что они попали на бывшее поле боя. В какой-то степени их ощущения были прорицательскими – меньше, чем через полгода, после недели проведенный на территории этого комплекса, он будет основательно разрушен бомбардировками НАТО.

Следующее утро началось опять непривычно рано, командир их группы Уханцев разбудил всех в шесть утра и, скромно позавтракав, ребят отправили в соседнее помещение здания, где они базировались, для небольшой исторической справки, как выразился сам Уханцев.

Все семь новобранцев расселись на довольно мягкие стулья, раньше явно служившие работникам административной части завода, и, зевая, с интересом стали слушать прерыви-

стую и громкую речь своего командира.

– Итак!– громко сказал Петр Николаевич Уханцев.– У нас есть неделя для того, чтобы сделать из вас бойцов способных прожить хотя бы пару дней и не сдохнуть тут на первой же боевой операции. Для этого!..

Он отпил из жестяной кружки горячий чай, который своим ароматом будоражил желудки ребят.

– Для этого, весь сегодняшний день мы посвятим краткой истории того, что, мать вашу, здесь происходит. После этого у вас будет час на то, чтобы облазить здесь всю территорию и угомонить свое любопытство относительно этого места. Потом трое из латышей пойдут на кухню, готовить всем обед и ужин, остальные побегут кросс десять километров вокруг комплекса. Завтра и в последующие дни система занятий будет та же – трое на кухне, остальные тренируются. Все ясно?!

Последние слова Уханцев сказал так громко и резко, что почти все ребята вздрогнули.

– Да, ясно,– пробубнили они, каждый на свой лад.

Петр Николаевич только грустно покачал головой.

– Всем, встать!

Зашуршали стулья.

– Принять положение лежа и отжаться по двадцать раз каждому!

Ребята переглянулись между собой, явно не понимая чем вызвали такое наказание.

– Принять положение лежа, солдаты!!– крикнул насколь-

ко мог громко командир.

Все восемь человек резво попадали на не совсем чистый бетонный пол и принялись отжиматься, как когда-то на уроках физкультуры в школе. Почти у всех получилось сделать положенное количество раз. У всех, кроме Валерки.

– Значит ты!– Уханцев указал на Валерку кивком головы.– Живо ко мне!

Валерка подошел к командиру, слегка вжав голову в плечи.

– Освобождаешься от урока истории и кухни пожизненно и поступаешь в полное распоряжение Питера.– Он посмотрел на Николая, которого называл «Питером».– Забирай этого и сделай человека!

Николай тихо улыбнулся и, показательно взяв Валерку за шкуру, отвел к ящику, на котором сидел сам. Слегка пихнув его сидеть на ящик, он грозно поставил рядом с ним свою ногу 45 размера, от чего голова Валерки еще больше вжалась в плечи, а глаза в замешательстве посмотрели на друзей.

– Остальные еще пятьдесят приседаний и десять отжимов и рассказываемся по местам!– опять крикнул Уханцев.

Пока ребята, пыхтя, выполняли приказание, Николай и Василий увели Валерку на первый этаж, где у них был сооружен своеобразный спортивный зал с импровизированной полосой препятствия. Весь тот день Валерка был занят исключительно физическими нагрузками, да такими, что на следу-

ющее утро встать без стонов он не мог.

После того, как оставшиеся ребята расселись по своим местам, командир начал короткое историческое повествование о том, как все, происходящее в стране, началось и как заканчивалось.

– ...И вот 28 февраля 1998 года Армия освобождения Косово официально провозгласила начало вооружённой борьбы за независимость края. Я подчеркиваю – официально! На протяжении всего 1998 года страны НАТО усиливали давление на Белград с целью вынудить его прекратить военные действия в Косово и Метохии. 23 сентября 1998 года Совет безопасности ООН принял резолюцию, призывающую стороны к прекращению огня, а 24 сентября НАТО приступило к планированию воздушной кампании против Югославии, чтобы принудить Белград к миру. 13 октября прошлого года Совет НАТО отдал приказ о начале операции. Югославские власти уступили, и 15 октября под эгидой НАТО было заключено перемирие в Косово, предполагавшее отвод югославских армейских частей в места постоянной дислокации. Перемирие вступило в силу 25 октября... – Уханцев замолчал и сделал большой глоток очередной кружки чая.

– Мониторинг перемирия осуществляется силами НАТО в рамках операции «Eagle Eye». Но... по мнению сербской стороны, т.е. стороны, на которую мы с вами работаем, во время данной операции ведется разведка состояния и позиций югославской армии. Для чего? Выводы можно сделать

самим.

Командир обвел глазами всех ребят, которые внимательно слушали каждое его слово.

– Всем понятно, о чем я только что рассказал?– вкрадчиво спросил он.

– Война будет,– предположил Марк.

– Война уже идет, сынок,– назидательно с едва заметной усмешкой произнес Уханцев.– Она никогда не прекращалась. Это газеты и телевидение делают красоту из той кашки, что происходит в стране все это время.

– Бомбить нас будут,– тихо вдруг сказал Костя.– НАТОвцы бомбить начнут скоро.

Уханцев беззлобно оскалился и посмотрел на Костю.

– Кусочек сахара тебе за правильный ответ,– он сменил оскал на улыбку непонятого происхождения.– Очевидно, что НАТО готовится к бомбардировке Косовской территории. Это сейчас означает – помогать в становлении демократии и освобождать принижаемый народ. Сербь враги и деспоты в глазах всего мира и никто не осмелится потом упрекнуть или попенять Америке. В лучшем случае дяденьки из ООН помашут указательным пальцем и скажут «ай, ай, ай». В худшем... будет очередная резолюция, на которую НАТО положит свой огромный прибор. Поэтому... бомбардировкам быть.

– А область Дреницы, где будем существовать мы с вами,– командир провел по карте пальцем условный круг между го-

родками Сбрица, Глоговак, Малишево и Клин,— вообще является признанным центром терроризма. Албанцы тут лютоют особо и сербов ненавидят тоже люто. Здесь появилась Армия освобождения Косово и здесь же была создана первая группа моджахедов Экрема Авдии.

Все новобранцы переглянулись, и в помещении стал расползаться едва уловимый привкус страха и волнения. В те минуты никто из них до конца не верил, что все будет именно так, как говорил командир, да и он сам надеялся, что чутье и опыт его подведут, и ничего не случится. Тем не менее, в 1999 году 24 марта НАТО нанесет первые удары, как по военным объектам, так и по гражданской инфраструктуре. Погибнут мирные жители, начнется паника и хаос, а вместе с ними мародерство, убийства и прочие жуткие вещи, которые своими действиями развяжет Североатлантический Альянс.

Мало кто из присутствующих тогда на заброшенном заводе в силу разных причин станет свидетелями этих бомбардировок. Но тогда в декабре 1998 года, сидя на стульях в холодном помещении и периодически согревая свои ладони дыханием, ребята об этом еще не знали. А тем временем одному из них оставалось жить всего пять дней...

Все последующие дни прошли для новобранцев как одна сплошная тренировка. С пяти утра и почти до полуночи их учили бегать с препятствиями и в обмундировании, прыгать, стрелять, драться на ножах и всему остальному, что могло

им пригодиться. Конечно, все понимали, что тренировки в одну неделю мало что дадут этим желторотикам, но они хотя бы постигали азы самообороны, получали урок на выносливость и относительно меткой стрельбы.

– Через час выдвигаемся в местечко Горная Каретица, там нас ждет еще одна группа, – Петр Уханцев посмотрел на ребят, довольно отметив, как они изменились за эти несколько дней. – Планируется пробыть там несколько дней, продолжать тренировки, составить план действий, исходя из полученного приказа и отправляться в первую для вас, джентльмены, боевую акцию.

Командир обвел всех взглядом и отметил про себя, что ни у одного и мускул не дрогнул на лице, все пугливые переглядывания остались в прошлом. «Что ж... может у кого-то из них и есть шанс остаться живым», – подумал Уханцев.

– Перекур полчаса, собирайте свои манатки и в путь, – командовал Петр Николаевич. – Разойтись!

Ребята разбрелись кто куда, а Валерка, сдружившийся со своим «м-учителем» Николаем Питером ушел на дальнюю территорию завода раскурить косячок, который позволял мышцам расслабиться и не зудеть от перенапряжения. А в дороге можно и отдохнуть.

– А, если командир узнает, что мы балуемся анашой... что будет? – вдруг спросил Валерка.

– Тебя он выпорот, на меня наорет, – ухмыльнулся Питер и потрепал Валерку по загривку, как младшего брата. – Да,

не бойсь. Мы же по паре затяжек. Ты поспишь в дороге, а для меня это как слону укол.

– А, если...

Валерка не успел договорить. Из кустов за прорезанным металлическим ограждением в него полетела автоматная очередь. Две пули сразу попали ему в сердце, не дав шансов остаться живым. Николай, будучи опытным военным, почувствовал эти пули костным мозгом за секунду до того, как албанские боевики открыли по ним огонь. Он метнулся в сторону за старый опущенный ковш экскаватора и дернул за собой Валерку.

– Твою ж мать... – прорычал Николай и посмотрел на парня.

Валерка лежал с открытыми глазами и как-то недоуменно улыбался небу. Николай сжал зубы и издал тихий рык и короткой тирадой матерных слов. Лихо сдернув с плеча автомат, он выглянул из-за ковша и пустил короткую автоматную очередь в сторону, где находились албанцы, попутно заметив, что их всего двое. Скорее всего, весь отряд стоит где-то недалеко от территории завода, а эти пришли просто в дозор и случайно застали их с Валеркой.

– Ну суки... – прошептал он. – Сдохните.

Он дернул чеку гранаты и довольно метко бросил по направлению кустов, где лежали албанские солдаты. Послышался громкий хлопок и неясный человеческий звук. Николай выглянул и пустил еще одну очередь по тому месту,

откуда по ним велся огонь. Ответа не последовало, и он перебежками добрался до бережка негустого кустарника какого-то колючего вида. На земле лежали два убитых албанца в боевой экипировке. Их рты были полуоткрыты, а тела порваны взрывом, и у одного из подключичной артерии струилась густая темная кровь. Автоматы лежали рядом. Николай подхватил оба оружия и пошарил по сапогам в поисках ножей, который, к его удивлению, у албанцев не оказалось. После этого он вернулся к Валерке и, подняв его тело, быстро двинулся к административному зданию завода.

Ему навстречу уже бежали все ребята с командиром.

– Питер, какого у вас..?! – Уханцев не успел договорить, увидев на руках у Николая бездыханное тело Валерки.

– Валера!!! – закричал Ярослав и, бросив автомат, кинулся к Николаю, который опустил тело парня на землю.

Ярослав подбежал и опустился перед другом на колени.

– Валерик... твою мать... – он вцепился ему в грудь и стал трясти. – Ну... очнись, долбо..б ты... Твою мать!..

Ярослав издал тихий как будто утробный вой и с размаху плюнул тело мертвого Валерки об землю. Он зло посмотрел на Николая.

– Куда ты его потащил, урод?!

Он попытался ударить Николая, но тот лихо перехватил удар и на эмоциях съездил Ярославу кулаком по лицу.

– Отвали от меня! – зло рявкнул ему Питер и тут же доложил командиру. – Их было двое, но наверняка на въезде

ждут еще. Надо уходить лесом и не на транспорте.

Уханцев на секунду задумался и посмотрел на остальных.

– Без машин мы дойдем до группы Криворука за часа четыре, потом вернемся с ними и заберем транспорт. Заодно и этих уродов перебьем, они наверняка здесь захотят переночевать.

Он посмотрел на ребят, у которых вновь на лицах появилось растерянность и волнение смешанное теперь уже и со злостью.

– Уходим!– скомандовал он.

– А как же..– начал было Сашка.– Его же похоронить надо. Нельзя так... оставлять... Это же Валерка...

Уханцев остановился и угрюмо посмотрел на ребят:

– А ну, вытерли сопли, пацаньё! У нас нет времени на сюсю, иначе все здесь ляжем. Питер, бери одного из них, прихороните малого и догоняйте нас. У вас есть двадцать минут.

Командир круто развернулся и быстро направился к заводскому зданию, чтобы забрать все необходимые вещи и забаррикадировать ангар, в котором были спрятаны два их УАЗика.

– Ты!– Николай ткнул в грудь Ярослава.– Со мной. Остальные за командиром. Бегом, мать вашу!!

Ребята нехотя развернулись, бросив последний взгляд на погибшего друга и все еще отказываясь верить в произошедшее, и быстрым шагом направились за Уханцевым. Ярослав же остался хоронить друга. Первого из их неразлучной пя-

терки. Первого, но не последнего. Впереди его ждало еще столько боли, о которой он даже не подозревал тогда...

Ярослав никогда не рассказывал о своих эмоциях, мыслях, чувствах, он наговаривал на диктофон только факты, события и некоторые диалоги помнил дословно. Да и что можно чувствовать, закапывая своего друга, который был ему как младший брат?.. Думаю, именно с этого дня что-то начало ломаться в душе Ярослава, точнее она стала покрываться червоточиной, которая со временем разъела его сердце окончательно, и никто не мог ему помочь. Вместо ожидаемого освобождения и спасения, он начал свой душевный путь в никуда.

11. Мария

Декабрь 2005 года, Олайне, Латвия.

Ярослав выключил диктофон и, отложив его в сторону, закурил. Солнце уже встало и приятно слепило глаза сквозь окна веранды. Он вышел на улицу и вдохнул раннюю зимнюю прохладу. Воспоминания, которыми он последние три часа делился с диктофоном, настолько разбередили ему душу, что он не знал чем себя занять, чтобы выветрить нахлынувшие эмоции. Наколов дров на два дня вперед, и выкурив еще пару сигарет, он сходил за водой к колодцу и убрал навалившийся снег за калиткой. Однако воспоминания и связанные с ними боль, вина и страх все никак не отступали, они, словно тень таскались за ним повсюду. К тому же ему очень хотелось спать, и он пытался отогнать от себя любой намек на сон.

Ярослав с трудом дождался девяти утра, чтобы разбудить меня и тем самым оборвать свое одиночество. Он подошел к дивану, на котором я сопела, укутавшись в теплый плед, и аккуратно погладил меня по волосам и щеке.

– Доброе утро, – промурлыкала я и, сев на кровати, потерлась носом об его плечо.

– Доброе, – тихо ответил он, и осторожно поцеловал меня в припухшие от ночных поцелуев и сна губы. – Ты говорила,

что тебе надо вернуться домой к двенадцати дня. Уже девять часов, скоро электричка в Ригу.

– Ммммм... – промычала я, сладко потягиваясь. – Сделаешь мне кофе?

– Конечно, – Ярослав встал с кровати и, подбросив в печку поленьев, поставил на нее чайник и насыпал в две кружки черный молотый кофе.

– Пока ты спала, я записал на диктофон еще кое-что, на большее не хватило кассеты. Завтра я куплю еще.

– Хорошо, я послушаю дома, – я встала и, вытащив кассету из диктофона, сложила все в сумку.

Прислонившись к печке, Ярослав наблюдал за мной.

– Ты очень красивая... – чуть хриплым голосом сказал он. Краска стыда разлилась по моим щекам.

– Я же совсем голая, без макияжа и уложенных волос.

– Красота совсем не в этом, – улыбнулся Ярослав, – неужели ты это еще не поняла?

– Мне кажется, что мужчина делает женщине такие комплименты, когда хочет от нее что-то.

– Ты имеешь в виду секс?

– Секс в первую очередь, – ответила я и поспешила одеться.

– На, возьми мой свитер, – Ярослав протянул мне свой темно-серый кашемировый свитер. – Как ты домой в разорванной блузке вернешься?

Я послушно надела, предложенный темно-серый джемпер

и села за стол в ожидании завтрака.

– Для того чтобы мужчине получить секс, ему совсем необязательно говорить женщине комплименты,– продолжил Ярослав.

– А что нужно?– вопросительно улыбнулась я.

– Подходящая женщина,– улыбнулся он в ответ и стал по очереди открывать дверцы шкафчиков в поисках чего-нибудь съестного.

– А если женщина неподходящая?

– Тогда ничего с ней получится. Как ни старайся и какие комплименты ни говори.

– А Биляна была подходящей женщиной?– не подумав, спросила я.

Было заметно, как Ярослав напрягся. Повернувшись ко мне лицом, он несколько секунд безмолвно и, как мне показалось, зло смотрел на меня.

– Если ты так пытаешься спросить был ли у нас с ней секс, то мой ответ – нет, никакого секса не было и быть не могло. У нее было другое воспитание, другие ценности и жизнь другая. Она была не подходящей, она была идеальной,– холодно процедил он.

– Я совсем не это хотела спросить...– тихо проямлила я.– Я имела в виду, существует ли для мужчин только одна подходящая или идеальная женщина или их много.

– Ты хочешь спросить любил ли я кого-то кроме Биляны?– Ярослав поставил на стол две кружки дымящегося ко-

фе и упаковку с баранками.— Нет, не любил.

— Я не это хотела спросить,— раздраженно буркнула я и опустила глаза, почувствовав сильный укол ни то ревности, ни то обиды, ни то еще чего-то.

— А что тогда?

— Ничего,— насупилась я, не понимая, почему так резко изменилось его отношение ко мне и настроение в целом, и, взяв со стола баранку, принялась с усердием крошить ее в ладони.

— Ну, вот и поговорили,— заключил Ярослав и, сев на диван, сделал большой глоток горячего кофе, стараясь тем самым отогнать вновь нависшее над ним желание поспать, а вместе с ним напряжение и раздражение.

— И еще запомни, я не хочу, чтобы ты помимо моих рассказов спрашивала меня о Биляне или пыталась что-то разузнать о том, какая она была и была ли она лучше тебя. Не надо сравнивать себя с ней,— строго сказал он.

— Я не пытаюсь никого сравнивать,— ошетибилась я.— Естественно она лучше во всем. Это же понятно. Я циничная, расчетливая адвокатша, изменяющая своему молодому человеку. Совсем никакой морали или принципов. А у нее правильно воспитание, ценности, мировоззрение и вообще душа чистая и нетронутая злой и прожженной жизнью. А факт, что она умерла, вообще возводит ее в лик святых.

Еще не успев до конца закончить фразу, я поняла, какую ошибку совершаю и насколько жестокою вещь собира-

уюсь сказать, но уже ничего не могла поделать, мозг сгенерировал мысль и послал ее на мой язык. Ярослав посмотрел на меня с такой злостью, граничащим с презрением, что я опустила глаза.

– Хочешь на ее место?– от интонации его голоса у меня все похолодело внутри.

– Нет,– почти беззвучно ответила я.– Прости, пожалуйста, я не хотела... Это было очень грубо с моей стороны.

Я почувствовала, как на глаза навернулись слезы.

– Я, правда, не хотела тебя обидеть или... ее. Я просто... я не такая плохая, как тебе кажется,– стараясь удержать слезы сказала я, ругая себя за такую откровенность и слабость.

– Я никогда не говорил, что ты плохая,– Ярослав подошел ко мне и, присев передо мной на корточки, повернул к себе.

– Ты что наконец-то в меня влюбилась что ли? – прямо спросил он.

Я сидела, потупив взгляд в пол, и молчала.

– Маша!– он взял меня ладонью за подбородок и заставил посмотреть ему в глаза.

– Нет,– прошептала я, и у меня по щекам потекли предательские слезы.

– Ясно,– едва заметно улыбнувшись, ответил он.

Я вытерла слезы и стала вертеть в руках очередную баранку, которую, не смотря на сильное чувство голода, никак не хотелось кушать.

– Хватить гипнотизировать баранку, съешь ее, наконец,–

Ярослав встал и отошел к печке.

– Еще горячая,– констатировал он.

Постояв немного у печки и погрев об нее ладони, Ярослав сел напротив меня и взял в руки кружку с кофе.

– Эту печку сложил мой отец... в то время, когда он реже выпивал,– вспомнил Ярослав и совершенно неожиданно добавил.– Знаешь, иногда мне кажется, что в том, что со мной происходит, виноваты мои предки.

– Что ты имеешь в виду?– не поняла я.

– Мой прадед, дед и отец... каждый их них в своей жизни сделал что-то плохое, но никто за это не ответил, я имею в виду, по-настоящему не был наказан. Вот я как-то и подумал, а не расплачиваюсь ли я за их грехи?..

Он посмотрел на меня и едва заметно усмехнулся.

– Думаешь, это идиотизм?

– Нет,– ответила я,– просто ты до этого никогда не упоминал своих родных и их прошлое.

– Да тут, собственно, и рассказывать особо нечего. Мой прадед из ревности убил мою прабабку. Вернулся как-то с работы, а ее дома нет, пошел искать в поле, она там сено в стога складывала, а прабабка в этом самом стогу вместе с трактористом прелюбодействует. Прадед тихонько развернулся и, не говоря ни слова, до хаты пошел, а как прабабка домой вернулась, он ее там вилами и встретил. Уж, не знаю, что там за следствие было в те времена, но прадеда отпустили за недостаточностью улик. Он сказал тогда всем, что вер-

нулся с работы, а она уже вот так лежит во дворе.

– А дедушке твоему тогда сколько лет было?– перебила я.

– Почти десять. Он в то лето вместе с двоюродной сестрой у своей тетки гостил на каникулах. Батя рассказывал, что по рассказам этой самой тетки после смерти матери мой дед сильно изменился, с компаниями связался, а потом и вовсе бандитом стал.

– А он знал, что это его отец маму убил?– с онемевшим ужасом спросила я.

– Догадывался,– ответил Ярослав.– Он в тринадцать лет из дома убежал и больше не возвращался.

– А что сделал твой дед, за что не понес наказание?

– Ну, он вор был. Правда, сидел пару раз, но совсем по мелочи, а на самом деле воровал вагонами. Все, что у них в 1930 годах отобрали, я имею в виду тогдашнюю коллективизацию и политику в сельском хозяйстве, когда для нужд армии и рабочих забирали хлебозаготовки и скот, он считал обязанным вернуть. Он, собственно, вернул себе много больше, чем тогда у них изъяли, но все равно всю жизнь считал государство и власть обязанной ему.

– А ты застал его живым?

– Да, но я плохо его помню, он умер, когда мне было 5 лет. Зато бабушка мне много рассказывала про него и про всю нашу родню. Тогда мне это казалось чем-то далеким и не моим, было ощущение, что я просто слушаю страшную, но интересную и захватывающую сказку,– Ярослав взял сигаре-

ту и закурил.— Это сейчас я понимаю, что страшные сказки это реальность, а не что-то мифическое и ненастоящее.

— А твой папа?— осторожно спросила я.

— Ты имеешь в виду, убивал или воровал ли он?— усмехнулся Ярослав.— Нет, он просто тихий алкоголик. Никого не трогает, никому не мешает. Его как будто нет.

— Он всегда был таким?

— Сколько я его помню, всегда.

— Ты никогда не спрашивал, почему он пьет?

— Если честно, мне это не интересно,— безразлично ответил Ярослав,— раз пьет, значит так ему легче и лучше. Хотел бы что-то изменить, давно уже изменил бы.

— Думаешь, так легко изменить себя?

— Уверен. Нужно просто захотеть по-настоящему, тогда все получится.

— Ну, вот ты, например, хочешь себя изменить и забыть все, а вон, сколько лет не получается.

— Значит, не по-настоящему хочу,— парировал Ярослав.

— Мне все равно кажется, что любому человеку, который в беде нужна чья-то помощь и поддержка,— сказала я, допив свой кофе.

— Ты поэтому мне помогаешь? Считаешь, что я без тебя совсем пропаду?— отчеканил Ярослав и затушил сигарету.

Я посмотрела ему в глаза и ответила:

— Я не думаю,— мягко улыбнулась я,— ты сам мне так сказал ночью.

– Да,— улыбнулся в ответ он,— и, правда, сказал. Просто я не хочу, чтобы ты считала себя обязанной меня спасать. В конце концов, кто мы друг другу?..

– Я не считаю себя обязанной, я ХОЧУ тебе помочь. В отличие от тебя мне всегда казалась, что определенные люди появляются в жизни друг друга с какой-то целью. Создать семью, съездить в путешествие, научить друг друга чему-то, помочь преодолеть какие-то этапы в жизни, просто узнать что-то новое и полезное.

– А для чего встретились мы?

– Наверное, чтобы помочь друг другу...— медленно ответила я.

– И в чем я могу тебе помочь?— удивился Ярослав.

– Пока не знаю. Может быть, я когда-нибудь напишу рассказ о тебе, и он станет бестселлером, а я миллионершей и самой читаемой писательницей,— улыбнулась я.

– Тогда первый экземпляр мой, с автографом на память,— улыбнулся в ответ Ярослав.

– Договорились,— я посмотрела на часы.— Ой! Мне уже пора бежать!

– Я провожу тебя, если ты не против.

– Нет, я не против,— застегивая сапоги, ответила я.— Разве тебе можно возразить или отказать...

– Когда ты по-настоящему этого захочешь, ты сможешь,— сказал Ярослав.— Просто пока не настало время.

12. Ярослав

Январь 1999 года, Србица, Автономный край Косово и Метохии

Обновленный ЗИЛ-131, урча, катился по дороге, то и дело потрясывая сидящих в своем кузове солдат. Было ранее утро, и они ехали в место под названием Скендерай или Србица, а точнее к небольшой населенный пункт под названием Гецай Махала. Командование приняло решение о временной передислокации их группы из Глоговака в Гецай Махала для умирения албанских боевиков, которые активно промышляли в этом районе и были особенно жестоки по отношению к сербам.

После того, как машина с солдатами миновала поворот на Србицу и оставила за спиной небольшое поселение Девица Сума, их путь пролег мимо полей и горного лесного массива, оберегающего обе стороны дороги, словно создавая мощную невидимую поддержку. Не доезжая до начальной школы имени «Халита Гечи», грузовик нырнул налево и буквально через несколько минут остановился рядом с небольшими домиками, в которых солдатам предстояло провести, как минимум ближайшую неделю, а то и месяц. Пока никто не говорил о конкретных сроках их прибытия на этом месте, равно как и предстоящих заданиях. Ярославу вообще начинало

казаться, что руководит всеми действиями военных и сербской полиции, которая им помогала в борьбе с албанцами, кто-то не совсем понимающий что и как делать и куда двигаться стратегически. Судя по тем разговорам, которые он слышал от Уханцева и остальных ребят, находящихся здесь от пары месяцев до почти года, их бросали то туда, то сюда, без видимых глобальных целей и без адекватной подготовки или проработки плана наступления или зачистки. Делали как придется и как позволяют обстоятельства и условия. Не было ни стратегического плана с адекватной и вменяемой целью, ни плана последовательных шагов к ее достижению.

Обосновавшись в двух соседних домах, из которых во время зачисток бежали албанские семьи, Ярослав, Питер и Марк были отправлены осмотреться на местности, а именно прочесать часть леса на предмет заваленных блиндажей и траншей, оставленных албанскими солдатами.

Зорко озираясь по сторонам и стараясь подмечать каждую мелочь, ребята шли довольно быстро, потому что Питер тут уже бывал и неплохо знал этот лесной массив.

– Если вот тут и тут ничего не найдем, – он провел указательным пальцем по потертой бумажной карте, – то пойдем в сторону монастыря Девич.

– Зачем? – не понял Ярослав. – Нам же еще вот этот квадрат надо прочесать.

Он хотел было ткнуть пальцем точку на карте, но Питер свернул ее и запихнул в карман.

– Отставить разговоры. Обследуем последний квадрат и идем в Девичи,– Питер махнул рукой призывая ребят двигаться за ним.– Смотрите внимательно... сразу срисовать блиндажи не так просто как может показаться. Эти чертовы албанцы, похоже, месяцами готовились к войне и копали себе эти ямы.

– А что мы хотим в них найти?– Марк пнул ногой сухую ветку дерева.

– Их запасы еды, возможно оружия, или самих шиптар,– Питер зло улыбнулся.

Марк замер.

– Хочешь сказать они тут еще могут быть?

– Они могут быть где угодно,– Питер нахмурился и посмотрел куда-то в сторону. – Пошли покажу кое-что.

Они прошли метров десять и увидели несколько глубоки нор наподобие тех, что роют себе лисы.

– Лисы?

– Шиптары,– оскалился Питер.– Роют себе эти норы, залезают по грудь и сидят там сутками, пока противник т.е. мы, не уйдем из их сел и домов. Иногда вообще присыпают себя листвой и лежат тихо-тихо...

Марк непроизвольно сжал в руке автомат и испуганно сглотнул.

– То есть сейчас мы здесь можем быть не одни,– скорее утвердительно чем вопрошая сказал он.

– В теории да,– Питер потрогал одну из ям,– но эти уже

давно не использовались, смотри... они обвалились внутри, значит туда какое-то время никто не залазил.

Ярослав и Марк подошли поближе и осмотрели четыре норы.

– Офигеть... там же даже дышать сложно такие узкие они, – поразился Ярослав.

– Жить захочешь жопой научишься дышать, – ухмыльнулся Питер. – Пошли к монастырю. Отметь на карте эти лёжки. Пусть будут.

Марк точкой отметил на карте место, где они нашли норы албанцев и поспешил за ребятами дальше.

Пройдя еще с полчаса, Ярослав, Марк и Питер вышли к довольно приметной дороге, которая чуть дальше делилась на три широкие тропинки словно в нее вставили тройной переходник. Все три дорожки вели в группе зданий с бело-серыми стенами, каменной рыжеватой кладкой и оранжевой черепицей. Забавно было, что с одной стороны здания были ограждены от леса довольно высокой стеной, а со второй абсолютно открыты.

– Девич, – улыбнулся Питер. – Пойдем поздороваемся и... мне надо настоятельницу повидать.

Марк с Ярославом только пожали плечами и двинулись вслед за старшим товарищем.

Пока Питер беседовал с отцом Серафимом и матерью настоятельницей, Марк пошел осматривать сохранившуюся фресковую роспись в храмах, а Ярослав сел на деревянную

балку у входа на монастырский двор. Солнце приятно слепило и даже пыталось согреть, поэтому Ярослав прикрыл глаза на пару секунду и провалился в приятную дрему.

Рядом хрустнула ветка и что-то гроыхнуло, и Ярослав вскочил на ноги и взвел автомат, пытаясь разглядеть что случилось. Он хищно прищурился, сжав челюсть и приготовившись к чему-то плохому, но не увидел рядом никого кроме одной тоненькой девушки невысокого роста. Она стояла, распахнув на него от страха свои большие карие глаза, и крепко прижимала к себе пустое ведро, очевидно только что выпавшее из ее замёрзших ладоней. Она поправила на уши шапку и опять прижала к себе ведро, как будто опасаясь, что оно опять наделает много шума.

Девушка была настолько красивой и хрупкой, что Ярослав даже мотнул головой, подозревая, что все еще спит. Сердце гулко било в ребра, а кислорода словно не хватало, чтобы полностью насытить легкие.

– Не бойся... – Ярослав вдруг понял, что все еще стоит с приподнятым автоматом. – Я не трону.

Девушка слегка нахмурилась и едва заметно покачала головой.

– Не понимаешь... – догадался Ярослав и, опустив автомат, поднял обе ладони как будто показывая их девушке. – Все. Видишь? Не бойся.

– Не бойче, – как будто эхом повторила девушка.

– Да-да, не бойче, – кивнул Ярослав и улыбнулся.

Девушка опять едва заметно кивнула и показала рукой на вход в монастырь.

– Я чу помочи,– она подняла ведро и показала, что оно пустое.– Потребна вода.

Ярослав нахмурился.

– Ты за водой идешь?– он посмотрел вокруг и увидел колодец метрах в ста от ворот монастыря.– Давай я помогу....э-ээ... помочи... я тебе.

Девушка на секунду задумалась, а потом улыбнулась и протянула ему пустое жестяное ведро. Ярослав улыбнулся в ответ и бодро подхватив ведро поспешил к колодцу.

Когда он вернулся с полным ведром холодной воды, девушка стояла во дворе монастыря и разговаривала с одной из монахинь. Та, увидев Ярослава, посмотрела на него строго и спросила сурово.

– Ты просто так ей помогаешь или задумал что?

– Вы говорите по-русски?– удивился Ярослав.– ЗдОрово. Вы можете спросить как ее зовут.

Монахиня нахмурилась еще больше.

– Биляна ее зовут. Давай ведро и подожди Николая своего за оградой.

– А меня Ярослав зовут,– парень улыбнулся во весь рот и посмотрел на Биляну, не обращая внимания на замечания монахини. Он приложил ладонь к груди и повторил,– Ярослав.

Биляна едва заметно улыбнулась и кивнула. В это время

из церкви вышел Питер с Марком.

– Николай,– остановила его монахиня,– пригляди за своими. Глупостей не надо.

Она кивнула на Билянчу. Питер нахмурился и посмотрел на Ярослава.

– Я разберусь, матушка Анастасия,– он подтолкнул Ярослава к воротам.– Шевели ногами, солдат. Давай. Не раскатывай губу и не оборачивайся.

Ярослав нехотя пошел к воротам, понимая, что будет всеми силами пытаться вновь встретиться с этой девушкой. Она ему очень понравилась, и что-то подсказывало ему, что и он ей тоже.

До наступления темноты они вернулись назад к своим, и нашли Уханцева разговаривающего с командиром другой группы Любишом Диковичем, которые вернулись из деревни Рачак, что в 30 км от Приштины после уничтожения группировки боевиков Освободительной армии Косово, чтобы дальше вместе зачищать близлежащие поселения.

– Ты же понимаешь, что несмотря на все наши усилия регион все равно остался под контролем сепаратистов,– командир Дикович устало сел на стул и потер глаза,– более того УЧК⁷ воспользовались этим и обвинили сербов в расстреле мирных жителей. Шансов все урегулировать мирно не осталось после этого.

– Значит станет только жестче,– Ухнацев закурил очеред-

⁷ Уштриа Члимитаре э Косовес – Освободительная армия Косово.

ную сигарету.

– Рано или поздно все это дымящееся сено должно было загореться... вот и загорается,— пожал плечами Дикович.— Наша задача по сути остается прежней — чистим села, сотрудничаем с сербской полицией, уничтожаем боевиков УЧК.

– Было бы неплохо подавить сопротивление албанцев по всей Дренице,— устало и почти мечтательно протянул Уханцев,— это их психологически сломило бы, потому как эта область для них важна.

– Ага, это было бы красиво,— усмехнулся Дикович,— почти все главные албанские командиры родом отсюда и она всегда была главной базой УЧК. Но это очень сложно... не с нашей экипировкой, командованием и вообще...

– Да уж... к тому же число террористов мало только на бумаге,— Уханцев почесал подбородок и посмотрел на товарища,— в одном только Глоговак и его окрестностях человек 300-400 на вскидку, я уже молчу про Чичавицу... там в горах их тьма и выкурить их оттуда нереально.

– Говорят есть туннели,— Дикович развернул карту и провел пальцем по горному массиву Чичавица,— вот тут и тут. И если заманить их туда и одновременно с обеих сторон взорвать входы, то там они и останутся.

– Хорошая мысль... может и самого Сами Люштаку сможем там закопать,— Уханцев стиснул зубы,— эта сука всю мою прошлую группу пострелял по дороге в Обилич.

– Мысль то хорошая, но надо ее обмозговать. С насюка делать не будем, тут промахиваться нельзя,— Дикович взял карандаш и поставил несколько крестиков.— Как будет возможность пошлем двоих твоих гавриков проверить вот эти квадраты, потом вот эти, и вот тут пара. Если не найдет албанскую подземную тропу где-то в этих местах, значит все это сказки местных.

– Добро,— кивнул Уханцев.

Дикович выключил закипевший чайник и налил им обоим кипяток в кружки.

– Чай-то есть?

– Да, вон лежит пакет, местные вчера дали,— Уханцев махнул рукой на подоконник.— И сухари там с конфетами тоже есть. Сахар.

– Ага...— Дикович принес на стол пакет с сухарями и бросил в кипяток листья чая.— Давай теперь про день грядущий обсудим и спать пойдем... а то мы тут скоро со своим светом в окошках станем приятными мишенями для наших ночных непрошенных гостей.

Уханцев только махнул рукой.

– Они и в темноте нас перебьют, если захотят. У них в отличии от нас снабжение приборами ночного видения на высоте.

– Догадываешься откуда?

– А чего тут догадываться,— усмехнулся Уханцев.— США. Дикович кивнул и сделал большой глоток горячего чая.

Он очень устал за эти несколько дней перебежек между селами, чтобы добраться до Сбрицы целыми и невредимыми.

– Итак... Дорога Глоговак-Сбрица... это наш путь на завтра и там сплошняком засады УЧК. Прошлая вылазка группы Казимира закончилась плохо, вернулись только двое и потеряли грузовик с провизией для наших и монастырских, грузовик сожгли, заразы. Штабные документы тоже остались в машине... в лучшем случае шиптары и их сожгли не глядя, в худшем забрали и теперь знают о наших планах на передислокацию, а значит планы надо менять.

– Когда их поменяют?

– Без понятия... но времени у нас мало, и они это понимают. Думаю, пойдём в сторону Клина на время. Вроде как варианты есть Ресник и Старица, там можно на несколько дней осесть, пока не придет еще одна группа из Обилича, и тогда немного переждем и сможем опять чистить хутора между Сбрицей и Глоговак.

– Там много пустых сел и домов, но махалы⁸, которые вроде уже давно полу сожжены и оставлены жителями на деле оказались достаточно обжитыми и понятно, что там ночуют бойцы УЧК.

– Считаешь надо повторно пройтись?– спросил Дикович, впрочем предугадывая ответ.

– Думаю, да. Риск, что это подстава, конечно, есть и нас просто заманивают в кольцо, но... не знаю,– Уханцев опять

⁸ Хутора, из которых состояли албанские сёла.

закурил и потушив спичку, кинул ее в банку-пепельницу.– Считай это интуицией, но они там точно живут и уходят днем в леса, пока мы активничаем, а ночью вылазят из своих нор и по домам распределяются. Они понимают, что по ночам мы слепы в отличии от них, и поэтому ходят свободно.

– Надо как-то их удивить.

– Надо.

– Есть идеи?– улыбнулся Дикович.

– Как не странно еще есть,– улыбнулся ему в ответ Уханцев.– Займем их лежбища днем и не будем уходить до ночи. Дождемся внутри и перебьем, как только они появятся.

– Их в разы больше...

– Да, наверное,– согласился Уханцев,– поэтому дождемся еще группу Гави и тогда решим как лучше это все сделать.

– Лады,– кивнул командир и допив чай, встал.– А теперь давай отбой всем. Надо поспать. Троих в сторожа, остальные спать.

– Добро,– Уханцев затушил сигарету и, забрав кружку с почти остывшим чаем, выключил в комнате свет и пошел к своим.

13. Мария

Декабрь 2005 года, Рига, Латвия

Кутаясь в толстый белый халат, я смотрела из окна отеля на мягко падающий на улице снег и думала о том, как тихо и спокойно может быть в Старой Риге в последние дни старого года. Казалось, что в ту минуту все погрузилось в звуковое небытие, и весь мир обволокла какая-то хрустящая тишина, была только я, свет фонаря и безмолвно летящий на брусчатую дорогу пушистый, невесомый снег за окном. Поэтому, когда Ярослав слегка коснулся ладонью моего плеча, я вздрогнула от неожиданности.

– Извини, я не хотел тебя напугать,– он обнял меня и притянул к себе.

– Я задумалась...– тихо ответила я, обнимая его ответ.

– О чем?

– О том, что ты мне рассказал сегодня... я все время хотела спросить... скажи, а почему вы не уехали?– я слегка отстранилась от него и посмотрела ему в глаза.– Почему не уехали, как только поняли, в какой ад попали?

Ярослав нахмурился и, отстранившись от меня, сел на огромную смятую нами кровать.

– Не знаю... думаю, никто не хотел казаться трусом и первым предлагать уехать. Сначала нам казалось, что все ерун-

да, война как война, и убьют кого угодно только не нас. Да и что такое «убьют» мы тоже знали только из американских боевиков. Потом мы впервые увидели войну вблизи... кто скажет, что война не страшная – ничего не знает о войне. Нам было страшно. Каждому из нас. Однако прослыть трусом никто не хотел, поэтому, сцепив зубы, мы оставались там. Довольно быстро некоторые из нас впервые попробовали наркотики, а с ними страха практически не было, все делалось автоматически, поэтому мы иногда ими баловались, а потом... я встретил Билян. Поэтому для меня дороги назад не было, во всяком случае, я тогда так думал.

На секунду Ярослав замолчал, а потом продолжил.

– Знаешь, есть такое четверостишие, которое почему-то въелось в мою память, и я никак не могу выкинуть его из головы.

Каких друзей война мне подарила?

Да тех, кого потом назад взяла.

Убить меня хотела, и убила,

Ну, что с того, что жизнь не отняла?

– Мне очень жаль твоих друзей и... тебя, – негромко сказала я то, что так давно хотела сказать.

Ярослав брезгливо поморщился и ответил:

– Что ты пытаешься мне этим сказать?

– Ничего. Только то, что мне вас жалко. Безумно жалко. Потому что вы бездумные и несчастные дураки, которых угораздило родиться в таких семьях, которые позволили вам

уехать. И потому что вам пришлось все и всегда по жизни решать и делать самим, что вас не научили просить о помощи, когда она нужна. Мне очень жаль, что ни один из вас не был настолько смел, чтобы остановить других и не позволить совершить эту непоправимую ошибку, и что тебе и Косте выпало остаться живыми и нести этот чудовищный груз потери и чувства вины всю оставшуюся жизнь.

Я подошла к нему и, сев на колени, нежно обняла.

– Никто и никогда не облегчит вам эту ношу, – я погладила его по голове, слегка взъерошив волосы, – и вам самим надо попытаться простить себя... за то, что остались живы.

Ярослав прижал меня к себе так крепко, что у меня захрустели позвонки, и перехватило дыхание. Я ласково взяла ладонями его лицо и коснулась его губ своими. Мы целовались так тепло и трепетно, словно никого ближе и дороже друг друга у нас не было во всем белом свете. Ярослав положил меня на кровать, аккуратно ослабил пояс моего халата и, проскользнул под него рукой...

– Почему мы не можем быть вместе? – слегка отстранившись от моих губ, хрипло спросил Ярослав.

Я открыла глаза и улыбнулась.

– Нам обязательно сейчас это обсуждать? – спросила я, едва заметно облизывая губы. – Мне меньше всего сейчас хочется разговаривать с тобой.

Я приподнялась на локтях и нежно поцеловала его в уголок рта, украдкой коснувшись кончиком языка его губ.

– Подожди, Маш...– Ярослав аккуратно, но настойчиво отстранил меня и посмотрел мне прямо в глаза.– Ответь.

– На что?

– На мой вопрос. Почему мы не можем быть вместе?

– А разве мы не вместе?– мне очень не хотелось обсуждать эту тему.

– Я имею в виду не только в... этом плане.

– А какой еще план может связывать мужчину и женщину?– по-кошачьи улыбнулась я и провела ладонью по его груди и животу.– Ты же не женишься мне хочешь предложить?

– Нет. Не женишься,– угрюмо ответил Ярослав.

– Ну, вот и славненько,– промурлыкала я, опускаясь ладошкой все ниже и ниже,– тогда говорить будем меньше, а делать больше...

– Маш...– выдохнул Ярослав и уже в следующую секунду прижал меня к себе, отвечая на мои поцелуи и жадно ощущая ладонями мое горячее, податливое тело.

Мы лежали разгоряченные и усталые и не знали, как начать тот разговор, который каждый из нас хотел начать. Ярослав о том, что любит меня и хочет встречаться, как нормальная пара, ходить в кино, театры, гулять по паркам, а не украдкой встречаться в отелях или у него на даче для секса и рассказов о прошлом. Такой уклад наших отношений его больше не устраивал. Он хотел сказать, что любит меня так сильно, что способен убить любого, кто меня обидит. Я по-

могла ему найти свет в себе самом и его жизни, и он старался за него держаться, но в равной доле я разбудила и то темное, что появилось в нем в Космете в тот день, когда он впервые убил.

Я же думала о том, что через полтора месяца приезжает Алексей, и мне придется смотреть ему в глаза и объясняться. Я знала, что совсем скоро настанет день, и я буду вынуждена сделать окончательный выбор, я должна буду остаться только с одним из них. И в ту секунду выбор для меня был очевиден – я была безобразно и болезненно влюблена в Ярослава, в наши сексуальные отношения и в его прошлое. Я жила этим прошлым. Я ждала наши встречи, ждала его рассказа. Мне почему-то было важно прожить с ним это все еще раз. В то время я еще не понимала, что это не любовь, что любовь не может быть такой мутной, удушающей и болезненной, что она совсем другая, и она рядом со мной, а я так глупо и подло ее предаю и отталкиваю от себя.

– О чем ты думаешь?– тихо спросил Ярослав.

– О нас,– честно ответила я.

– Я тоже.

– И что ты думаешь?– я водила пальцем по его груди, рисуя какие-то невообразимые геометрические фигуры.

– Что мне хорошо с тобой, как ни с кем,– сказал Ярослав и чмокнул меня в лоб.

Я ничего не ответила, а просто уткнулась носом ему в грудь.

– Почему тебя прозвали Каином?

– Нам всем давали те или иные кликухи, так проще было... мы как будто обезличивались что ли. Поэтому Коля был Питером, Уханцева мы звали батей, Костя, как и в школе был стариком, Марк ботаном, Валерка малым, Сашка мамулей...

– Мамулей?– удивленно улыбнулась я.

– Ага,– вслед за ней усмехнулся Ярослав.– Потому что готовил вкусно и всегда обо всех заботился... как мамка.

– Ну, у этих прозвищ есть логические объяснения,– я надеда халат и села в кресло напротив него.– Но Каин?.. ты не похож на предателя, который может сделать подлость или убить близкого ему человека.

Ярослав вдруг стал угрюмым и даже враждебным, словно за секунду его подменили на кого-то, с кем я была совершенно не знакома.

– Ты просто мало и плохо меня знаешь,– он посмотрел на меня чужим абсолютно ледяным взглядом.– И забыла, что Каин был не только предателем и человеком убившим брата, он в принципе был первым человеком на земле совершившим убийство.

– Да, я помню,– кивнула я.

– Из нашей компании я был первым, кто убил,– он встал и отошел к окну и, слегка отодвинув занавеску, посмотрел на улицу.– И я очень хорошо помню и глаза этого шиптара и то как из них испарялась жизнь, и стальной запах еще горячей

крови.

Он обернулся и пристально посмотрел мне в глаза. Я почувствовала, как по спине пробежал холод и потуже запахнула полы махрового халата.

– Боишься меня такого?

– Нет,– я осторожно помотала головой и сжала кулаки, спрятанные в широкие рукава.– Боюсь тебя всегда и целиком, а не в какие-то отдельные моменты.

Ярослав отвернулся и задернул занавеску.

– Я никогда не сделаю тебе плохо,– тихо сказал он.– Обещаю.

– Расскажи мне, что было с вами дальше...– попросила я, забираясь с ногами на кровать и стараясь отогнать от себя нависшую вдруг тревогу.

– Прямо сейчас?– Ярослав нехотя приподнялся на кровати и посмотрел на часы, которые показывали 23.47.

– Да. Только включи диктофон, пожалуйста.

– Как скажешь...– Ярослав подошел к журнальному столику и, включив диктофон, закурил.

14. Ярослав

Январь 1999 года, местечко Полац, 4 км от Србица, Автономный край Косово и Метохии

Через две недели постоянных передвижений в районе Клина и неожиданных стычек с албанцами объединённая группа Уханцева и пятеро ребят примкнувшие к ним из Обилича под командованием Гави Ямши, вошли в населенный пункт Полац. Привычной тактикой они зачистили три дома, в которых прятались шиптары и, решив остаться в них до рассвета, чтобы при необходимости встретить остатки боевой группы албанцев, группа распределилась по домам.

Костя, Марк и Сашка легли на солому щедро разбросанную по полу, а Ярослав сел рядом с окном на двухчасовую вахту. Они ушли из Србицы чуть больше двух недель назад, чтобы избежать возможных атак со стороны албанцев, и в целом занимались доставкой провизии и медикаментов для тех групп солдат, которые были в Клине и нуждались в помощи. Боевых акций было всего три, и все они были неожиданные и плохо подготовленные, и сначала Ярослав сложнее всех из ребят отходил от каждой из них, и это бесило и угнетало.

После каждой стычки с албанскими боевиками наступал уже привычный тихий сиплый гул в голове и груди, больше

походящий на ненастроенный вой старого локомотива. Ярослав всегда думал, что так из него уходит страх, который намертво въедался в поры в первые минуты после того, как они заканчивали очередной отстрел противника. Ему было необходимо около получаса, чтобы успокоить этот гул и полностью овладеть собой, своими мыслями и телом. Это был не обычный страх смерти или круговерти, в которую они попали, а скорее страх непощения от того, что они переступили красную черту и для их душ нет хорошего пути. Завтра будет точно такой же день, с новыми трупами, новыми чистками и отражением атак местных албанцев. Завтра никогда не станет другим, а если станет, то никоим образом не изменит день прошедший.

Он отчетливо помнил каждого из тех трех албанцев, что убил своими руками. Не просто попал в них, отстреливаясь, а именно убил, глядя как закатываются их глаза от удушения или струиться кровь от нанесенных ножевых ран. Все трое были его врагами на этой войне, все трое напали на него первыми, но почему-то легче от этого не было. Совсем. Он старался не думать об этом, старался оправдывать себя перед самим собой, но получалось плохо. Единственная мысль, которая его грела – скоро они вернуться в Сбрицу, и он сможет сходить в Девичи и узнать где ему найти Биляну. Он держал в памяти ее образ как что-то единственное светлое, что-то, что не давало ему упасть в бесконечную злобу, мрак и пустоту.

– Каин, иди спать, моя очередь,– Костя подошел к другу и коснулся его плеча, от чего Ярослав вздрогнул.

– Все нормально, я еще могу,– устало пробормотал он и потер ладонями лицо, словно приводя себя в чувство.

Костя озабоченно посмотрел на Ярослава:

– Ты когда спал последний раз? Не дремал часик, а спал хотя бы четыре часа?

– Не помню,– Ярослав отмахнулся от друга.– Я в норме, Старик, честное слово.

– Сомневаюсь... У меня есть кое-что,– Костя порылся в карманах штанов и достал небольшую баночку с какими-то таблетками.– На, возьми одну.

– Что это?– нахмурился Ярослав.

– А ты сам как думаешь?– Костя отсыпал одну таблетку на ладонь и протянул парню.– Держи.

– И давно ты?

– Нет,– сухо ответил Костя,– пару недель назад достал только.

– Нахрена, Кос?– Ярослав смотрела на протянутую таблетку, не решаясь ее взять.

– Чтобы спать когда надо, и не спать, когда не надо, и не чувствовать то, что я начал чувствовать,– довольно резко ответил Костя.– Брать будешь?

– Это совсем дурь?

– Нет,– помотал головой друг.– Считай это антидепрессантом. Просто даст тебе возможность чувствовать себя чуть

сильнее, смелее и безэмоциональнее. А потом как отпустит замечательно уснешь и сможешь наконец отделять день от ночи.

Ярослав взял таблетку и с сомнением покатал ее между пальцами.

– Гори оно все... – пробормотал он и закинул таблетку себе в рот. – Воды дай.

Костя протянул другу бутылку, взятую со стола и сел рядом.

– Когда мы вернемся в Сбрицу? Ты что-то слышал от Гави или Уханцева?

– Утром выдвигаемся в ту сторону, только дождемся еще один грузовик из Клина, там вроде медикаменты для монастырских.

– Я могу отвезти, – сразу выпалил Ярослав.

– Я не сомневаюсь, – усмехнулся Костя и толкнул друга в плечо. – Думаешь, она там опять будет?

– Не знаю... может быть, – Ярослав приуныл, допустив, что не увидит Билян у ни в ближайшие дни, ни вообще.

– Ты же понимаешь, что встречаться не получится?

– Почему?

Костя скептически посмотрел на друга и покачал головой.

– Ты реально такой наивный, – выдохнул он. – Она сербка, наверняка из строгой семьи, а если еще и мусульмане, то совсем беда.

– Я думал все сербы православные, – удивился Ярослав.

– Подавляющее большинство – да, но есть и католики, и мусульмане. Каин, тут в любом случае все строже и по правилам. Просто так тебе с ней никто мутить не позволит.

– Я и не собирался мутить,– передразнил его Ярослав.– Я...

– Жениться собрался?– хохотнул Костя.

– Не смешно,– ошетинился Ярослав.– Не собрался. Я видел ее один раз всего.

– Ага, Марк рассказывал, что ты пялился на нее как на чудо природы,– Костя тихо засмеялся.– Но, Яр, это тебе не Наташка твоя, просто так потусить не получится.

– Да я и не хочу просто так,– буркнул Ярослав.– Я просто хочу еще раз ее увидеть. Что тут такого.

– Ну... пробуй,– улыбнулся Костя.

Ярослав отпил еще воды из бутылки и посмотрел в окно на восходящее солнце.

– Может по кофе? Скоро выдвигаться будем судя по всему,– Ярослав встал и отошел на небольшую кухню.– Давай бутеры сделаю по скорому, там куча жратвы оставалась.

– Давай,– Костя потянулся и, глянув в окно, отошел вглубь комнаты.

Дождавшись главный фургон с лекарствами и провизией, через два часа с небольшим, под шутки и песни, как и полагается сербским военным ребята выдвинулись небольшой колонной на Сбрицу. Грузовик, два трактора с прицепом и две легковые машины «Нива». Стороннему наблюда-

телю было сложно сказать что это за машины, кто в них и что везет, но боевики УЧК никогда особо не разбирались кто, что и куда везет и они часто обстреливали любой незнакомый и не принадлежащий им транспорт. Так случилось и в этот раз. Когда до ближайшего поста местной полиции оставалась всего несколько сот метров, внезапно засвистели пули, и колонна машин резко остановилась, словно ее свела огромная болезненная судорога. Рации ни у кого не оказалось и вызвать сербскую полицию не представлялось возможным.

– Все из машин!!– заорал Уханцев и выпрыгнул из своей Нивы вместе с Питером и Давидом.

Костя с Сашкой ехали во второй легковой машине вместе с Васей самарским и Яковом, Ярослав же сидел вместе с водителем и Марком в том самом грузовике, который вез все необходимое для монастырских в Девичи. Ярославу и Марку повезло, гранатометчик УЧК промахнулся и не попал в их машину шедшую первой в колонне. Открыв дверь, Ярослав выскочил из кузова и потащил за собой Марка, который кубарем скатился на землю вслед на другом, водитель выскочил в другую сторону и тут же был расстрелян албанцами, засевшими в стоящих домах по вторую сторону дороги. УЧК вели стрельбу в основном по первой машине, в которой ехали Ярослав и Марк и почему-то по середине колонны, где были трактора и первая «Нива» с Уханцевым и остальными ребятами, последние же оставались нетронутыми.

Добежав до ближайшего куста, Ярослав с Марком упали на землю, где уже пригнувшись лежали их командир, Питер и Давид. Позади них справа из заброшенного дома уже вели стрельбу по албанцам Костя, Сашка и Вася самарский, Яков прикрывал перебежки солдат, открыв огонь из-за большого камня недалеко от этого дома. Один за другим Ярослав и остальные солдаты вместе с командиром по одному забежали в дом и заняли огневые позиции у окон.

После получаса стрельбы к ним наконец подоспела сербская полиция, очевидно сообразив, что ожидаемая колонна попала под обстрел где-то совсем рядом, и их помощь в виде танка и десятерых полицейских была как нельзя кстати и помогла быстро оттеснить албанцев из домов, из которых они вели стрельбу глубже в лес. Благодаря относительно слаженным действиям всей группы никто не погиб, за исключением водителя первого грузовика. В целом все понимали, что им невероятно повезло, что албанцы, устроив засаду, побоялись подходить ближе и вели огонь не особо точно. Было件нятно, что эта акция была спланирована ими наспех и без особого продумывания деталей, иначе бы они открыли огонь позже, когда колонна подошла ближе к тем домам, в которых залегли шиптары и наверняка догадались бы заминировать близлежащие дома к дороге. В одном из таких домов как раз и спрятались все выскочившие из машины солдаты.

Вернувшись к машинам, все расселись по своим местам, когда вдруг закричал Яков:

– Стойте! Там мина!!– заорал он, махая руками заведенному грузовику, за руль которого посадили Костю.– В асфальте! Стойте!

Выйдя из машины Уханцев и Васей самарским подошли к тому мету, на которое указывал Яков. В большой выбоине в асфальте стояла красивая нетронутая противотанковая мина, установленная с дополнительным взрывателем натяжного действия. Часто такие мины ставили местные женщины, пользуясь свободой передвижения и тем, что никто не обращал на них должного внимания. Значит все-таки к нападению на колонную албанцы готовились... но почему-то все пошло наспех и не по их задумке.

– Мы должна были на ней подорваться...– Самара посмотрел на командира, и тот лишь коротко кивнул в ответ.

– Они слишком рано начали обстрел, и мы остановились.

– Яков!– гаркнул Уханцев.– Ты – сапер. Что с этим можно сделать?

– Ничего,– Яков помотал головой.– Слава чеке, натяжная нить имеет слабину, вон как провисает... Чтобы не отгонять всех назад и не терять грузовик, я ее вытащу... но лучше бы вам всем подальше назад отогнать транспорт. Никогда не знаешь, как оно пойдет...

– Давай мне без этого,– строго ответил командир.– Если не уверен, в жопу это все. Двинем назад и вернемся в дома до завтра. Пусть сербы этим всем занимаются.

– Я сделаю, батя,– уверенно сказал Яков.– Сделаю.

– Уверен?

– Да,– Яков размял руки и повертел плечами и шеей, как будто готовился к бою.

– Всем отойти на пятьдесят метров!– гаркнул Уханцев вышедшим из машин солдатам.

Яков подошел к mine и аккуратно, не дергая и не надавливая перерезал провисающую проволоку, потом на всякий случай осмотреть не подходит ли к mine другая проволока. Потом он не торопясь вставил в отверстия штоков ударников гвоздь и, ловко подцепив мину самодельным крючком из проволоки, вытащил ее из расщелины в дороге и отойдя не несколько десятков метров вывинтил взрыватель, вращая его против часовой стрелки. Завершив свои действия, Яков отложил мину в сторону и почувствовал, как по виску и щеке скатилась капля пота, не смотря на холодную январскую погоду. Сзади слышались аплодисменты и свист, и он театрально раскланялся перед всеми и, пританцовывая пошел в свою машину.

Дальше двигались медленно, опасаясь новых мин на дороге и в Сбрицу колонна прибыла только к вечеру. Решено было в Девичи ехать утром, а пока разработать план как достать обстрелявших их албанцев.

– Самара, ты с двумя латышами в дозор, а ты позови Гави и Каина,– сказал Уханцев Питеру,– и сам возвращайся. Обозгум кого отправить в засаду в то село, куда мы отжали сегодняшних албанских бойцов. Нам надо понять сколько их

и зачистить, иначе спокойной дороги в Сбрицу и из нее не будет.

– Думаешь они еще там?– удивился Питер.

– А где ж им еще быть,– ухмыльнулся Уханцев.– Или там, или в леса подались. Но думаю, что там. Кушать надо, готовиться к следующей ходке на дорогу надо, у них там лежбище, а с него так быстро не соскакивают.

15. Мария

Январь 2006 года, Рига, Латвия

Было почти восемь вечера, и я специально задержалась на работе, чтобы закончить начатое дело. Однако, составляя объяснение на исковое заявление, присланное нам из суда, я долго не могла сосредоточиться и сконцентрироваться на сути нашего ответа. Мысли вроде были и даже прощупывались, но вот сцепить их в единую систему и тем более изложить на бумаге у меня не получалось. Я все время думала о Ярославе и том, что он мне рассказывал в нашу последнюю встречу.

Иногда, прослушивая еще раз записи, мне казалось, что я нахожусь в Космете вместе с ним. Он идет на очередное задание, и я рядом, вижу, как это происходит, чувствую, как он все делает по приказу на автопилоте, практически ничего не чувствуя, не осознавая и не думая. Это потом ему становится страшно и тошно. Вот он встречается с Биляной, которая несомненно, что бы он мне не говорил, стала любовью всей его жизни. Через его рассказы я чувствую, как бесконечно много она для него значит. Как он боится ее обидеть, как готов разорвать любого, кто посмеет сказать ей хоть малейшую грубость. Она для него что-то настолько невинное, дорогое и практически святое, что, даже сейчас, рассказывая о ней,

у него как-то по-особенному светятся глаза.

Ко мне у Ярослава совсем другое отношение. Меня он не боится зацеловать до смерти, не стесняется жадно ощупывать каждую мою клеточку, каждый изгиб. Он не испытывает почти прозрачного трепета, когда обнимает меня, не пытается растянуть мгновения, когда мы вместе, не хочет просто безмолвно смотреть на меня и только от одного этого быть счастливым. Я нужна ему здесь и сейчас. Ему необходимо постоянно ощущать жар и податливость моего тела, чувствовать мои губы и руки, слышать мои приглушенные стоны. Он обнимает и целует меня стремительно, страстно, порой, даже немного грубо. Он насыщается мной. Я для него способ забыться и вновь почувствовать вкус жизни, со мной его страхи почему-то отступают, а это все, что ему сейчас нужно, к чему он подсознательно стремится.

По мере того, как Ярослав рассказывал мне свою историю, я все больше понимала, что он никогда не перестанет вспоминать и что он, сам того не понимая, ищет ту боль, которую приносят ему эти воспоминания. Потом пытается от нее избавиться и вновь отправляется на ее поиски. Это стало чем-то вроде его собственного наказания, к которому он себя приговорил за все то, что причинил другим людям в Космете. Эти воспоминания и боль никогда не позволят ему забыть все произошедшее и пойти дальше, и он навсегда погряз в них. Он будет продолжать заниматься самобичеванием, пока окончательно не загоняет себя, и в этом я ничем

не могла ему помочь. Я могла только слушать его рассказы, помогать ему открываться и быть рядом, но было ли этого достаточно? Не знаю. Порой у меня было ощущение, что у меня не хватает сил вытаскивать его из этой темной nirваны, и меня начинает засасывать туда вместе с ним.

Когда на столе беззвучно завибрировал телефон, я вздрогнула от неожиданности.

– Алло, – тихо сказала я.

На другом конце трубки молчали.

– Алло, – повторила я более громко.

– Алло! Девушка, вы знаете?.. Подождите... – голос на другом конце отвернулся от трубки и громко спросил у кого-то. – Эй, как тебя зовут?! Как?.. Имя! Скажи мне свое имя!..

Где-то среди шорохов на другом конце раздалось какое-то нечленораздельное мычание.

– Ярослав?.. Вы знаете Ярослава? – голос вернулся к трубке.

– Да, конечно, – ответила я, чувствуя, как бешено начинает стучать сердце. – Что случилось?

– Я случайно увидел его... Он, очевидно, сильно пьян и у него разбито лицо, голова и кулаки... во всяком случае, это то, что сразу бросается в глаза. Он не говорит, где живет и не позволяет вызвать скорую помощь. Только все время бормочет, что найдет кого-то там и чтобы к нему не подходили, что у него граната в руке... хотя я никакой гранаты не вижу.

– Где он?– я почувствовала, как у меня холодеют руки и нос.

– В Риге, в центре города... на улице Артилерияс, рядом с парком... не помню названия.

– Зиедоньдарзс,– автоматически подсказала я.– Вы можете побыть с ним минут пятнадцать, я сейчас подъеду.

– Девушка, мне идти надо, я на ночную смену опаздываю. Я и позвонил-то вам, только потому что жалко парня, замерзнет же... а все мимо проходят... а вы первая в списке последних набранных звонков в его телефоне...– сбивчиво объяснял мужчина на другом конце провода, явно желая поскорее уйти и наверняка ругая себя за излишнее человеколюбие.

– Хорошо,– бросила я, натягивая на себя пальто и хватая шарф с шапкой,– приложите ему к уху телефон так, чтобы он мог все время меня слышать.

В трубке раздалось шуршание одежды, человек явно пытался пристроить телефон так, чтобы Ярославу не пришлось его держать в руке.

– Все, вы можете говорить,– услышала я как будто издали голос незнакомца.

Уже закрывая дверь офиса, и выбегая на улицу, где слегка поросил снег, я обратилась к Ярославу:

– Ярослав... ты меня слышишь? Это Маша.

В ответ я услышала только хрип и невнятное мычание.

– Ярослав соберись!– громко скомандовала я.– Слушай

меня!

Я побежала к стоянке такси, рядом с нашим офисом недалеко от церкви Святой Гертруды. Не отнимая трубку от уха, я открыла дверь первой стоявшей машины и, ловко запрыгнув на переднее сиденье, сказала:

– На улицу Артиллерияс к парку, пожалуйста.

Водитель не говоря ни слова, завел машину и тронулся с места.

– Ярослав!– громко позвала я в трубку.

–...да...– наконец услышала я после непродолжительного молчания.

– Ты – идиот!– почти прокричала я в трубку, прикидывая о чем с ним говорить, чтобы держать в сознании и в адекватном восприятии времени и места.

– ...да...– все так же глухо промычал он.

– Ярослав, слушай меня и не вздумай отключаться,– четко, разделяя слова, сказала я.– Я сегодня весь день готовила бумаги в суд по очень интересному делу... Представляешь, один китаец купил тут в Латвии недвижимость, то есть землю, на которой находилась небольшая электростанция, которая когда-то обслуживала близлежащие дома, но на момент покупки не представляла собой никакой ценности и была в нерабочем состоянии. Так вот, эта станция принадлежит какой-то фирме. После покупки земли эта фирма должна была заключить договор аренды земли с китайцем, на которой стоит их станция и все, что с ней связано. Они этого не сде-

ляли, и уже больше двух лет их станция там находится просто так. Ты меня слушаешь?

– Мммм...– промычал в ответ Ярослав.

– Я понимаю, что тебе это совсем не интересно, но ты просто слушай и не старайся вникать,– почти скороговоркой сказала я.– Так вот... Наш китаец подал в суд на них и хочет стрясти с этой фирмы ущерб из-за незаконченной сделки. В нюансы вдаваться не буду, но эти нахалы подали на него ответную жалобу, мол он не позволял им демонтировать и вывезти конструкции, вымогая тем самым заключение договора, в котором они не заинтересованы. Хотя на самом деле это они бегали от него и избегали и встреч, и разговоров на эту тему. Ты представляешь?!

Я закрыла рукой трубку и повернулась к водителю.

– А объехать эту пробку никак нельзя? Там человеку в парке срочно нужна помощь.

– Попробуем,– ответил он и свернул на ближайшем повороте налево.

– Ярослав?..– спросила я.

– ...слушаю,– с трудом, но довольно четко ответил он.

Несколько секунд я молчала, лихорадочно соображая, о чем еще можно ему рассказать, и не придумала ничего лучше, чем рассказать еще какой-нибудь случай из своей юридической практики.

– У меня было еще одно дело недавно. Богатый муж делил с молодой, но ушедшей женой с силиконовыми губами на-

житое за неполный год супружества имущество. Мало того, что этот набитый деньгами дурачок с ней брачный договор не составил, так он еще умудрился...

Я не успела договорить, потому что Ярослав тихо сказал:

– Я люблю...

– Что?– мне показалось, что я ослышалась.

– ...тебя... люблю...– чуть громче попытался повторить он.

– Ярослав...– я честно не знала, что сказать и поэтому на какое-то время замолчала.

– Приехали,– констатировал водитель такси и со смаком затормозил у парка.

Я положила трубку и повернулась к нему.

– Вы не могли бы мне помочь? Я заплачу.

– А что делать надо?– с недоверием посмотрел он на меня.

– Помогите мне найти одного человека в парке, а потом отвезти его домой.

– Пьяного что ли?– спросил он, явно собираясь мне отказать.

– Не знаю... возможно. Он сильно избит и ему нужна помощь.

– Девушка, вызовите скорую помощь и не мучайтесь!– посоветовал он.

– Да не могу я!– нетерпеливо воскликнула я.– Так вы можете?

Он поерзал на водительском сидении и, все еще сомнева-

ясь, выключил двигатель. Я с облегчением выдохнула, понимая, что тащить на себе Ярослава и ждать новое такси для меня практически нереальная задача.

Мы вышли из машины и стали искать Ярослава в парке. Он оказался почти рядом с нашим припаркованным такси и сидел на снегу, прислоненный спиной к скамейке. Выглядел Ярослав ужасно. Куртка была кое-как наброшена ему на плечи, шапки, шарфа и перчаток не было. Голова была немного откинута назад, и, если бы не его лежащий на скамейке рюкзак, на который она опиралась, выглядела бы оторванной. Из носа и левой брови, благодаря холодной погоде, все еще осторожно сочилась кровь, весь левый глаз затек, на шее и чуть выше виска виднелись рваные порезы и ссадины и все костяшки на обеих ладонях были разодраны. Он тяжело дышал. Мобильный телефон, к моему удивлению, Ярослав держал самостоятельно.

– Ярослав... боже мой... – от увиденной картинке на глаза набежали слезы и дрогнул голос, – что же ты делаешь с собой...

Он с трудом повернул голову и посмотрел на меня. На секунду мне показалось, что он меня не узнал.

– Прости, – хрипя, ответил он.

– Помогите мне, пожалуйста, – я повернулась к водителю.

– Девушка, он же мне всю машину перепачкает. Давайте-ка вы на общественном транспорте, – хотел было ретироваться водитель.

– Я заплачу Вам пятьдесят лат, если поможете мне и до-
везете нас до Олайне.

– Нет... к Пашке...– приглушенно сказал Ярослав.

– В Агенскалнс,– я вопросительно посмотрела на водите-
ля, который явно прикидывал свою чистую выручку и стоит
ли связываться с нами.

– Хорошо,– наконец ответил он.

Я наклонилась к Ярославу и, аккуратно подняв его голову,
вытащила из-под нее рюкзак и забросила его себе на плечо.
Вместе с таксистом мы подняли Ярослава на ноги, и, взяв его
под руки, медленно повели к машине. Его тут же несколько
раз вырвало.

Я с Ярославом села на заднее сиденье, и он почти сразу
потерял сознание. И только тут я вспомнила, что не знаю
точного адреса Павла. Таксист поехал по направлению Аген-
скалнса, а я стала искать номер телефона Паши в мобильном
Ярослава. Когда он снял трубку, голос у него был такой сон-
ный, что я сначала решила, будто он мертвецки пьян. Павел
не сразу понял, кто я и о чем пытаюсь ему сказать.

– Так, девушка... давайте еще раз и медленнее,– разгоняя
последние остатки сна, четко сказал он.

– Меня зовут Мария, я... знакомая вашего брата Яросла-
ва. Он пьян, его сильно избили, он наотрез отказался ехать
в больницу и сказал везти его к вам домой, но я не знаю ва-
шего адреса.

– Я живу на улице Эрнестинес 26, но я сейчас в больнице

Страдия, у меня дежурство. Второе подряд...

– Я могу привести его к вам в больницу? Мне кажется, ему нужно сделать рентген и томографию головы и что там еще... он...

– Вы врач?– с удивлением спросил Павел.

– Нет, просто у Ярослава явные повреждение головы, он довольно тяжело дышит, его вырвало и минуты три назад он потерял сознание.

– Ясно,– Павел на секунду задумался.– Привозите его в приемный покой, я буду вас там ждать.

– Хорошо,– я хотела положить трубку, но Паша спросил:

– Маша, вы очень спокойно и стойко держитесь... вы уже вытаскивали его из такого состояния?

– Нет,– ответила я и почувствовала, как от страха засосало под ложечкой,– а с ним такое не в первый раз?

Павел замолчал, явно подбирая слова, чтобы ответить.

– Ему нельзя много пить. Бывает, когда он сильно выпьет... одним словом, ему кажется, что он в другом месте и... при других обстоятельствах.

– Вы имеете в виду в Косово?

– А что вы об этом знаете?– Павел был явно удивлен моей осведомленностью.

– Многое,– уклончиво ответила я.– Так он, поэтому подрался...

– Ну, это надо будет у него узнать... но скорее всего, да. Через сколько вы будете?– спросил Паша.

– Минут через пять-семь, мы уже почти у Вантового моста,– я посмотрела в окно,– дорога пустая.

– Хорошо, я жду вас,– Павел положил трубку.

Я взяла Ярослава за руку и легонько сжала ее.

– Потерпи еще немного... сейчас тебе помогут...– тихо сказала я ему и погладила его ладонью по щеке и голове,– что же ты делаешь с собой...

Я знала, что прошлое тяготит его, но только в те минуты, пока мы ехали в больницу, поняла и почувствовала насколько ему плохо от этого прошлого и какую страшную кару он сам себе придумал в наказание за то, что делал в Космете. Раз за разом проживать то, что было с ним там и не иметь возможности ничего исправить или изменить. Понимать это, и опять проживать все заново, заставляя себя страдать еще больше.

Когда мы подъехали к больнице Страдина, Павел уже ждал нас у входа. Я вышла из такси и с его помощью уложила пришедшего в себя Ярослава на каталку. Паша тут же завез его в приемный покой и подозвал явно ожидавшего нас фельдшера.

– Эй, а деньги,– крикнул мне водитель, когда я направилась вслед за Павлом.

– Ах, да...– я сосредоточено вытащила из своей сумочки кошелек и нашла две двадцатилатовые купюры, а так же наскребла восемь латовых монет в кармане и сумке.– Вот.

Я протянула их таксисту.

– А еще два лата?– не отставал он.

– У меня больше нет...– как-то отстраненно пробормотала я, думая о том, куда повезли Ярослава и где мне сейчас его искать, да и надо ли искать, может быть лучше домой поехать. Я машинально посмотрела на часы, которые показывали половину десятого.

– Как это нет? Мы договаривались за пятьдесят лат,– продолжал наседавать на меня водитель.– Посмотрите, вы мне все заднее сиденье испачкали кровью и грязным снегом.

Переключив внимание на таксиста, я поняла, наконец, что он требует еще деньги, которых у меня не было, и разозлилась. Хотя, конечно, он был прав, мы договаривались о другой сумме. Я порылась в сумке и вытащила новый носовой платок.

– На!– довольно грубо сказала я ему.– Сотрешь грязь с сиденья. У меня нет больше денег. Ты и так получил почти в три раза больше за маршрут.

Я бросила платок ему в открытое окно и быстрым шагом вошла в приемный покой больницы, глазами ища Ярослава.

– Мария!

Я обернулась на голос, и увидела Павла, стоящего рядом с боксами отделенными друг от друга бледно-желтыми глухими занавесками. Я подошла к нему и вопросительно посмотрела в сторону крайнего бокса.

– Нет, он в дальнем углу. Не хочу его регистрировать, если нет ничего серьезного,– среагировал он на мой немой во-

прос.

– Мне можно к нему?

– Сейчас там сестричка, приводит его в чувство, а потом его повезут на рентген и на томографию,– он с явным интересом меня рассматривал.– Если все будет в норме и нет сотрясения и переломов, то я его подлатаю, прокапаю системку и оставлю поспать где-нибудь здесь, а утром отвезу к себе домой.

На секунду он замолчал, а потом спросил:

– А как Вы оказались там?

– Мне позвонил какой-то прохожий... мой номер был последним в списке набранных Ярославом... Я...

– Да, я знаю кто Вы. Ярик мне про Вас рассказывал.

– Мммм,– промычала я, не зная, как отреагировать на его реплику.

В ту же минуту из бокса вышла медсестра и кивнула Павлу.

– Все готово,– констатировал он,– у вас есть минут пять, не больше. Потом его повезут на обследования и дадут седативные, и Вам вряд ли удастся поговорить с ним.

Я поспешила в другой конец коридора, где лежал Ярослав. Войдя за желтую штору, я увидела приведенного в более или менее нормальный вид Ярослава. Бровь и губа были обработаны и заклеены пластырем, ссадины и порезы обильно смазаны зеленкой и еще чем-то непонятным. Он лежал на каталке с закрытыми глазами и был очень бледен. Я подошла

к нему и, присев на краешек каталки, коснулась его ладони.

– Ярослав... – тихонько позвала я его, – ты меня слышишь? Ты в больнице... извини, у меня не было другого выхода... ты потерял сознание, и я...

– Ммм... – едва слышно простонал он и попытался открыть глаза, но левый так и остался закрытым. – Все... в норме... иди домой... мне нужно одному... побыть...

– Как же ты... – я закусила губу, не позволяя слезам выкатиться из глаз. – Так же нельзя, Ярослав... и...

В эту минуту в бокс зашел фельдшер и сказал, что пора везти Ярослава на рентген, пока там появилось окно. Его увезли, а я в каком-то разбитом и подавленном состоянии поплелась к выходу больницы.

– Маша, с Вами все в порядке? – Павел догнал меня почти у входа.

– Да, все хорошо... просто отпускает нервное перенапряжение, – ответила я, вытирая слезы.

– Вы подождете результаты проверок и анализов?

– Нет, я... я поеду домой, – устало улыбнулась я.

– Медсестра дала ему сильную дозу обезболивающего препарата и успокоительное. Так что... если он что-то тебе наговорил... не бери в голову, он сейчас мало, что понимает, – сказал Павел и тут же спохватился. – Ничего, что я перешел на ты?

– Нет, все в порядке, – улыбнулась я в ответ. – Мне пора. Позвони мне, если надо будет оставить его в больнице.

Я продиктовала свой номер телефона и быстрым шагом пошла на остановку в надежде успеть на маршрутку, отходящую от остановки рядом с Агенскалнским рынком.

Домой я пришла сразу после одиннадцати, и во избежание расспросов от родителей юркнула в свою комнату. Раздевшись и простояв под горячим душем двадцать минут, я залезла в теплую кровать и включила последнюю кассету, записанную Ярославом, которую он мне отдал для прослушивания. Мне не хотелось расставаться с ним в ту ночь.

16. Ярослав

Февраль 1999 года, Сбрица, Автономный край Косово и Метохии

Ярослав пришел к монастырю ровно к 7 утра, как они и договорились с Биляной накануне. За последние три недели они встречались уже несколько раз и в основном просто вместе помогали монашкам – таскали воду, замуровывали несколько окон, чтобы убереечь служителей монастыря от снайперов, помогали на кухне, Ярослав колол дрова, а Биляна складывала их в сарае. Они научились общаться жестами, похожими сербско-русскими словами, или просто молчали, но в целом Биляна неплохо понимала русский.

Ярославу было все сложнее уходить в монастырь, потому что зачистка сел велась постоянно и его отпускали на пару часов по утрам, когда переформировывались группы и солдаты завтракали и готовились к новым акциям. Уханцев почему-то был добр к Ярославу и Биляне, впрочем, как и остальные ребята. Помимо постоянных шуточек и необидный подколов, все способствовали их встречам как могли. Наверное, им всем было необходимо что-то хорошее и светлое рядом, какая-то история с хорошим, счастливым концом, и Ярослав с Биляной были своеобразным символом этого счастья и напоминанием о том, что в мире есть что-то кро-

ме войны, крови, взрывов, криков и опустошения.

– Привет!– улыбнулся Ярослав и помахал Биляне, спускающейся с пригорка ко входу в монастырь.

Она помахала в ответ и подошла к нему.

– Доброе утро,– сказала она почти на чистом русском и тут же нахмурилась.– У тебе... кровь тут.

Биляна коснулась мочки уха Ярослава, выглядывающую из-под черной вязанной шапки. Ярослав машинально дотронулся до уха и соприкоснувшись пальцами с ладонью Биляны тут же почувствовал, как тепло и искры разлетелись по всему телу. Усталость и тяжесть после ночной боевой акции словно улетучилась. Биляна, смутившись, одернула руку.

– Больно?

– Нет, все хорошо,– Ярослав натянул шапку, стараясь прикрыть запекающуюся кровь.– Прости я... не успел помыться. У меня всего час сегодня, и я хотел скорее к тебе.

– Это хорошо, когда... скорее сюда,– кивнула она и сама взяла ладонями его руку,– я думаю про тебя... уплашен за тебе.

– Тебе срашно за меня?– сообразил Ярослав.

– Да,– закивала девушка, сжимая его ладонь в своих.– Тебя могут убить... это... не надо.

Ярослав улыбнулся. Его всегда забавляла ее речь, как она подбирала слова, как волновалась и смущалась, пытаясь что-то ему сказать.

– Ты не хочешь, чтобы я погиб. Я понял,– Ярослав сжал

ее ладони.— Я тоже не хочу. Я хочу, чтобы это все скорее закончилось, и мы... я...

Биляна смущенно опустила взгляд, но потом как будто вспомнив что-то опять посмотрела на парня.

— Говорят, вы скоро уходите отсюда... до Приштине. Ово же истина?

— Не знаю, Биля,— Ярослав пожал плечами.— Правда не знаю. Нас кидают то туда, то сюда. Я сделаю все, чтобы остаться тут как можно дольше. Веришь?

— Да,— кивнула девушка и в несвойственном ей порыве прижалась к Ярославу.— Страшно за тебя... Как будто смерть близу тебе...

Ярослав осторожно обнял ее в ответ и зажмурился, такое это было счастье.

— Не бойся... я сильнее смерти,— он сдержал себя, чтобы не поцеловать ее в макушку.

Словно опомнившись, Биляна отстранилась и кивнула в сторону церкви.

— Пойдем, надо помочь Анастасии,— она пошла к воротам монастыря.

Весь следующий час они помогали в церкви, Биляна была с монашками и мыла полы, а Ярослав чинил провисшие двери в амбар с зерном. Через час они закончили, и матушка настоятельница позвала их на кухню пить чай. Ей нравились и Ярослав и Биляна, которую она знала с самого детства. Она приглядывала за обоими и тихо радовалась тому, что виде-

ла, хотя всегда говорила им обоим, что если они хотят встретиться и дальше, то надо пойти к отцу Биляны попросить разрешение, несмотря на то, что она уже совершеннолетняя, да и в целом их семья достаточно современная и открытая, но традиции никто не отменял.

– Биля, ты какой чай будешь?– спросила матушка Анастасия.

– Камилице,– ответила Биляна и села за стол рядом с Ярославом, пододвигая к нему блюдо с малиновым вареньем.– Покушати... я готовила.

Ярослав улыбнулся и, густо намазав себе варенье на кусок белого хлеба, довольно впился в него зубами. Он не ел и не спал со вчерашнего дня, и хлеб с вареньем и черным чаем показались ему чем-то волшебным.

– Очень вкусно,– кивнул он, прожевав откусанный кусок.– Спасибо, что позволяете нам помогать тут, матушка Анастасия.

– Мы никогда от помощи не отказываемся и в помощи не отказываем,– едва заметно улыбнулась матушка в ответ.– Ты просил сказать, когда будет 8.30.

– Уже?– Ярослав наспех затолкал последний кусочек белого хлеба в рот и, сделав большой глоток еще горячего чая, поднялся из-за стола.– Мне надо идти... надо быть в Сбрице через час.

– Матушка Елизавета и Стефан поедут за досками для сарая в Сбрицу через полчаса, они тебя довезут, чтобы не идти

так долго,— монахиня посмотрела на Ярослава.— Побудь еще тут... когда теперь придешь?

Ярослав пожал плечами и заметно погрузтел.

— Не знаю... мы на три дня уходим на... дела. Наверное, в пятницу смогу... если все будет хорошо.

Биляна прикусила нижнюю губу, явно стараясь не заплакать и усердно принялась размешивать давно растворившийся сахар в кружке с ромашковым чаем.

— Я вернусь и приду к твоему отцу, Биля,— услышала она голос Ярослава и улыбнулась.— Хочу, чтобы все было честно и по правилам. Хорошо?

— Да,— кивнула она и посмотрела на парня.— Само се врати.

— Я вернусь,— Ярослав подошел к девушке и присел рядом с ней на деревянную кухонную скамейку.— Обещаю.

Биляна посмотрела ему в глаза и тихо кивнула. Они еще какое-то время сидели рядом и пили чай с вареньем, не говоря друг другу ни слова и незаметно касаясь друг друга плечами, а через час Ярослав уже был в Сбрице, где его ждал командир и остальные члены группы, которых инструктировали перед боевой акцией.

— Марк, Каин, ваш дом слева. Питер, Давид, вы берете тот, что справа. Заходите, делаете себя невидимыми, ждете возвращения шиптаров,— Ухнацев сделал длинную затяжку и выпустил изо рта сизый дым,— по нашим данным в каждом доме их по три человека, т.е. на каждого из вас по полтора албанца. Должны справиться. Больше количество бой-

цов отправить не могу, в каждом дома максимум укрыться смогут двое, чтобы запустить шиптаров внутрь без лишних подозрений. Прикрывать мы вас тоже не сможем, чтобы не спугнуть.

Ухнацев посмотрел на каждого из группы.

– Ребят, на этот раз вы сами по себе. Эти шестеро бойцов портят жизнь всем колоннам, идущим из Глоговака в Сбрицу и назад, они толковые минёры и один из них крутой снайпер. Их надо заманить, не спугнуть и убрать.

– Добро, – кивнул Питер.

– Сделаем, – сказал Ярослав и посмотрел на Марка, тот безмолвно кивнул в знак одобрения.

– Остальные дома проверять?

– Нет, там точно чисто.

– Выдвигаетесь через полчаса, чтобы быть в домах задолго до темноты. Пока албанские бойцы сидят в лесах, и не должны заметить вашего присутствия, – командир затушил сигарету и еще раз посмотрел на каждого солдата. – Назад идете все вместе тем же путем. Жду назад всех до одного. Дождитесь рассвета в домах, чтобы не нарваться на кого-то неожиданного ночью.

Все вместе они вышли на улицу и, наскоро попрощавшись, группа двинулась в сторону села Полуза. На подходе к нему и стояли несколько первый домов поселения, в которых по их данным по ночам сидели албанские бойцы.

Распределившись в оставленном албанскими жителями

селе по тем домам, на которые им указал командир, ребята нашли годные укрытия и спрятались в них, в тесном ожидании ночи и прихода шиптар.

– Каин!– тихо позвал Марк, выглядывая из-за узкого проема за печкой,– ты там как?

– Жопа затекла и жрать охота, блин,– Ярослав посмотрел на наручные часы.– Пять часов почти тут сидим, стемнеет через полчаса, а никого даже близко не слышно...

– Может они уже не вернуться сюда? Или дома не те?– предположил Марк.

– Наша разведка не ошибается,– скопировав голос Уханцева, парировал Ярослав, и тут же услышал тихий смешок друга.– И потом, посмотри сам, тут и матрасы постелены в количестве трех штук, и печи явно топлены недавно и вообще все прибрано, хотя снаружи дом совсем обгоревший...

– Это да... я еще остатки пайка заметил на подоконнике,– громким шепотом сказал Марк.

– Вот-вот, так что просто сидим и ждем,– Ярослав прислонился опять к стене и прикрыл глаза, вслушиваясь в тишину.– Все, Ботан, молчим, а то просрем всю затею.

Через час на заднем дворе послышались тихие крики петухов, как будто несколько птиц готовили свои глотки к утренним переливам. Кроме этого, вокруг не было ни одного звука, время как будто замерло. Албанцы передвигаясь ночью без лишнего шума, перекрикивались голосами животных, почему-то чаще всего подражая именно петухам. Яро-

слав знал это и поэтому сжал в руках нож, понимая, что сразу открывать автоматную очередь нельзя, чтобы не спугнуть солдат, заходящих в соседний от них дом, где их ждали Питер и Давид. Да и в целом они не были уверены, что боевиков ровно шестеро как обещали разведданные, всегда имела место неточность или ошибка.

Албанцы не ввалились вальяжно в дом с шутками и на расслабоне, как почему-то ожидал Ярослав. Они вошли почти беззвучно, явно пытаясь учуять открыл ли кто-то их логово или они все еще могут тут находиться. Они, естественно, не включили свет и даже не зажгли свечу, стоящую у печки, вместо этого они тихо рассредоточились по комнате, словно принюхивались. Один подошел к окну и аккуратно почти не выглядывая осмотрел ночной двор, второй пошел на кухню и потрогал ладонью чайник, проверяя не подогревал ли его кто в их отсутствие, третий же встал у печки прямо рядом с Марком и не разжимая приклад автомата ждал сигнал своих товарищей, что все в норме.

Этих нескольких секунд было достаточно, чтобы Марк, коротко посмотрев в угол, где сидел Ярослав и надеясь, что тот видит его движения, ловко встал из своего укрытия и одним коротким движением воткнул нож в горло стоящего рядом албанского боевика. В ту же секунду Ярослав прыгнул на второго, подошедшего к плите, он со всей силой ударил тому ножом в бок и тут же, вытащив нож, нанес еще один удар чуть ниже. Послышался короткий вскрик и Ярослав по-

чувствовал, как на его шее сомкнулись две огромные ладони, перекрывая доступ кислорода. Он попытался всадить нож в горло противнику, но тот подставил локоть и Ярослав порезал ему ухо и часть щеки. При этом хватка на шее ослабла, и он смог второй рукой ловко вытащить пистолет из кобуры албанца и приставив к его груди, нажал на спусковой крючок. Раздался одиночный выстрел, и албанец обмяк и повалился на него всем телом.

Третий солдат УЧК, стоявший у окна, в три движения бросился на звуки возни на кухню. Стрелять он побоялся, хотя уже стащил с плеча автомат, в темноте не попасть по своим было бы сложно. До Ярослава, который пытался выбраться из-под мертвого боевика ему оставалась пара шагов, когда сбоку на него налетел Марк и лихо повалив на пол, несколько раз ударил в грудь ножом. Албанец сразу затих и больше не подавал признаков жизни.

– Каин, ты как?– громким шёпотом спросил Марк, вытирая нож об штаны убитого им албанского военного.

– Нормально,– чуть покашливая, ответил Ярослав и шатаясь пошел к раковине. Его тут же вырвало. Он наспех вымыл лицо от крови и попил воды.

– Идем к нашим,– Марк потянул друга в заднему выходу из дома, через который зашли албанцы.

Уже во дворе второго дома они налетели на Питера и Давида.

– Каин, вы как?– Питер подбежал к ребятам и посмотрел

на Ярослава.

– Нормально все,– сказал Ярослав чуть мотнув головой, как будто пытался привести себя в чувство. Голова почему-то кружилась сильнее и тошнота никак не отступала.

– Тогда уходим тихо, оставаться как планировали нельзя,– Питер кивнул в сторону леса,– если кто из них есть рядом наверняка слышали выстрел.

– Лучше по дороге,– нахмурился Давид.– В лесах их может быть еще с десятков. И у них приборы ночного видения, а у нас как обычно.

Коля питерский на секунду задумался.

– Давайте... только тихо и гуськом...– напряженно командовал он.– Тут никогда не знаешь откуда прилетит.

Вчетвером они перебежками стали подниматься по насыпи к дороге. Марк вышел на дорогу и повернулся было что-то сказать чуть отставшему Ярославу, когда тот заметил на груди Марка маленькую красную точку. Ярослав мгновенно сообразил, что это и заорал:

– Снайпер!– он бросился к Марку в тот момент, когда воздух разрезал выстрел и рядом с Марком свистанула пуля, глухим чпоком разорвав песок у его ног.

Тут же последовал следующий выстрел, а потом еще один. Марк начавший бежать к Ярославу как будто спотыкнулся и, упав, замер на месте. Ярослав полу ползком полу бегом добрался до друга и стянул с дороги в пологий овраг, от которого тянулась широкая тропинка к домам, из которых они

вышли пять минут назад.

– Марк, – Ярослав лег рядом и потрянул друга, но тот не ответил. – Блять! Блять! Блять!

Чертыхаясь, он посмотрел на Питера и Давида, которые успели добежать до домов и скрылись в том, где только что зачищали албанцев.

– Твою мать... сука, – процедил Ярослав, пытаясь восстановить дыхание и придумать что делать дальше.

Отход к домам должен был быть виден как на ладони, и Питера с Давидом спасло только то, что снайпер стрелял по Марку и Ярославу. Он понял, что надо оставаться тут еще как минимум пару часов, до рассвета. Снайпер точно не один, и у того второго точно есть прибор ночного видения, и он наводит стрелка на цели. Бесперывной хаотичной пальбы не было, только несколько прицельных выстрелов, два из которых попали в цель. До домов ему не добраться, снайпер опять начнет стрелять, как только он выйдет из своего прикрития, но есть шанс, что к рассвету они уйдут в лес и тогда Ярослав с остальными смогут вернуться к своим.

Ярослав придвинулся к Марку и приложил два пальца кшее, примерно в то место, где должна была пульсировать артерия. Никаких пульсаций не было. Парень зажмурился и сжал зубы так сильно, что показалось они вот-вот раскрошатся.

– Блять!

В каком-то глупом порыве он взял Марка за грудки и по-

пытался его тряхнуть, чтобы привести в чувство, впрочем, уже понимая, что друг мертв. Ладони стали влажными от проступившей на одежде крови, и Ярослав понял, что снайпер прошил Марку грудь и живот минимум двумя пулями и шансов остаться живым у того практически не было. Он устало и грузно повалился на спину рядом с другом и, жестко зажав себе рот рукой, беззвучно кричал, пока из глаз не покатались слезы.

Уже утром, добравшись до своих, Ярослав, Питер и Давид узнают, что по ним стреляла пара снайперов одного из подразделений ЮНА, т.е. они все воевали на одной стороне. Снайперы пришли к тому селу с той же целью, что и группа Питера – зачистить дома, которые по разведанным по ночам обжили албанские боевики. Снайперы появились в разрушенном доме через дорогу и заняли позиции для устранения албанских солдат много позже того, когда в дома зашла группа Питера. Ночью, учитывая, что албанцы часто снимали свою форму и одевались в гражданское, или носили просто одежду камуфляжной расцветки, они, не зная, что на зачистку была отправлена другая группа, не задумываясь открыли огонь по своим же.

17. Мария

Февраль 2006 года, Рига, Латвия

Ярослав позвонил мне спустя десять дней после происшествия в парке. Я знала, что с ним все в порядке, и что он временно живет у брата. Павел, как и обещал, позвонил мне на следующий день после того, как я доставила Ярослава к нему, и сказал, что у него небольшое сотрясение мозга, несколько гематом и порезов и сломано одно ребро, в остальном же все в порядке. Жить будет.

Голос у Ярослава был достаточно бодрый, хотя и немного приглушенный.

– Маш, я хочу с тобой встретиться. Это возможно?

Я молчала, чувствуя какую-то неловкость и почему-то даже вину.

– Возможно. Ты достаточно хорошо себя чувствуешь, чтобы принимать гостей?

– Конечно,– улыбнулся он голосом.– Я очень хочу тебя увидеть.

Его последние слова эхом кольнули сердце.

– Пожалуйста, приезжай. Я хочу с тобой поговорить,– попросил он,– и я очень соскучился.

Добавил он недвусмысленно, и я опять почувствовала, как что-то острое проткнуло сердце.

– Хорошо,– чуть помедлив, ответила я,– я приеду после шести.

Остаток рабочего дня я провела в полнейшем безделье, потому как ни одно из дел не хотело получаться, а я особо и не настаивала. Кое-как отсидев до половины шестого, я, чтобы сократить время в дороге, вызвала такси и поехала в Агенскалнс.

Ярослав открыл дверь еще до того, как я успела нажать на кнопку звонка.

– Привет,– улыбнулся он и, обняв меня, затащил в квартиру.– Я видел, как ты подъехала.

– Привет,– ответила я, отстранившись.

– С каких это пор ты разъезжаешь на такси?– Ярослав помог мне снять пальто и повесил его на вешалку.

– Просто не хотелось трястись в переполненном общественном транспорте вечером. И потом, с недавних пор я взяла в привычку кататься на такси куда угодно – домой, в гости, в больницу. Ах, да! Еще мне очень нравится таскать на себе полумертвое тело знакомого и платить за помощь таксисту.

Ярослав обернулся и серьезно посмотрел на меня.

– У этих колкостей есть какое-то другое обоснование, кроме финансового?

– Есть,– ответила я сердито.– Мне как-то не привычно срываться по вечерам и искать кого-то пьяного и избитого до полусмерти по паркам, а потом развозить по больницам.

– Ну, во-первых, я не был избит до полусмерти, а, во-вторых... пройди в комнату и дай мне шанс нормально попросить прощение, а не оправдываться сейчас в узком полутемном коридоре, – довольно резким тоном сказал Ярослав и, оставив меня в коридоре, вошел единственную комнату в квартире.

Я сняла сапоги и, ругая себя за неуместную несдержанность, поплелась вслед за ним.

– Я позволил себе вольность и заказал для нас огромную пиццу на ужин. С курицей и грибами, как тебе нравится. Она в духовке греется.

– Спасибо, – ответила я, оглядывая комнату.

Комната, надо признать, была довольно просторной, примерно 25 квадратных метров и соединялась с относительно небольшой семи метровой кухней условной перегородкой из столешницы и тремя барными стульями. Комната была достаточно спокойного серо-голубого цвета с яркими красными акцентами в мелких деталях вроде подушек и вазочек, тогда, как кухонная часть наоборот была довольно яркой за счет темно-красного, почти вишневого, фасада встроенной кухни. Я сразу поняла, что квартиру явно декорировали и обставляли хозяева, а не Павел.

– Очень миленько, – пробормотала я.

– Да? А, по-моему, как-то мрачновато и кичёво, – задумчиво огляделся Ярослав.

– Мне нравится. Спокойно и прохладно, – упрямылась я, –

кухня вот только... переделать немного ее.

– Ты хотела бы здесь жить?

– В смысле с Павлом?– не поняла я его вопрос.

Ярослав рассмеялся.

– А он что произвел на тебя такое неизгладимое впечатление?

– Он очень приятный человек,– улыбнулась я,– но мне вполне достаточно одного Шиповалова с его прибабахами.

Ярослав вдруг посерьезнел и подошел ко мне.

– Маш... Не знаю какие слова подобрать, за эти десять дней я их так и не нашел,– он явно нервничал и смущался.– Прости, что я заставил тебя так волноваться и возиться со мной. Обычно я сам в состоянии позвонить Пашке, но что-то в этот раз не срослось. Поверь я меньше всего хотел, чтобы именно ты видела меня в таком состоянии.

– А оно часто бывает?

– Нет... но бывает,– ответил Ярослав и отошел к окну,– чаще всего только по большим праздникам, после того как много выпью.

– А что за праздник был в тот день, что ты так назююкалась?– примирительным тоном спросила я.

Ярослав как-то тускло усмехнулся и ответил:

– Ровно семь лет назад в тот день погиб Марк и... я тебе рассказывал.

– Да, я помню,– тихо сказала я.– Извини, я не сопоставила.

– Я и сам забыл, но, выходя утром из дома, нос к носу столкнулся с его отцом... Тут уже сложно было не вспомнить.

Ярослав замолчал и на его лице от напряжения заиграли жевалки. Он явно пытался подавить гнев и печаль. Я подошла к нему и хотела обнять, но он довольно грубо меня оттолкнул.

– Не надо! Не трогай меня сейчас!

Я отшатнулась от него, но уже через пару секунд снова коснулась ладонью его груди. Было немного страшно. Я видела, что он в каком-то опасном и тяжелом эмоциональном состоянии и что он вполне способен даже ударить меня, но все равно решила приблизиться к нему. Какое-то время Ярослав стоял, не шелохнувшись, позволяя мне подойти поближе, а потом притянул меня к себе и обнял так крепко, что у меня на секунду перехватило дыхание.

– Машка... – почти простонал он, – мне так плохо... Если бы только знала, как мне плохо... – он зарылся лицом в мои волосы и шею, и я почувствовала едва различимую влагу на коже от его слез.

– Я знаю, мой хороший... я все знаю... – шептала я ему, обнимая и глядя по голове.

Не знаю, сколько мы вот так, молча, обнявшись, просто-яли в тишине. Ярослав аккуратно поцеловал меня в щеку, а потом, словно получив мое немое согласие, слегка укусил шею и ухо и тут же коснулся моих губ своими. Я ответила и

на его поцелуй, и на прикосновения его ладоней, которые поглаживали мою спину и ягодицы. Привычное от его присутствия тепло стало стремительно разливаться по всему моему телу. С каждой секундой ласки Ярослава становились все требовательнее, и я подчинялась каждому его движению и желанию.

Ярослав резким движением расстегнул пуговицы на моем пиджаке и ловко сбросил его на пол. Его ладонь тут же пробралась под блузку и стала нетерпеливо ощупывать мою грудь. Я расстегнула его джинсы и, не торопясь, запустила туда руку. Рядом с моим ухом тут же раздался тихое рычание Ярослава, и он, чуть приподняв меня, положил на кровать.

Почти через полчаса, когда из духовки стал доноситься запах подгорелой пиццы, Ярослав, нехотя, поднялся с кровати и вытащил еще относительно съедобный корж с начинкой на стол.

– Покушаем сейчас?– обернулся он и посмотрел на меня.

Я вылезла из-под одеяла и, не одеваясь, подошла к Ярославу.

– Не хочется,– промурлыкала я, прижимаясь к нему и несильно кусая его плечо.

Ярослав улыбнулся и обнял меня.

– Я смотрю, ты тоже соскучилась,– жарко поцеловав меня в губы, он стал аккуратно и медленно подталкивать меня обратно к кровати.

– Ага...– чуть смущаясь, ответила я.

В тот момент, когда мы вновь легли на кровать, раздалось жужжание и настойчивая мелодия моего телефона.

– Не поднимай,– прошептал Ярослав, чуть прижимая меня к кровати.

– Хорошо...

Мне и самой совсем не хотелось отвечать, однако телефон настаивал и звонок повторялся несколько раз подряд.

– Подожди... Ярослав... наверное, что-то случилось...– я высвободилась из его объятий и, достав телефон из сумочки, не глядя, подняла трубку.

– Алло,– чуть хрипло сказала я.

– Маша?– уточнили на другом конце провода.

– Да...– я сразу узнала звонившего.

Мне моментально показалось, будто я стою голая не в запертой квартире в Риге, а на площади Святого Марка в Венеции и толпы туристов ходят и показывают на меня пальцем, поэтому захотелось хоть чем-то прикрыться.

– Это Алексей,– подтвердил голос очевидное.

– Да, я поняла. Подожди секунду,– я стала лихорадочно искать, что бы на себя накинуть, чтобы не чувствовать так незащищено и отвратительно.

Было ощущение, что Лешка не на другом конце провода в Германии, а тут в этой квартире, в этой самой комнате. Стоит и смотрит на меня голую в недвусмысленной компании другого мужчины. Наверное, еще никогда до этого самого момента моя измена не ощущалась так остро и мне не было

так страшно и даже противно от всего происходящего.

Укутавшись в покрывало, я инстинктивно отошла в другой конец комнаты, хотя и понимала, что Ярослав все равно услышит все, что я буду говорить. Он поудобнее устроился на кровати и, закурив, с интересом наблюдал за моими метаниями.

– Черт... – тихо ругнулась я в сторону, понимая, что попала в безвыходное положение. Я на секунду закрыла глаза и выдохнула, пытаясь успокоить мысли и голос.

– Да, Леш, я слушаю, – наконец сказала я в трубку, – извини, пришлось выйти из кабинета.

– Ты все еще на работе? – удивился он. – В Латвии же сейчас почти восемь.

– Полвосьмого, – поправила я его. – Завтра тяжелый суд, мне надо подготовиться. Адвокат, к которой я приставлена помощником, доверила мне полностью вести одно серьезное дело, не хочу напортачить и провалить его.

– Ну, это ведь хорошо, да? У тебя просто голос какой-то уж очень удрученный.

– Конечно, хорошо. Просто я переживаю и стараюсь не упустить ни одной детали, – зажмурившись, продолжала врать я.

– Понятно... – на секунду голос на другом конце провода замолчал.

Я посмотрела на Ярослава. Он сидел с непроницаемым лицом и просто смотрел на меня.

– Маш, я прилетаю через две недели, в пятницу. Ты сможешь меня встретить и пригнать мою машину?

– Да, конечно. Говори номер рейса и время.

– Я прилетаю 24 февраля в 13.20, рейс номер LX892 из Франкфурта.

– Хорошо, я запомнила,— сказала я.— Запасные ключи от машины в обычном месте в квартире?

– Да.

Алексей опять замолчал, не зная, как сказать и спросить о чем-то таком важном для него.

– Маша...— начал он,— ты просила дать тебе время разобраться в себе. Я тебе его дал. Ты решила с кем из нас двоих ты хочешь остаться?— неожиданно и прямо в лоб спросил Леша.

От такого вопроса, который попал в десятку, и жесткого тона, которым он его задал, я совсем растерялась.

– Алеш, не говори глупости,— выдавила, наконец, я из себя.— Я просила тайм аут для того, чтобы понять, куда мы с тобой движемся и движемся ли вообще. Так что... больше здесь никто ни при чем,— совсем замысловато закончила я свою мысль.

– Хорошо, пусть будет так,— похоже он решил не терроризировать меня расспросами именно сейчас.— Я приеду, и мы обо всем поговорим.

Его последние слова прозвучали почти, как угроза, и он поспешил добавить:

– Я тебя чем-то обидел, вот только я так и не понял чем конкретно. Ты вдруг ошестинилась и стала колючей и отстраненной, когда уезжала от меня в конце лета. Что пошло не так?

«Это потому что ты мне так и не сделал предложения и даже не подумал на тему нашего совместного будущего, все твои планы сводились к тебе, твоему переезду по новому контракту, съемом апартаментов для тебя. Для меня во всем этом как будто не было места», – подумала я, а вслух сказала:

– Давай, мы все это обсудим, когда ты вернешься, – мне очень не хотелось говорить что-либо в таком близком присутствии Ярослава.

– Хорошо, – согласился Алеша.

После нескольких секунд молчания он неуверенно сказал:

– Ну... тогда пока.

– Пока, – эхом отозвалась я.

– Я люблю тебя, – услышала я вдруг в трубке, едва успев договорить.

Комок, подкативший к горлу после его слов, сделал мой голос сиплым и скомканным:

– И я тебя... – почти прошептала я, закрыв глаза, и нажала отбой.

Несколько секунд я простояла, крепко сжав в ладони телефон, пока руке не стало больно.

– Черт! Черт! Черт! – громко выругалась я и со вкусом бросила телефон на столешницу, от чего у него отлетела

крышка, закрывающая батарею и сим-карту.

– А ты отлично умеешь врать, я действительно поверил,– колко заметил Ярослав и, поднявшись с кровати, надел джинсы.– Это характерная черта всех юристов или только ты такая?

– Иди в баню, Шиповалов!– огрызнулась я.– Я соврала только в том, где нахожусь.

– Так значит, в ваших с ним идеальных отношениях нет третьего лишнего, то есть меня?– Ярослав приблизился ко мне и рванул за покрывало, оставив меня совершенно голую.

– Отдай!– я попыталась выхватить покрывало у него из рук, но он ловко отбросил его на кровать.

– Возьми,– просто улыбнулся он.

Я сделала шаг в сторону кресла, где были разбросаны мои вещи, чтобы одеться, но Ярослав перехватил меня и, обхватив меня сзади рукой на уровне груди, крепко прижал к себе.

– Не спеши одеваться, мы же с тобой еще не закончили... общаться,– немного грозно прошептал он мне на ухо.

– Ярослав, отпусти,– задохнувшись от неожиданных крепких объятий, сказала я.– Хватит.

– Нет, моя хорошая... сегодня я решаю, когда хватит,– он довольно грубо толкнул меня лицом на кровать и лег сверху.– Твои игры закончились.

– Ярослав, что ты делаешь?..– я попыталась перевернуться, но он мне не позволил.– Отпусти... Мне больно!..

От тяжести его тела у меня слегка перехватывало дыха-

ние. Ярослав, продолжая обнимать меня и прижимать к кровати, медленно провел ладонью по моему правому бедру и ягодицам, приподнимая меня и мягкими движениями пробираясь вперед.

– Так тоже больно?– обжигая своим дыханием мое ухо, спросил он.

Я почувствовала его ладонь и пальцы и поняла, что опять начинаю проваливаться в бездну.

– Нет... – с коротким тихим стоном выдохнула, наконец, я. Ярослав резким движением перевернул меня на спину, и наши губы встретились в долгожданном поцелуе...

Я ушла домой далеко за полночь, когда Ярослав уже спал. Я чувствовала себя подавлено и как-то пусто, как будто из меня вытащили все внутренности и силы. Хотя я понимала, что это наконец-то в очередной раз проснулась совесть и чувство вины и стыда. В моменты такого пробуждения мне было бесконечно плохо и тяжело, но что-то изменить в то время я была не в силах. Я понимала, что теряю Алешу, да и себя тоже, но была не в состоянии сопротивляться Ярославу. В нем было что-то такое, что притягивало к нему, и чем больше я противилась этому притяжению, тем больше оно меня обволакивало. К тому моменту нашего знакомства я была полностью в его власти, и мне казалось, что я бесконечно влюблена и что только я могу ему помочь избавиться от его кошмара прошлого.

18. Ярослав

Февраль 1999 года, Сбрица, Автономный край Косово и Метохии

Солнце светило уже довольно высоко, а легкий морозец приятно щекотал щеки и нос. Погода вообще баловала Балканы этой зимой, почти не принося осадков, но щедро даря солнце и бодрящий холод.

– Когда тебе надо домой?– Ярослав поставил тачку с песком у огромной старой ванной, в которой монастырские замешивали цемент и, сняв рабочую варежку, посмотрел на Билянну.

– Могу еще быть,– она пожала плечами.

– У тебя все в порядке?– Ярослав подошел к ней и заправил выбившуюся прядь волос в шапку.– Ты грустная.

– Ты тоже,– сказала Биляна и чуть нахмурилась.

– Я тоже,– кивнул Ярослав и, сжав зубы, сделал глубокий вдох носом, останавливая вдруг подкатившие слезы. Плакать при Биляне он не хотел, ему вполне хватило своих рыданий на руках матушки Анастасии, когда он сам не понимая зачем приперся полупьяный к монастырю несколько дней назад сразу после гибели Марка. Там он рыдал как девчонка о Марке и Валере в первый и последний раз. Потом матушка положила его спать, и остаток ночи он провел в комнатах

для рабочих при монастыре.

– Расскажешь?– Ярослав взял стоящую рядом с ванной лопату и принялся перекидывать песок из тачки в ванную, тщательно перемешивая с уже насыпанным туда цементом.

Биляна помотала головой и, дробно открывая кран в шланге, принялась подливать воду в смесь речного песка и цемента. Она была как всегда красива и мила, но было очевидно, что что-то ее беспокоит и тревожит. Они уже больше часа таскали песок и смешивали его с сухим цементом, чтобы потом, добавив воды, заделать часть стены с северной стороны монастыря. За все это время Биляна не проронила почти н слова, хотя обычно была общительна и весела. Поэтому Ярославу и нравилось быть с ней как можно чаще, она заряжала его своим светом, если можно было так это описать. С ней рядом не было боли от потери друзей, не было страха и ощущения бессилия перед будущим и теми обстоятельствами, в которых он находился.

Сегодня этого света не было, и Ярослав кожей чувствовал, что что-то не так. Что-то случилось.

– Биля...– он подошел к девушке и, забрав у нее шланг, перекрыл воду.– Посмотри на меня... что случилось?

Девушка лишь помотала головой и поспешила закусить губу, чтобы не расплакаться.

– Тебя кто-то обидел?– Ярослав непроизвольно сжал кулаки.– Я могу помочь.

– Нет,– поспешно ответила она,– не надо. Станет только

хуже.

Ярослав подошел к ней вплотную и, аккуратно взяв за подбородок, заставил посмотреть ему в глаза.

– Расскажи мне, пожалуйста.

Биляна посмотрела на Ярослава и по ее щекам все-таки потекли слезы.

– Брат мамы... он албанец. Моя мама албанка, а папа серб, – сглотнула девушка. – Разумети?

– Раньше такие браки вроде были нормой, – кивнул Ярослав.

– Да... но тут... не данас, – Биляна нахмурилась подыскивая слова на русском языке. – Брату никогда не было хорошо, что мама с папой вместе... он думает, что албанцы только с албанцами, а сербы это плохо... грязно.

Ярослав прищурил глаза и взял Билянину за руку.

– Он вас обидел?

– Нет, – она помотала головой. – Но я слышала, он ругал маму громко... сказал требао бих оставити папу и уходити... иначе че бити лоше... плохо будет.

– Да, я понял, – кивнул Ярослав.

– Очень страшно, – Биляна сжала губы в плотную линию от чего ни побелели. – Он был очень-очень злой, мама сильно плакала.

– А отец?

– Мы не сказали, – Биляна испугано помотала головой. – Он пойдет к брату... будет еще плохо. Нет.

Ярослав обнял девушку и привычно поцеловал ее в макушку. Ему хотелось защитить ее от всего и каждого, но он не понимал как это сделать не нарушая их семейные уклады, традиции и правила жизни.

– Давай я поговорю с командиром, и может мы сможем послать к вам в село пару солдат, чтобы они следили за порядком.

– Там уже есть два войника... из српска полицие. Живут в первый дом, где дорога,– Биляна отстранилась от парня.– Не надо вам туда быть. Биче горе.

– Будет хуже?– грустно усмехнулся Ярослав,– куда уж хуже, Биль... я волнуюсь за тебя.

Биляна широко улыбнулась в ответ.

– Я волнуюсь за тебе, ты за мене. Значит все будет у реду. Хорошо,– она опять прижалась к парню.– Спокойно, когда ты здесь.

Ярослав обнял девушку, стараясь заглушить нарастающую тревогу, которая раскручивалась в нем темной воронкой. Он не мог даже допустить мысли, что с ней что-то может случиться. С кем угодно только не с ней. Иначе и его тоже не станет.

– Я тебя люблю,– тихо сказал он.

Биляна отстранилась от него и облегченно улыбнулась, как будто давно ждала этих слов.

– Я тебя люблю тоже,– так же тихо призналась она.

– Можно я..?– Ярослав запнулся, не зная как спросить

разрешение впервые ее поцеловать, но Биляна и так это поняла и едва заметно кивнула, чувствуя как щеки украсил румянец.

Ярослав аккуратно провел ладонью по ее щеке, чуть задержав большой палец на уголке ее губ и неспеша коснулся ее губ своими. Совсем легкое касание, от которого у обоих пошла кругом голова и заколотилось сердце. Биляна ответила на это прикосновение, и Ярослав поцеловал ее более настойчиво, но все еще нежно и почти невесомо.

– Я хочу всегда быть с тобой,– сказал он, обнимая ее и целуя в лоб и висок.– Я пойду к твоим родителям, как только мы вернемся.

– Вы уходите? Опять?– Биляна уперлась лбом в его грудь, сжав в кулаки его куртку по бокам, как будто собралась оттолкнуть от себя, но не делала этого.

– Да, Биль, прости... я тут для этого,– Ярослав отстранился от нее и посмотрел ей в глаза.– Я не могу сейчас всех бросить. Мы сделаем так, чтобы тут всем было спокойно и хорошо, и тогда я уйду и буду с тобой.

– Навсегда?– с надеждой в голосе спросила Биляна.

– Навсегда,– утвердительно кивнул парень.– Ты же станешь моей женой?

Биляна улыбнулась и кивнула.

– Да.

В этот момент из церкви вышла мать Елизавета и улыбаясь посмотрела на ребят.

– С цементом смотрю закончили?

– Почти,– ответил Ярослав, отходя от Биляны и берясь за лопату.– Еще минут десять и можно будет забирать.

– Замечательно,– одобрительно кивнула матушка и посмотрела на Биляну,– Останетесь на обед?

Биляна в свою очередь посмотрела на Ярослава.

– Я не смогу... мне... меня ждут уже,– как будто извиняясь сказал он.

– Тогда ты Биля оставайся с нами, а потом тебя кто-то отвезет домой,– матушка подошла к девушке.

– У реду,– согласилась та и, взяв шланг, включила воду.– Я помогу Ярославу и приду.

Матушка Елизавета кивнула и скрылась в домике, где были кельи монахинь.

Через час Ярослав уже был в Сбрице в доме, где находился их условный штаб, в котором они собирались группами для инструктажа и разработки планов на ближайшие боевые акции.

– Вчера группа Гави вернулась с потерями,– начал Уханцев и Ярослав понял, что теперь их негласная очередь идти на задание,– поэтому... Саня, Каин, Яков, вы втроем идете вот сюда...

Командир ткнул пальцем на карту.

– Это все лесной массив Чичавица,– пояснил он.– Есть информация, что где-то там пролегает огромный тоннель, которым активно пользуются албанские боевики для отхода

вглубь района Дренница. Тоннель предположительно длиной в 4 км. Убирать их по два-три человека это история на несколько месяцев, а потом придут новые, поэтому...

Он посмотрел на ребят.

– Надо найти этот тоннель, заманить туда противника и подорвать с обоих концов, завалив вход и выход.

Ярослав нахмурился и хмыкнул.

– И все? Звучит как самый простой план из тех, что я слышал.

– Отставить разговоры!– резко одернул его Уханцев.– Если есть вопросы их можем решить после.

– После того как из-за несогласованных действий или непроверенной информации у нас убьют еще кого-то?– продолжил наседавать Ярослав.

– Шиповалов!– сердито рывкнул Уханцев, впервые назвав его по фамилии.– Если тебе кажется, что ты свое отслужил – собирай монатки и на выход!

Ярослав сжал челюсти и с вызовом посмотрел на командира, но с места не сдвинулся. Уханцев вопросительно на него посмотрел и незаметно кивнув, продолжил.

– Разделим все на три этапа. Сначала идете дозором и ищите сам тоннель, потом минируем вход и выход, а уже потом решаем, как заманить туда побольше шиптар и взрываем все к чертовой матери. Вопросы?

– Сколько у нас времени для поисков?– Сашка прекратил рисовать геометрические фигуры в 3д изображении на

небольшом листке и посмотрел на Уханцева.

– Максимум неделя, лучше быстрее.

– Ясно,– Сашка вернулся было опять к рисованию, но на секунду опять глянул на командира.– Все три этапа делает наша группа?

– Да, во избежание утечки информации в первую очередь.

Еще вопросы?

Вся группа молчала, и Уханцев найдя более детальную карту местности стал объяснять солдатам откуда следует начать и в какую сторону двигаться, исходя из того какие данные им передали местные сербские информаторы и разведка. Когда примерный план действий и направление их первого маршрута было оговорено командир всех распустил отдохнуть перед тяжелой неделей.

19. Мария

Февраль 2006 года, Рига, Латвия

В то первое воскресенье февраля я торопилась на встречу с Ярославом в Старой Риге, на ходу мысленно разговаривая сама с собой о том, какое решение принять.

Мы не виделись почти две недели, и все это время я старалась разобраться, что со мной происходит и что делать дальше. Я металась от одного решения к другому и не могла остановиться на чем-то одном.

Воспоминания о том, как мы жили с Алешей, о чем разговаривали, шутили и спорили, навеивали на меня приятную душевную истому, нежность и тихую радость. На этом фоне сексуальное влечение и страсть к Ярославу казалась чем-то еще более постыдным, неправильным и оттого не нужным. Однако эта самая страсть была такой сильной и обжигающей, что казалась непреодолимой. Я понимала, что до тех пор, пока Ярослав остается в моей жизни, и мы будем с ним видеться, я не смогу окончательно избавиться от своих чувств к нему. Казалось бы, решение было на поверхности, мне просто надо было его подобрать, но я упорно обходила его стороной.

Я металась в своих мыслях, чувствах и желаниях, поэтому искренне надеялась, что судьба все решит за меня любимым

подходящим для нее образом. Я настолько устала от этой сидки на двух стульях, что в целом готова была лишиться обоих, только бы все эти мучения, наконец, закончились для всех троих.

– Привет!– сказала я, легонько коснувшись сзади плеча Ярослава.

Он обернулся:

– Привет! Опаздываешь. Я уже заказал куриный шашлык, если ты не против.

– Нет, я не против,– сняв пальто, я повесила его на вешалку в углу Ирландского паба, который мы с Ярославом сокращенно называли «Тедди».

– Почему ты решила встретиться на нейтральной территории?– спросил он.

Я села за стол напротив него.

– Ну, во-первых, сегодня футбол, Челси будет рвать Арсенал, а во-вторых, нам надо поговорить без обнаженки и нескончаемого секса,– деловито ответила я, слегка смутившись на последних словах.

– Значит, разговор предстоит серьезный,– усмехнулся Ярослав.

К нашему столу подошел официант и, положив на стол приборы, разлил воду в стаканы и учтиво удалился.

– У тебя все в порядке?– спросил Ярослав, вертя в руках вилку.

– Да, все нормально,– немного отстраненно пробормотала

я,— просто устала за неделю на работе.

— О чем ты хотела поговорить?

Я сосредоточенно смотрела на салфетку, которую то скручивала, то раскручивала на столе.

— О нас.

— Это понятно. Что конкретно о нас ты хочешь мне сказать?— с каждым словом голос Ярослава становился все более колючим.

— Я думаю...— помявшись, я все же решила брать быка за рога.— Мне кажется, нам надо взять тайм-аут и решить, что нам делать дальше.

Неожиданно Ярослав засмеялся.

— Ну уж нет. Тайм-ауты, как ты их называешь, бери со своим мифическим бойфрендом, а я пасс. Либо вместе, либо расстаемся. На такие темы долго не думают.

— Он не мифический,— тихо ответила я.

— Так что мы решаем?— не обращая внимания на мои слова, спросил Ярослав.

— Я не знаю...— все так же глухо сказала я.

— Тогда нахре... зачем ты начинаешь разговор, если не знаешь, чем его закончить?!— разозлился Ярослав.

— Не рычи на меня,— вдруг громко и жестко отчеканила я,— разубеди меня. Скажи что-то, что заставит меня принять верное решение! Потому что я не знаю, какое из них правильное.

Ярослав посмотрел на меня, как на первоклассницу, ко-

торая разбила банку бабушкиного варенья и неудачно пытается это скрыть и оправдаться. Одним словом, тупит.

– Ты сейчас серьезно?– спросил он и чуть подался вперед, как будто собираясь сказать мне какую-то тайну.– Нельзя все время сбрасывать ответственность за свои решения на других. Это называется трусостью.

Он откинулся назад на красную спинку дивана и продолжил:

– Я не буду тебе помогать. Ты должна сама принять решение. Здесь и сейчас, без всяких тайм-аутов и долгих размышлений.

В этот же момент, как это бывает только в кино, к столику подошел спасительный официант с двумя еще дымящимися шашлыками и ворохом красиво уложенной зелени на тарелках.

– Ваш заказ,– сказал он, поставив перед нами блюда.

Я тут же с усердием принялась резать и жевать курицу и набивать рот овощами. Ярослав, видимо, сжалившись надо мной, тоже без слов принялся за еду.

После сытного ужина, когда, казалось, страсти уже улеглись, я подумала, что можно сегодня и не решать ничего. Как там говорила Скарлетт О`Харра? Я подумаю об этом завтра? Идиотское выражение. Для чего откладывать на завтра то, что все равно не решится за сутки и думать придется в любом случае?

– Маш...– голос Ярослава вытащил меня из душевного

штиля.

– Да?

– Я знаю, что ты хочешь мне сказать,– Ярослав достал сигарету и тоже стал вертеть ее между пальцев.– И... я прошу тебя передумать, потому что знаю, какое решения ты уже давно приняла.

– Я не приняла никакого решения,– попыталась оправдаться я.

– Приняла. Просто не хочешь себе в этом признаться. Сомневаешься. Поэтому и хочешь, чтобы все решилось само собой. Ты интуитивно ждешь, чтобы я все испортил, разлил тебя, обидел, и тогда тебе будет легче со мной расстаться,– сказал Ярослав и закурил.

– Вот только я не стану этого делать,– добавил он,– я не буду облегчать тебе задачу.

Я вытащила новую сигарету и закурила вслед за Ярославом, чувствуя, как хаотично летающие мысли и чувства начинают активно меня душить.

Какое-то время, мы сидели, молча, и просто смотрели друг на друга, будто ведя безмолвный разговор. Я понимала, что Ярослав прав. Прав во всем. Я с самого начала не видела нас вместе, не хотела серьезных отношений, не чувствовала себя с ним спокойно и стабильно. Однако со временем страсть, сочувствие и желание сплелись в такой тугой и гремучий клубок, что я приняла их за любовь. Яркую, жгучую, где-то даже грубую и тяжелую любовь, такую отличную от

той, что я чувствовала к Алеше. Тогда я до конца не понимала которая из них правильная и настоящая, а какая должна уйти.

Ярослав сделал знак официанту и попросил принести нам чай.

– Матч начинается,– сказал он, затушив сигарету.– Садись рядом со мной, спиной, поди, сложно на экран смотреть.

– Не хочу. Я, наверное, домой поеду,– неуверенно ответила я.

– Бежишь, значит,– сухо констатировал Ярослав.– Да, это ты умеешь.

– Бегу,– устало подтвердила я.

– Ну, беги, беги,– холодно поддакнул он.

Я посмотрела не него, но не увидела ничего, кроме неприкрытого вызова и усмешки. Сняв пальто с вешалки, я вытащила длинный шерстяной шарф и замотала его вокруг шеи.

– Я тебя провожу?– вопросительно предложил Ярослав, явно рассчитывая на отказ.

– Нет, что ты, не надо. Я вполне способна сама найти остановку,– отстраненно улыбнулась я в ответ.

– Ну, и замечательно,– Ярослав довольно растянулся на диванчике.

Я безмолвно оделась и, бросив короткое «пока», направилась к выходу. Я вышла из паба и стремглав направилась в сторону остановки, подгоняемая обидой и злостью на са-

му себя и на Ярослава. Поднявшийся северный ветер и мороз больно обжигали щеки и забирались под шарф и шапку, неприятно ощупывая шею, затылок, голову и мысли. Я понимала, что Ярослав тысячу раз прав, я опять бегу не в силах принять решение, я опять бегу в желании избежать ответственности, я опять все пускаю на самотек и опять сомневаюсь, когда решение лежит на поверхности.

Я не могу спасти Ярослава. Никогда не смогу сколько бы я не пыталась. Он живет потому, что ему больно, только так он способен воспринимать жизнь. Через эту боль и темноту он чувствует и все остальное – дружбу, любовь, преданность, ответственность, радость, правду. И находясь рядом с ним, и я начала существовать в этой боли, словно не было никогда меня прежней. Он тащил меня в свою темноту, и сопротивляться было уже практически невозможно. Мое состояние рядом с Ярославом менялось от тотального страха, до жалости, злости, страсти и опять страха. Рядом с ним я постепенно теряла себя.

Прибывая в своих мыслях и торопясь поскорее спрятаться ото всех проблем дома, я не заметила укрытого снегом бордюра тротуара и, спотыкнувшись, упала на колени. Зажмурившись от резкой боли, я закусила губу и тихонько заплакала. Кто-то из прохожих робко предложил помощь, но я отмахнулась и, поднявшись, какое-то время просто стояла на месте, отряхаясь от снега, останавливая слезы и решаясь сделать то, что мне уже давно надо было сделать.

На эмоциях я, круто развернувшись на каблуках, быстрым шагом, словно боясь передумать, вернулась в паб. Ярослав сидел на том же месте и спокойно пил принесенный черный чай. Я встала перед ним, загородив часть телевизионного экрана.

– Ты прав. Мне надо прекратить убегать и начать, наконец, решать проблемы и принимать решения,– немного дрожащим голосом выпалила я,– и я начну прямо сейчас.

Ярослав не двинулся с места, продолжая спокойно смотреть на меня в ожидании моего дальнейшего монолога. Мне казалось, что это все его даже забавляет.

– Мы расстаемся. Я сейчас уйду, и ты больше меня не увидишь,– наконец овладев собой, твердо, расставляя паузы, сказала я.

Ярослав улыбнулся мне в ответ.

– Представляю, какое для тебя облегчение, наконец-то сказать это,– его голос опять стал мягким и заботливым.

Он встал и, подойдя ко мне совсем близко, аккуратно заправил хвостик шарфа, выбившегося из моей сложной намотки вокруг шеи, и поправил чуть сбившуюся на бок шапку.

– А теперь уходи,– сказал он после короткой паузы, глядя мне в глаза.– Уходи, пока я не поцеловал тебя, и ты не передумала.

Я стояла на месте, как парализованная, чувствуя уже привычное бешеное сердцебиение от его близости. Ярослав

немного грубо дернул меня за грудки и привлек к себе, намереваясь поцеловать. В секунду, когда губы Ярослава коснулись моих, я оттолкнула его и стремглав бросилась на улицу. Я бежала весь путь из Старой Риги до остановки маршруток, как будто опасаясь, что он преследует меня. Его поцелуй больно жег губы.

Секунда. Еще одна секунда его губ на моих, и я бы сдалась и опять осталась с ним до очередного просветления мыслей. Как же я была рада, что смогла уйти. Я была наивно уверена, что сделала это сама, совладав с эмоциями, желаниями и приняв твердое решение. Тогда я не понимала, что ушла только потому, что Ярослав позволил мне уйти. Он отпустил меня, поддавшись минутному приступу благородства и честности.

20. Ярослав

Март 1999 года, район Дреница, Автономный край Косово и Метохии

Ярослав вышел с территории монастыря Девичи и закурил. Матушка Анастасия сказала ему, что Биляна не появлялась у них уже несколько дней, что бывало редко и нехотя нашептала ему, где она живет, выразив, впрочем, озабоченность стремлением Ярослава пойти к ней в село. Ярослав не любил, когда ему что-то запрещали, а озабоченность матушки настоятельницы он воспринял именно так. Биляна либо заболела, и тогда он может помочь и достать необходимые лекарства или просто побыть рядом с ней, либо не приходит по каким-то другим причинам, явно связанным с ним, с Ярославом. И тогда ему абсолютно точно необходимо ее найти и выяснить что произошло, пока он неделю шнырял по лесам в поисках долбаного тоннеля шиптар.

По лесной тропе Ярослав за полчаса дошел до села, где жила Биляна и стал отсчитывать третий дом слева, как ему сказала матушка Анастасия. Дом был небольшой обычного для Сербии молочно-белого цвета, с красиво ухоженным двориком.

Ярослав ловко перемахнул через закрытую калитку и через несколько секунд уже стучал в дверь нужного дома.

Дверь тихо и нешироко приоткрылась и на парня с удивлением вперемешку со страхом смотрела пара красивый карих глаз. Совсем как у Биляны.

– Дobar дан,– Ярослав осторожно кивнул и немного улыбнулся.– Биляна?

Голова в платке с красивыми глазами отрицательно мотнулась.

– Не.

– Она йе код кучи?– спросил Ярослав почти не подбирая слов.

– Не,– дверь почти закрыли перед его носом, но тут из глубины комнаты раздался голос Биляны.

– Мама, шта йе тамо?

Ярослав радостно улыбнулся голосу.

– Биля, это я. Выйди, пожалуйста, мне надо...

Дверь перед его носом тут же захлопнулась. Ярослав нахмурился и собрался было постучать вновь, но услышал за дверью легкую возню и громких сердитый женский шёпот. Через пару минут дверь опять открылась, и на крыльцо вышла Биля. Она была бледной и уставшей, как будто физически выйти из дома стоило ей невероятных усилий.

– Ты болеешь?– Ярослав подошел к девушке и беспокойно посмотрел ей в глаза.– Здравствуй!

– Нет, все хорошо,– коротко улыбнулась Биляна и едва заметно озираясь по сторонам посмотрела на парня.– Тебе нельзя тут быть... надо идти к своим.

– Почему? Что случилось? Почему ты не приходишь в Девичи?– Ярослав непроизвольно сжал ремень висящего на плеча автомата.

Биляна проследила за его движением и сжала губы.

– Нам не надо больше видеть друг друга,– медленно подбирая верные слова наконец сказала девушка.– Так лучше тебе и нам.

– Почему лучше?– Ярослав начинал злиться, его начало раздражать желание всех и вся сделать как лучше за счет его собственных желаний и чувств.– Биля, что случилось пока меня не было?

Биляна лишь помотала головой.

– Что нет?

– Не надо встречаться нам и...

– Да, ты уже это сказала,– перебил ее Ярослав. Усталость последней недели вдруг резко навалилась на него, поднимая нетерпение и раздражение.– Теперь назови мне причину. Пожалуйста.

– Нельзя, чтобы тебя тут видели,– как заведенная повторяла Биляна.– Со мной нельзя и здесь нельзя.

– Хорошо,– примирительно ответил Ярослав,– а где можно? В Девичи?

Биляна сжала губы и опять настороженно посмотрела по сторонам.

– Хорошо, там.

– Когда?

– Не знаю... я...

– Биляна!– вдруг послышалось за спиной у Ярослава.– Зашто си напостио кучу?

– Папа,– испуганно одними губами прошелестела девушка.

– Это он? Он не позволяет тебе видеться со мной?– Ярослав посмотрел на девушку и резко обернулся.

– Что ты здесь делаешь, русский?– на почти чистом русском языке спросил отец Биляны.– Биля, иди домой! Сейчас!

Он скинул с плеча выдавший виды холщевый мешок полный дров и, сняв почти полностью протертые рукавицы, поднялся на крыльцо.

– Тата... я...– начала было оправдываться Биляна, но отец только хмуро посмотрел на нее и, подтолкнув к двери, безапелляционно повторил:

– Иди.

Ярослав посмотрел на Билю и не обращая внимание на ее отца спокойно сказал:

– Я буду ждать тебя в Девичи через три дня. Я вернусь и...

Он не успел договорить, потому что Биляна тихо исчезла за дверью дома.

– Черт,– тихо выругался парень и посмотрел на отца Биляны.– Зачем Вы так? Я хочу...

– Нет,– отрезал тот и нахмурился еще больше.– Я знаю, ты предлагал ей замуж, говорил, что любишь. Биля сказала.

Ярослав удивленно уставился на мужчину.

– Да. И?– он явно не понимал в чем собственно тогда вопрос, если он уже все знает и об их разговоре с Билей, и о его предложении.

– Если любишь ее, больше никогда сюда не приходи, и с ней не встречайся.

– Что за бред,– глупо улыбнулся Ярослав.– Почему?

– Потому что ты русский, ты приехал на нашу землю убивать албанцев. Ее мать албанка. Ни она, ни ее родня никогда не одобряют этот брак, а значит его не будет.

– Что за бред,– опять повторил Ярослав.– Мы что в семнадцатом веке, когда девушек отдавали замуж за кого отец и мать выберут? Это же ерунда какая-то.

– Для тебя,– кивнул отец Биляны.– Для тебя – да, для нас это больше чем обычаи, традиции и условия. Биляна выйдет замуж по любви, но за албанца.

– Сказал кто?– минутное смятение и растерянность отступили, и Ярослав опять почувствовал, что начинает заводиться.– Мы просто сбежим. И все.

Отец Биляны по-доброму усмехнулся и даже похлопал Ярослава по плечу.

– Вот поэтому тебе и не надо сюда больше приходиться. Ты ее не знаешь, ты нас не знаешь и людей здешних тоже. Уходи, Ярослав. Если и правда любишь ее как говоришь, уходи, не делай нам беду.

– Я не уйду без нее,– твердо сказал Ярослав.– Я вернусь

через три дня и заберу ее с собой, даже если мне придется выломать эту чертову дверь.

Отец Биляны сжал кулаки и сурово посмотрел на парня.

– Ты сделаешь хуже. Нам, ей.

– Она будет со мной счастлива.

– Может быть. Но так не будет, – коротко ответил он и, подняв мешок с дровами, скрылся за дверью.

Ярослав зло пнул носком ботинка дверной косяк и направился назад к своим. Через три часа они должны были выдвигаться на последний чёс леса. Им оставалось обследовать еще два квадрата и можно было бы смело сказать, что никакого тоннеля для отхода у албанских боевиков нет, но почему-то все были уверены, что в этот раз они его найдут. То ли чуйки и интуиция, то ли простая логика и умозаключения.

Как и неделю до этого на задание они пошли втроем – Ярослав, Сашка и Яков.

– Нам осталось прочесать вот эту линию. В целом это вопрос одного дня, если повезет и все-таки найдем что-то, то заминировем и вернемся назад обмозгуем как заманить туда побольше шиптар и рвануть все к чертовой матери, – Яков затушил сигарету в жестяной банке из-под консервов.

– А минировать чем?

Яков усмехнулся и положил на стол две мины направленного действия с пластичной взрывчаткой внутри.

– Ээээ, а нам хватит двух этих зарядов, чтобы завалить тоннель? – Саша нахмурился и вопросительно посмотрел на

Якова, взяв в руку один из них,— тут по 900 грамм пластика только.

— Ну у америкосов и того меньше, по 650,— Яков забрал у Сашки мину и положил обратно на стол.— Еще есть четыре ручные гранаты со слезоточивым газом.

— Нафига?— усмехнулся Ярослав.— Мне и так все время рыдать охота от наших постоянных провалов.

— Сказано применять на свое усмотрение. Ими можно выкурить шипатр из тоннеля, если придется.

— Так нам их надо туда вкурить или выкурить оттуда?— уже совсем откровенно скалясь спросил Ярослав.— Я думал мы их туда загоняем, а не выгоняем.

— Каламбур засчитан,— Яков устало посмотрел на товарища.— Что ты от меня хочешь, Каин? Я варюсь в этом же говне, как и ты. Ни больше ни меньше.

— Ничего не хочу,— бросил Ярослав и затолкал бутылку с водой в небольшой походный рюкзак.— Пошли уже. Светает. Чем быстрее найдем, тем быстрее вернемся.

Они выдвинулись в путь ранним утром и через час, дойдя до села Васильево, наткнулись на оросительный канал, идущий через все село. Канал был большой и глубокий, и все трое сразу поняли, что похоже это то, что они ищут. На выходе из села канал лихо перешел в подземный тоннель.

— Хрена себе,— удивленно пробормотал Сашка.— Нашли. Глаза Якова азартно заблестели, и он ухмыльнулся.

— Ну пиздец вам теперь, шиптары.

Осмотрев вход в тоннель с этого конца, ребята потихоньку двинулись вперед, осматривая сам тоннель и его конструкцию. Тоннель был сухой с множеством следов людей, что подтверждало теорию о том, что албанцы постоянно пользуются им для своих передвижений. Тоннель был с 30 сантиметровыми железобетонными плитами примерно два метра высотой и четыре метра шириной, и парни поняли, что их первоначальный план по закладке взрывчатки в размере двух штук, чтобы завалить вход был, мягко говоря, детским лепетом. Яков подсчитал, что чтобы завалить такой тоннель им необходимы не два килограмма взрывчатки, а сто.

Они прошли все десять километров тоннеля до конца и вышли с другой стороны на Чичавице.

– Ну что я имею нам сказать, – передразнивая голос Якова сказал Сашка, – наших четырех гранат с газом не хватит даже, чтобы самим отравиться, не говоря уже о том, чтобы кого-то оттуда выкурить при необходимости. Даже тысяча таких гранат нам в этом не поможет.

Ярослав чиркнул зажигалкой и прикурил, устало выпуская сизый дым изо рта.

– Ну я бы прям удивился, если бы хоть что-то тут было логично и ответственно, – он потер лоб. – Что делаем дальше? Шиптар тут нет пока, завалить входы мы не сможем.

Яков скинул рюкзак и присел на каменистый пригорок рядом со входом в тоннель.

– Идем назад, докладываем все это и пусть командование

думает.

– Думаешь они реально дадут нам сто кило взрывчатки, чтобы проверить наш план? Ну смешно ей богу, – Ярослав сделал очередную затяжку и прищурившись посмотрел на яркое солнце. – И потом как нам организовать сюда побольше албанцев? Ради пары-тройки нам никто не позволит тратить столько мин, даже если предположить, что они у них есть.

– Вообще не волнует, – отрезал Яков. – Наше дело было найти и посмотреть что и как. Мы нашли и посмотрели. Докуриваем и идем назад.

Сашка посмотрел на часы, прикидывая успеют ли она темно вернуться к своим, но даже, если они будут бежать, то успеть до захода солнца было сложно.

– Затемно не успеем, – сказал он. – Или остаемся где-то тут, или придется двигаться в темноте.

Ярослав поморщился.

– Мамуля прав... По темноте вслепую неохота, если честно. Яков?

– Нет, вслепую не пойдем. Это территория шиптар, и, если днем они еще прячутся, то ночь – их время, мы не выйдем.

– Зашибись, – хмыкнул Ярослав и щелчком выкинул бычок назад в тоннель. – Значит мы еще и заночуем тут.

Яков поднялся одним резким движением и подхватил свой рюкзак. Ему дико не нравилась ни перспектива ночевать в холодном тоннеле, ни идти в ночь почти три часа до се-

ла, где они базировались. Он был старшим в группе и решение принимать ему, но почему-то под ложечкой ныло и противно сосало от обоих вариантов, а это был верный признак того, что не миновать беды. Яков посмотрел на сосредоточенного Сашу и как всегда сердитого Ярослава и мучительно выстраивал свое решение. Если бы в это время он оглянулся и посмотрел в сторону леса, который окутывал горный массив, то скорее всего заметил бы движения албанских боевиков, которые наблюдали за их тройкой уже несколько минут, точно так же решая, что им делать.

– Так... – наконец произнес Яков, – заходим в тоннель, доходим до второго выхода и ночуем там, не вылезая наружу, чтобы нас не заметили, если будет кому замечать. Дежурить будем по 3 часа, на рассвете двигаемся дальше к нашим.

– Как скажешь, – Ярослав достал бутылку воды и сделал пару глотков.

Все трое скрылись в темной дыре тоннеля, так и не увидев пятерых албанцев, которые наблюдали за ними из своего укрытия, коротко обсуждая что делать с «русскими»...

Дежурство по три часа в целом давалось легко, ибо к этому моменту службы каждый из ребят научился высыпаться за это короткое время, поэтому, когда Ярослав вторым заступил на вахту после Саши, он был практически бодр и абсолютно внимателен.

Голоса, переговаривающиеся громким шепотом совсем рядом с ними у выхода из тоннеля Ярослав услышал сразу,

с самого первого слова, и понял, что они влипли по самое не могу. Он прислушался, замерев на месте и чувствуя, как волоски на спине и шее встали дыбом от резко прилившего адреналина. Он не пытался понять или услышать о чем говорят албанцы, он пытался понять приближаются ли они или просто стоят у входа. Они просто стояли, и это было плохо. Ярослав выругался про себя и тихо потряс Якова и полчаса назад уснувшего Сашку за плечи.

– Встаем. Встаедем, – уже более громко, но почти беззвучно дернул он обоих.

Ребята вскочили и прищурившись, словно псы, уставились на Ярослава.

– Шиптары, – одними губами произнес он и указал на выход из тоннеля, до которого с их места сна было метров 30-35 не больше.

Сашка сонно помотал головой, раскидывая остатки навязчивого сна, Яков же замер на месте, прислушиваясь к тихим звукам голосов рядом с ними. Албанцы не приближались к ним и особо не скрывали своего присутствия. Значит либо они ждут еще кого-то и тогда двинутся в тоннель, либо... они точно знают, что там трое солдат противника и им не надо ни опасаться, ни прятаться. А это значит, что их преимущественно больше и знают они это потому, что видели вечером всех троих у выхода из тоннеля, и скорее всего тот выход у Чичавице тоже прикрыт албанскими боевиками. Яков почувствовал, как горло сковала резкая тошнота.

– Сколько?– тихо спросил Яков у Ярослава, но тот лишь пожал плечами прочем задумавшись.

Три или пять через мгновение раздумий пальцами показал Ярослав. Три разных голоса он слышал абсолютно точно, но возможно был еще один, и возможно кто-то еще просто молчал. Сашка посмотрел на друга, и впервые в его глазах Ярослав углядел четкую растерянность и даже страх. Он нахмурился и тронул Якова за плечо.

– Надо пробиваться,– почти прошептал он.– Назад нет смысла, там тоже закрыто скорее всего.

Яков тяжело выдохнул и отошел в сторону, больно кусая углы своего рта, то ли приводя себя в чувство от навалившегося оцепенения, то ли отчаянно размышляя и решая, что им делать дальше. Албанцев около пяти, максимум шесть... они наверняка видели, что русских трое и вряд ли прислали на уничтожение роту солдат... Наконец, он повернулся к ребятам.

– Они не дадут нам дождаться рассвета... зайдут сами, поэтому будем выходить здесь и сейчас. Они этого не ждут как минимум,– твердо и решительно сказал он.– Сначала кинем гранаты для испугу, потом стреляем во все, что движется снаружи, потом...– он замолчал,– потом посмотрим.

Сашка и Ярослав кивнули.

– Я вас прикрою,– кивнул Яков и, спустив с плеча автомат, тихо пошел вперед.

– Не дрейфь, Мамуля,– Ярослав тихо ткнул Сашку в плечо

и чуть отодвинул собой дальше от выхода,— прорвемся.

Все, что происходило дальше было похожим на кадры кино. Во всяком случае так их видел, воспринимал и запомнил Ярослав.

Яков двигался едва впереди них с Сашкой, готовый в последний момент выпустить их обоих на первый план, чтобы они кинули ручные гранаты с газом, а он снимет столько шиптар, сколько успеет, пока они очухаются и начнут отстреливаться. И план этот был жизнеспособен, если бы не одно но. И это «но», было, к сожалению, весьма увесистое. Албанцев было не пять и не шесть, их было тринадцать. Так получилось. Они пришли для пополнения припасов в село Васильево, через которое на тоннель вышли Ярослав, Яков и Саша, и местные жители сразу донесли, что русских трое и они пошли к тоннелю так смело как будто были точно уверены, что он там. Через полтора часа с другого конца тоннеля пришло оповещение, что русские появились с другой стороны у Чичавице, но довольно быстро скрылись назад в тоннеле. Было принято скорое решение закрыть оба выхода и зачистить их группу, и чтобы выполнить это наверняка остались все боевики УЧК из той группы.

Сашка беззвучно достал две ручные гранаты и почти одновременно сорвал круглую чеку с обеих и кинул их в сторону выхода из тоннеля. Послышались два коротких громких грохота, ругань на албанском, кашель и какие-то громкие резкие команды. Сашка толкнул Ярослава и побежал вперед,

вскидывая автомат и открывая огонь по албанским солдатам, которых он едва мог рассмотреть в полутьме. Он убил двоих и «ослепил» газом еще троих, стоявших у входа. Ярослав, прижавшись к противоположной стене, с криком открыл огонь, но через секунду получил в ответ автоматную очередь, которая громким эхом разнеслась по темному коридору позади него. Он ответил, и тут же получил жесткую обратку. Сашка коротко вскрикнул и осел, и пока Яков жал на курок в попытках попасть по темным смутно различимым в проеме выхода фигурам, Ярослав отпрыгнул на пару шагов назад за первый изгиб тоннеля.

– Блять,– сцепив зубы, почти провыл он. Он точно знал, что Сашки больше нет, и им скорее всего тоже уже не выйти оттуда живыми. Шиптар было больше, чем они предположили сначала. Намного больше.

– Каин, ты ок?– услышал он громкий шепот Якова, отошедшего назад.

– Да,– коротко ответил парень, едва сдерживая крик и отчаяние.– Мамуля.

– Да, я понял,– через мгновение подтвердил злой голос Якова.– Ссуки... их много.

Ярослав молчал. Молчал и Яков. Замолчали и албанцы. В этой почти звенящей тишине они просидели почти полчаса. Потом послышался тихий торопливый говор албанских боевиков. Голоса были напряженные и в меру встревоженные. Как будто они обсуждали футбольный матч любимых

команд, который пошел не по обычному сценарию.

– Мозгуют сколько нас... – тихо прошелестел Яков. – Уж больно борзо мы поперли.

– Как поймут, что все-таки трое... блять... двое – нам пиздец, – прохрипел в ответ Ярослав.

– Может отойдем вглубь?

– Зачем? Думаешь, они там не прикрыли выход? – усталым голосом спросил Ярослав.

– Не думаю, – покачал головой Яков.

– Тогда нет смысла, – Ярослав замолчал, плотно прикрыв глаза. – Всё, Яша. Это Всё.

Яков стиснул зубы и звучно выдохнул, почти ругнувшись, чего никогда себе не позволял. Он вообще был самым вежливым и воспитанным, как тот кролик из Винни-Пуха, а еще был интеллигентом и сыном профессора инженерных наук. Как он оказался в Косово, в этом тоннеле и на этой войне до конца не мог понять ни он сам, ни кто-то еще.

– Не бывает безвыходных ситуаций, – тихо прошептал он скорее себе, чем Ярославу.

– Ага. Вон, Мамуле это расскажи, он не возразит, – грубо съязвил Ярослав. – Мы тут все ляжем. Вопрос как быстро и сколько шиптар утянем за собой.

– Если так стоит вопрос, то как можно больше и сейчас, – сказал Яков и, перекрестившись, оттолкнулся спиной от стены тоннеля. – Я справа, ты слева. Просто огонь в тупую.

– Да будет так, – Ярослав притким прыжком перекинулся

на левую сторону тоннеля и вскинул приклад автомата.

Сразу за неглубоким поворотом виднелся вход, кусочек неба уже начинал озаряться очередным рассветом. На земле было видно затихшее навсегда тело Сашки.

Все что происходило дальше было больше похоже на сон, видение, мираж. Ребята даже не успели начать стрелять, только сделали несколько беззвучных шагов в брезжащий рассвет, когда где-то снаружи началось месиво из стрельбы, громких голосов и коротких взрывов. Они оба припали к стенкам тоннеля, пытаясь понять и услышать что происходит. Через несколько минут показавшиеся им вечностью послышалась короткая русская брань, и оба поняли, что с той стороны шиптар бьют солдаты из их роты. Они, не стовариваясь опять отошли чуть в глубь, опасаясь случайной пули.

Ярослав сел на землю, скинул автомат рядом с собой и прислонился головой об холодные бетонные стены тоннеля. Звуки, запахи и картинки смешались в тяжелый и навязчивый однотонный гул, и от него было уже никуда не деться. Он опять выжил, а один из его друзей опять погиб. То, что их спасла случайность Яков и Ярослав узнают позже, сразу, как только разведгруппа Гави перебьет всех албанцев, ожидающих их у тоннеля.

Гави вопреки здравому смыслу и закрепившейся практике боевых акций, вел свою группу назад в их село в ночи, не дожидаясь восхода солнца. Все были вымотаны, и всем поскорее хотелось добраться до штаба, передать добытые раз-

ведданные и наконец отдохнуть. Плюс они надеялись, что шиптары не ожидают такой наглости с их стороны и не станут прочесывать все тропы и дороги, и группа просто в наглую и открытую дойдет до места назначения. Так и произошло. Они шли лесом, пока не уперлись в село Васильево, его надо было обогнуть левее и через час они были бы у своих. Чертыхаясь, что промахнулись и пошли не той тропой и теперь им придется делать крюк, Гави с еще четырьмя сербскими солдатами дал левее и почти сразу услышали громкую резкую албанскую речь. Они тихо остановились в кромке леса и стали всматриваться в темноту.

Через пару минут один из сербов подошел к Гави и коротко перевел о чем спорили боевики – в тоннеле трое русских, они стреляли, убили троих и ранили еще двоих албанских солдат, и отошли назад а тоннель. Албанцы спорят точно ли их трое как сказали местные и сколько у них оружия... уж больно нагло и уверенно себя вели.

– Каин, – тихо усмехнулся Гави.

Он знал, что их тройка уже вторую неделю ищет тоннель, которым постоянно пользуются албанцы, скрываясь после боевых акций. И вот они его нашли. А албанцы нашли их. А Гави сейчас всех спасет, и Яша ему выставит ракию.

– За мной, – все так же тихо скомандовал он своим солдатам. – Снимаем тех двоих, что стоят в середине, они руководят. Положим их, остальные начнут тупо отстреливаться. Так их и положим. В тоннель не стрелять, даже если шипа-

тры отойдут туда. Если что там их Яша встретит.

Остальные молча кивнули и небольшая группа тут же беззвучно приблизилась к противнику и открыла огонь по ничего не сообразившим албанским сепаратистам.

21. Мария

Февраль 2006 года, Рига, Латвия

Самолет авиакомпании Люфтханза рейсом номер LX892 из Франкфурта-на-Майне приземлился в Рижском аэропорту точно по расписанию в 13.20. Красавец Боинг 737 подрулил к выходу В3 и через три минуты стал выпускать прибывших пассажиров.

Алексей вышел из ворот, ведущих в коридор, и пошел по направлению фойе для получения багажа. Он испытывал двойные ощущения по поводу своего возвращения в родной город. Он был одновременно и рад, и озабочен тем, что оказался в Риге. Ему предстояло решить очень важный и тяжелый вопрос, и он сам не знал, что будет делать и чем все это закончится.

Он догадывался, что я с кем-то встречалась, пока его не было в Латвии, и предполагал, что это были совсем не платонические встречи. В конце концов, не просто же так я просила время, чтобы побыть одной и разобраться во всем. Это время для себя было просто нелепой попыткой уговорить мою собственную совесть и мораль и как будто не встречаться сразу с двумя молодыми людьми. Он отдавал себе отчет, что частично и сам был виноват в той ситуации, в которой мы с ним оказались. К тому же трехлетние отношения на рассто-

нении редко заканчиваются счастливо, даже если их связывает самая сильная и чистая любовь. Однако осознание своей вины и всей ситуации в целом не умоляло и не уменьшало моей измены, а простить такое предательство Алеша не мог. Поэтому, ему казалось, что из этого конфликта у нас есть только один возможный выход...

Алексей подхватил с крутящейся черной ленты свою огромную дорожную сумку и решительно двинулся в сторону выхода.

Я вбежала в здание аэропорта в легком смятении и чертыханиями на тему: «Опять я опаздываю!» На голубом экране телевизора напротив рейса номер LX892 горело: «Приземлился», и я поспешила в зал ожидания прилетов. Как обычно, там толпились люди, слышался рой разной речи, разных запахов и эмоций. Я, было, ринулась в самую пучину этого ожидающего столпотворения, когда кто-то резким, но аккуратным движением потянул меня назад.

– Я всегда знал, что ты самый непунктуальный человек в мире, но чтобы настолько! – голос Алексея любимой мелодией проник в уши и сердце.

Я повернулась и оказалась в его объятиях.

– Не подобает девушке ждать молодого человека. Надо бы наоборот! – улыбнулась я в ответ. – Извини, не получилось так легко сбежать с работы. Завтра повторный суд по одному делу, подготавливала последние документы.

– Я соскучился,– сказал Алексей и в порыве обнял меня крепко-крепко.

Я прижалась к нему, в одно мгновение почувствовав себя так уютно и спокойно, как за стенами нерушимого замка. Было ощущение, что я долго скиталась по чужим городам, а вот теперь, наконец-то, опять очутилась дома. От него исходил любимый аромат Пако Робане и тепло, от которого у меня сразу затрепетало сердце. Вот он, мой родной, мой любимый.

– Я тоже по тебе соскучилась,– дрожащим голосом прошептала я.

– Правда?– Алешка отстранился и серьезно посмотрел мне в глаза.

– Правда,– так же тихо ответила я и затянула потуже его темно-серый шарф.

Какое-то время он, молча, смотрел на меня, слегка прищурив темно-голубые глаза, как будто прикидывая, что делать со мной дальше, а потом поднял с пола свой чемодан и взял меня за руку.

– Пойдем.

Мы сели в его машину, которую я пригнала со стоянки, и поехали в уже знакомом мне направлении.

– Мы едем к тебе?– задумчиво уточнила я.

– Да,– Алеша мельком бросил на меня вопросительный взгляд,– или тебе надо на работу?

– Нет, я отпросилась до завтра.

Мы ехали к нему домой по маршруту, которому ездили сотни раз, но еще ни разу нам обоим не было так тяжело и сложно ехать куда-то, где останемся только мы и наши нерешенные вопросы. Я боялась разговора с Алексеем, потому что знала, что измену он не простит. Он боялся его по той же причине. Нам обоим не хотелось расставаться, но точно так же мы оба понимали, что, скорее всего, этим все и закончится.

Мы поставили машину во дворе, и под недовольное кряхтение бабушек, которым мы загородили все поле обозрения и сплетен своим джипом, поплелись к Алеше.

– Ууууххх... сколько почты, – протянул Алексей, подставляя руки под вывалившуюся макулатуру из почтового ящика. – Ты, что не бываешь здесь совсем?

– А что мне тут делать без тебя? Да и некогда было... – попыталась отговориться я.

– Понятно, – произнес он как-то колюче, и мне стало совсем не по себе.

Мы вошли в его просторную холостятскую квартиру, и я почувствовала, как на душе заскрежетали кошки. Ведь здесь мы были так счастливы с Лешкой. Мы готовили вместе всякие вкусности, смотрели фильмы, спорт, хохотали над шутками в КВН, занимались любовью, спорили про латвийскую экономику и политику, встречали рассвет на балконе, закутавшись в теплый красный плед... Получается, что вместе с ним я предала и наши воспоминания, и наши планы на бу-

душее, и вообще всю нашу совместную жизнь, каждую минуту этой жизни. От этих мыслей мне стало так паршиво и тяжело, что я готова была просто исчезнуть прямо сейчас, раз и навсегда. Только бы не объясняться, не начинать этот разговор, потому что мне нечего было сказать, нечем было оправдаться...

– О! Холодильник забит вкусняшкой, а пыль не протерта,– удивленно усмехнулся Алексей из кухни.

– Я была здесь с утра, привезла еду и кофе,– ответила я, раздеваясь в коридоре.– Вылизать квартиру, извини, не успела,– вдогонку пробурчала я, понизив тон.

– Между прочим, я это слышал,– раздался голос Алексея прямо у меня за спиной.

– Извини,– чуть смущенно сказала я.

– За последний час ты извинилась уже трижды. Как-то многовато для той Марии, которую я знаю,– улыбнулся Алексей и, подхватив чемодан, пошел в большую комнату.

– Иди ко мне, я кое-что тебе привез,– позвал он.

Я обреченно поплелась за ним. «Он решил меня добить этими подарками что ли, чтобы я умерла от стыда и чувства вины?» пронеслось у меня в голове. Когда уже он начнет злиться, сердиться, расспрашивать и ненавидеть?..

– Что это?– спросила я, отгоняя все вопросы и любопытно заглядывая через его спину.

– Помнишь, как мы гуляли по Английскому саду в Мюнхене, и ты сказала, что хотела бы остаться там навсегда?– не

оборачиваясь, спросил Алексей.

– Помню,– улыбнулась я в ответ.

– Ну вот,– торжественно сказал он и повернулся ко мне,– это тебе!

От неожиданности у меня открылся рот. В руках Алексей держал маленький макет северной части сада, в котором мы любили бывать больше всего, потому что там было мало туристов и много тишины и зелени. Макет был под стеклянным колпаком, как будто его хотели закапсулировать во времени, и был настолько реалистичный, что мне показалось, что я опять слышу пение птиц, и шелест листы в Хиршау, и журчание речки Изары. Столько хороших и светлых воспоминаний...

– Алешка...– только и могла прошептать я.

– Погоди, это еще не все,– довольно улыбнулся он и поставил макет на стол.

Я тут же присела и стала рассматривать миниатюрный сад.

– Ой, смотри, здесь даже овечки есть! Ой, как настоящие! С шерсткой!– восторженно воскликнула я.– Леш, это лучшее из того, что мне когда-либо дарили! Честное слово!

– Маш...

Я подняла глаза и посмотрела на него горящими и довольными от приятного сюрприза глазами.

– Да?

– Это тоже тебе,– Алеша протянул мне небольшую темно-синюю коробочку.

– Что это?– улыбка медленно сползла с моего лица, сменившись едва уловимым страхом и напряжением.

– Открой,– просто улыбнулся он в ответ.– Не бойся. Предложение руки и чего там еще я делать не собираюсь.

– Да я уже и не надеюсь,– тихо пробормотала я и взяла протянутый подарок.

Открыв красивую и явно дорогущую коробочку, я увидела невероятной красоты серьги с жемчугом в обрамлении маленьких бриллиантов. Те самые серьги, которые я увидела еще, будучи с Алешей летом в Германии. Мы гуляли по центру Берлина и, перепутав адрес какого-то ресторана с национальными блюдами, который нам посоветовали в отеле, случайно зашли в антикварную лавку, где продавалось все, что угодно от стульев и картин до драгоценностей и коллекционных монет. Я сразу увидела эти сережки и кулон и влюбилась в них. Они не были антикварными в классическом понимании этого слова, но от них веяло историей, романтикой и загадкой. Я их тогда примерила и мечтательно обмолвилась, что полцарства отдала бы за такие, в надежде, что Алеша купит мне их, пока мы находимся в Берлине.

– Только вот кулон кто-то купил до меня,– виновато сказал Алексей,– остались только сережки.

– Они очень красивые...– от переизбытка эмоций у меня по щекам покатались слезы,– очень...

– Эй... Ты что?.. Машуль...– Алеша присел ко мне на пол и обнял.

– Я уже давно купил их, еще тогда в Берлине. Я же видел, как у тебя глаза загорелись, просто все не было нормально-го случая тебе их подарить. Ты почти сразу уехала обратно в Латвию, а потом мы постоянно отношения выясняли... – сказал он, целуя меня в макушку.

– А сейчас, по-твоему, самый подходящий момент? – вытирая слезы, спросила я и, отстранившись, посмотрела на него.

– Не знаю... мне просто хочется, чтобы они остались у тебя. В любом случае.

Алексей секунду смотрел мне в глаза, а потом медленно притянул к себе и поцеловал. От этого поцелуя в душе все запело и наполнилось таким неопишваемым счастьем, теплом и спокойствием. Как будто я нашла ответ на сложнейшую задачу, которую я никак не могла решить в последнее время.

«Как я могла променять это состояние гармонии и счастья на постоянное сгорание от страсти, на неконтролируемые и непредсказуемые поступки и физическое удовлетворение?...»

– Я люблю тебя, – шептала я, отвечая на его поцелуи и ласки, – как же я тебя люблю, Леш...

Алеша стал целовать мое лицо, шею, плечи, руками тем временем расстегивая блузку и ощупывая каждый сантиметр моего тела, словно ища какой-то изъян или изменение. Он слегка подтолкнул меня, и мы, целуясь, легли на пол. С каждым прикосновением он становился все более стремитель-

ным и настойчивым в своих ласках, даже немного грубым, и мне на секунду показалось, что я с Ярославом. Все тело словно оцепенело, а голову обдало ушатом холода.

– Алеш... подожди,– я попыталась остановить его и под-
няться, но он не дал мне встать,– Алеш...

– Я хочу тебя,– прохрипел он, обжигая мне губы горячим
дыханием.

– Подожди...– я вновь попыталась его отстранить.– Нам
надо поговорить... Леш...

– К черту разговоры,– Алексей лег на меня всем телом,
скрестил мои руки над головой, а своей рукой с силой при-
жал их к полу.– Я хочу тебя,– его вторая рука попыталась
растегнуть мне бюстгалтер.

– Не надо,– я попыталась выбраться из под него, но у меня
ничего не получилось. – Мне больно... я не хочу... я не хочу
так...– я пыталась освободить руки.

– Шшшш...– грозно шептал он, больно кусая мочку моего
уха.

– Алеш... да, отпусти же меня!– почти закричала я и со
всей силой оттолкнула его, больно укусив за плечо.

Он вдруг остановился, как будто очнувшись от дурма-
на, и посмотрел на меня, как на совершенно постороннюю
и неприятную девушку, с которой ему по ошибке довелось
провести ночь. Он секунду смотрел на меня, а потом резко
поднялся и отошел в сторону.

Его темные волосы были беспорядочно взъерошены, а

взгляд горел такой злостью, ненавистью и даже брезгливостью, что я оторопела. Я никогда не видела его таким раздраженным и чужим.

Я встала и наспех застегнула бюстгалтер и блузку.

– Алеш...– нерешительно начала я, но он меня прервал.

– Уходи,– твердо сказал он.

– Леш, пожалуйста... давай поговорим... мы же собирались и...

– Нет.

Я смотрела на него, понимая, что надежда на то, что мы останемся вместе, тает с каждым моим словом и движением. В тот момент не было правильных или не правильных слов, потому что, что бы я ни сказала или ни сделала, все было заранее обречено на провал.

– Тогда скажи, чего ты хочешь?

Алексей поморщился и покрутил головой.

– Я ничего не хочу. Просто уходи.

Я подошла к нему и хотела дотронуться до его плеча, но он перехватил мою ладонь и довольно грубо оттолкнул.

– Алеш...– я старалась сглотнуть подкативший к горлу жгучий комок слез, боли и чувства вины.

– Уходи, Маша. Не получится. НЕ получится сделать вид, что я ничего не понимаю, и ты все та же.

– Позволь мне объясниться... хотя бы попробовать....

– Нет,– отрезал он.

Я видела, что ему больно и обидно, что он взбешен и даже

не попыталась ему солгать.

– Прости меня... Прости, пожалуйста...– дрожащим от сдерживаемых рыданий выдавила я, но он только безмолвно покачал головой, жестко сцепив зубы и сжав кулаки.

– Я знаю, ты говорил, что никогда не простишь измену, но...– я замялась, не зная, как продолжить.

– Нет никаких «но» и быть не может,– Алексей отчужденно посмотрел на меня, хотя в его глазах стояли неприкрытые слезы.– Я никогда не прощу измену, и я идиот, что предполагал, что может быть иначе. Точка.

Я опустила глаза, и по щекам потекли горячие слезы. Я знала, что все закончится именно так, но все же... надеялась, что Лешка любит меня сильнее, чем ненавидит меня его гордость. Чуда не случилось. Мне нужно было уходить, потому что говорить что-то и пытаться оправдаться перед человеком, который только что вычеркнул меня из своей жизни, я была не в состоянии. Алешка был очень строгим и решительным человеком, и если уж он принял решение, то изменить его было невозможно. Да и как тут оправдаешься?.. Все закончилось. Мы расстаемся. Он меня ненавидит и презирает. Ему даже смотреть на меня неприятно.

– А если бы я тебя не остановила сейчас?– спросила я.– Все было бы иначе?

Леша опять посмотрел на меня, и его взгляд стал колючим и чужим.

– Нет. Но мне было бы легче с тобой расстаться.

– И время не поможет?

– Нет.

Я на секунду прикрыла глаза, позволяя слезам свободно скатиться по моим щекам и коротко кивнула.

– Все правильно. Все правильно, – смахнув слезы со щек я посмотрела на любимого человека и постаралась улыбнуться, но получилось совсем плохо. – Там... на балконе на столике пирожные твои любимые и... эээммм... бутылка Шаб-ли. Холодильник еще... эээммм... плохо холодит, и я туда поставила... эээммм... Мне до безумия жаль... что всё так... Всё.

Не говоря больше ни слова, я взяла свою сумочку и, наспех надев сапоги и накинув пальто, ушла из дома, в котором была так счастлива когда-то и который так бесстыдно предала.

Помню, что я шла в расстегнутом пальто, без шапки, шарфа и перчаток, дул ветер и порошило снегом, но я абсолютно не чувствовала холода. Наоборот, меня знобило от внутреннего нервного жара, а по лицу, не переставая, текли теплые слезы, размазывая тушь и остатки пудры. Я брела по щиколотку в снегу по задворкам Саркандаугавы на станцию и ни о чем не думала. Просто шла и плакала. Плакала и шла. Если бы у меня спросили тогда, что легче быть преданным или предать самому, то я однозначно выбрала бы первое. Когда предали тебя это больно, но, когда предал ты это убийственно.

22. Ярослав

Март 1999 года, городок Србца, Автономный край Косово и Метохии

Питер стоял с Костей, Самарой и Яковом у крыльца дома, где жила Биляна и нервно затягиваясь, смотрел на тропинку ведущую из залесья к селу. По двору ходили солдаты Сербской полиции, был даже какой-то важный чин с внушительными усами и зычным голосом, который раздавал команды и задавал вопросы. Врач уехал три минуты назад. Помогать ни тут ни в соседних домах было уже некому. Албанские сепаратисты вырезали три сербские семьи, еще пять домов почему-то остались нетронутыми. Создавалось впечатление, что шли устранять ни село в целом, чтобы занять потом пустующие дома, в конце концов соседняя деревня и дорога к ней и так была под гнётом албанских солдат, а убить конкретных людей в конкретных домах. Зачем никто не понимал, да и не особо вдумывались – война. В ее время есть много насилия, зверства, страха, смерти и мало логики, причин и понимания.

– Как только он появится, не пускайте его внутрь, – Питер выдохнул сизый дым и тут же глубоко затянулся еще раз. – Не надо видеть любимую девушку в таком... не надо.

Костя сглотнул подступивший ком в горле и, опустив ав-

томат на землю, сел на верхней ступеньке.

– Он не вывезет это... после Сашки сломался почти, четверо суток бухал и наркоту жрал. А сейчас... это пиздец будет.

– Видели белый крест над их дверью?– Яков махнул головой в сторону входной двери.

– Да,– кивнул Питер,– как и над двумя соседскими.

– Это албанцы?

– Да,– опять кивнул Питер,– это они так дома метят, которые их боевикам зачистить надо.

– Но ведь тут... они же на половину албанцы,– почти с отчаянием в голосе воскликнул Костя.

Питер только усмехнулся.

– Для них нет половин. Либо с ними, либо враг... отец Биляны серб, а Биля... с Ярославом встречалась. Про это все знали. Поэтому тут не было вариантов.

– Блять...– Костя мотнул головой,– только ему вот эту теорию не говори.

– Думаешь, он не догадается,– опять усмехнулся Питер.

– Похер, что он там догадываться будет, пока никто не озвучит,– Костя сердито смотрел на Николая.– Не надо сейчас жесткости и правды жизни, он эту правду жрет каждый день.

– Как и мы все.

– Как и мы.

– Идет,– Яков оттолкнулся стены дома и подался на-

встречу Ярославу, который бежал к дому Биляны со стороны леса, абсолютно не замечая никого вокруг и не слушая окликов и слов.

На входе во двор его попытались тормознуть Давид с Гави, но Ярослав грубо их оттолкнул и пронесся мимо.

– Стой!– Питер резко вскинул руки и заблокировал Ярославу вход в дом Биляны.– Да стой ты!!

Почти прорычал он, сдерживая попытки Ярослава зарядить ему в лицо и отталкивая подальше от порога дома. Ярослав боролся и пытался вырваться так отчаянно, что на помощь Питеру подскочил Яков в попытке сзади скрутить друга.

– Каин, подожди! Стой!

– Пустите, ссуки!– не своим голосом прорычал Ярослав и так сильно пнул Якова по ноге, что тот захлебнулся в боли и ослабил хватку.

Ярослав тут же со всей дури мотнул головой и лбом заехал Питеру в нос. Брызнула кровь, и он схватился за лицо.

– Твою мать, Каин, ты совсем охуел!?!?

Ярослав оттолкнул Питера и почти влетел в дом, но на его пути вдруг вырос Уханцев.

– Что за пиздец ты тут устроил, солдат!– прогремел он спокойно и жестко, словно дал Ярославу пощечину.

– Пустите меня к ней,– процедил сквозь зубы парень.– Я хочу...

– Что? Что ты хочешь? Запомнить ее такой?– Уханцев по-

что поморщился, и сердце Ярослава сковал смертельный холод.

Парень сцепил зубы и сжал кулаки. Он только вчера вышел из наркотического пике, в котором прибывал после гибели Сашки, сам не понимая почему именно его смерть так на него подействовала. Что-то окончательно сломалось, и бутылка водки в этот раз не помогла это починить, поэтому появились марихуана, а потом и соль⁹.

Сегодня он приводил себя в порядок, а завтра собирался, как и обещал, идти к Биле... Он случайно услышал рассказ сербского солдата, чья бригада примкнула к ним как раз накануне их похода в тоннель, о том, что группа Уханцева задерживается с очередного задания, потому что по дороге их завернули в соседнее село. Там албанские боевики вырезали три дома – мужчин-сербов, женщин и детей, и надо помочь с погрузкой тел и опросом оставшихся жителей.

Услышав это, Ярослав почувствовал, как внутри разлился щемящий холод и оцепенение, звуки стали слышны словно через вату, а в голове начался безудержный гул и вой. Все стало как в замедленной съемке кино – движения, звуки, чувства. Он схватил автомат и пошел в сторону дома Биляны. Он шел быстро, но не бежал. Почему-то он был уверен, что уже знает, что там увидит и пытался хоть немного это отсрочить. Торопиться было уже поздно. Пока он жрал нар-

⁹ Альфа-PVP – синтетический психостимулятор (вызывающий сильнейшую зависимость, наркоманию) класса катинонов.

коту и распускал нюни, его Билянну убивали шиптары, и он ее не защитил.

– Да,— овладев собой, тихо сказал Ярослав.— Пропустите меня или я Вас ударю, бать.

Уханцев коротко кивнул и пропустил Ярослава в комнату, где лежали тела его любимой и ее семьи.

Сразу у порога на спине лежал отец Биляны, рядом с его рукой лежал топор, а вся грудь была располосована пулями. Он пытался защитить семью, схватил топор... Его расстреляли почти в упор и от груди осталось лишь красно-черное месиво. Ее младший брат лежал неподалеку. Его шея была перерезана почти от уха до уха и кровь словно покрывалом накрыла его маленькое тело почти полностью. Он был в пижаме уже непонятного цвета, похожего на желтый с маленькими рисованными ежиками.

Мать Биляны лежала в спальне на кровати лицом вниз. Точнее она стояла на коленях на полу, привалившись лицом и туловищем на кровать, руки были привязаны к дальнему краю железной кровати. Ее длинная юбка была полузадрана и порвана, горло перерезано, на лице застыло выражение боли, страха и отчаяния. Ярослав сглотнул подступивший тошнотворный ком и отвернулся. Справа от него лежал сброшенный ботинок Били. Такой темно-серый с замысловатой вышивкой на голени, которую она сделала сама.

Ярослав зажмурился и стоял так тупо уставившись на этот ботинок. Словно вдруг этого стало достаточно, и ничего

больше он видеть не хотел. Через минуту он, тяжело и медленно выдохнув, посмотрел в угол комнаты позади себя. Биля, нелепо развалившись и свесив голову себе на грудь, сидела слова сломанная кукла. Ее ноги все в кровоподтеках и царапинах были расставлены как будто она пыталась сесть на поперечный шпагат, на одной из них скомканным отрезком ткани болтались трусики. На негнущихся ногах Ярослав подошел к ней и, опустив автомат, присел на корточки напротив. Он опустил юбку на Биляне так низко как позволяла поза, в которой она сидела и прикрыл створки ее разорванной рубашки, чтобы не видеть огромные ножевые порезы на ее груди и животе. Его руки тряслись так сильно, что все эти манипуляции давались с диким трудом и усилием. Ярослав провел рукой по волосам, закрывающим почти полностью лицо любимой девушки, закладывая большую прядь ей за ухо, слово надеялся увидеть под ними совсем не ее лицо. Он всмотрелся в знакомые до боли красивые очертания лица, увидел пухлые губы, в уголке которых уже запеклась кровь, красивый прямой нос и большие глаза, прикрытые ресницами. Ему показалось, что он перестал дышать. Это была Биляна. Его Биляна. Ошибки, на которую он так нелепо надеялся, не было. Ее изнасиловали и зверски убили, бросив как куклу на пол.

Ярослав тяжело привалился к стене рядом с ней и опустился на пол, едва касаясь уже холодного плеча Биляны. Кажалось, сознание вот-вот уйдет, и он провалится в спаситель-

ную темноту. Он прикрыл глаза, борясь с тошнотой и воем, отчаянно рвущимся наружу. В попытке притормозить боль, он закрыл рот кулаком и насколько мог сильно впился в него зубами. Через несколько секунд по его ладони и руке потекла тоненькая струйка крови – он прокусил себе ладонь. Боль внутри меньше не стала, и та, что была в ладони никак не отвлекала от нее и не перебивала. Ярослав согнул колени и опустив на них голову тихо завыл. Этот животный вой медленно нарастал, переходя в неконтролируемые рыдания.

В комнату вошел Костя и хотел подойти к другу, но Уханцев его остановил.

– Оставь, – тихо сказал он. – Тут ничем не поможешь сейчас. Дай ему отгоревать.

Следующие дни смешались для Ярослава в один длинный и бесконечный. Он не понимал, когда спал и спал ли вообще, он особо не помнил похорон Биляны и ее семьи, он ничего не чувствовал и ничего не хотел. Была только пустота внутри, и она почему-то была не звенящей, как ее описывают в умных книжках, а темной, тягучей и вязкой. В такой пустоте погибают и словно в воронку засасывают всех вокруг. Со временем Ярослав с ней свыкся и даже не боялся заглядывать в эту мрачную пустошь.

Они так и не нашли кто убил все три сербские семьи, не узнали точно, кто навел на них, пометив дома, но все догадывались, что это брыл брат матери Биляны. Этнический албанец, не одобрявший выбор сестры, убеждения ее мужа и

поведение племянницы. Он ушел с боевиками еще в самом начале противостояния сербов и албанцев в Косово, и его редко видели в деревне или в родном доме недалеко от села, где жила Биляна. Он словно исчез из этого места и времени, и Ярослав зря пытался найти его и тех, кто казнил всех этих людей в деревне.

Кружившие в воздухе самолеты НАТО стали сбрасывать так называемые ловушки, а потом и непосредственно ракеты и совсем рядом раздавались взрывы. Все побежали в подвал и, посидев там какое-то время, опять выбрались наружу. Солнце ярко светило своими уже совсем теплыми лучами и нагревало взбитую орудиями землю.

– Зачем мы вообще туда бегаем? Подвалы же не нихера не дают никакой защиты от ракет, – Костя хотел было прикурить, но Питер резко дернул его за руку и почти потащил назад в подвал крохотного дома.

Почти сразу рядом с местом, где они стояли приземлилась ракета. Громко хлопнула створка подвальной двери и звуки снаружи обманчиво стали немного тише.

– Это лучше, чем стоять на улице и махать рукой НАТОвцам, – зло процедил Питер уже под землей.

– Это надолго, как думаешь? – спросил Костя, глядя вверх как будто показывая на небо и самолеты в нем.

– Хрен просышь, – угрюмо ответил Питер. – Думаю, ЭТО никогда не закончится. Постоянно будет нечто, за что будут

проливать кровушку ребята вроде нас с тобой, или вон тех, кто в небе парит. Вопрос только за какие земли, деньги и власть будет борьба.

– Ну мы то тут тоже не совсем бесплатно...– пожал плечами Костя.

– И что? Какая разница?– усмехнулся Питер.– Никого из твоих или моих друзей это не вернет, да и нашу жизнь богаче или лучше не сделает.

– Ты как будто расклеился, брат,– подал голос Ярослав, все это время тихо сидящий в полутемном углу подвального помещения и выбив себе на ладонь две беленькие таблетки закинул их в рот, щедро запив водой.

Питер, чуть замирая, вслушивался в звуки снаружи. Он подошел к дверям помещения и прислушался, пытаясь понять можно ли выходить наружу.

– Я перестал наматывать на кулак розовые сопли единорога, брат,– безэмоционально оскалился он в ответ.– Вижу все как оно есть, без тупой надежды на победу добра над злом.

– Хочешь сказать, зло победит?– Костя нахмурил брови как будто сам был недоволен своим же умозаключением.

– Зло всегда побеждает,– пожал плечами Питер.– И чем раньше ты это поймешь, тем проще будет потом. Чем бы ты ни занимался. Да и с чего ты решил, что мы не часть этого зла? Мы убиваем, значит и мы зло, а вся эта срань про защиту и освобождение... лабуда для желторотиков вроде вас.

– На хуй,– скривился Ярослав, с наслаждением чувствуя

как разум наконец обволакивает мягким наркотическим покрывалом.— На хуй такую философию.

— А твоя какая?— ухмыльнулся Питер.

— Добро есть, и оно будет побеждать, иначе зачем все это.

Жизнь зачем тогда.

— А себя ты добром считаешь?

— Нет,— коротко подумав, ответил Ярослав.— Я убивал, значит я не могу быть добром и неважно по какой причине я это делал.

— А что тогда добро?

— Добро... это когда отдаешь и ничего не ждешь, не требуешь взамен.

— Типа любовь?— удивился Костя настроению и неожиданной лирике Ярослава.

Последний на секунду задумался.

— Да, любовь. Если есть любовь, то рядом не может быть зла. Они несовместимы.

— Поэтично, брат,— улыбнулся Костя и похлопал друга по плечу.— Не думал, что ты... ну... такой.

— Какой блять?— передразнил его Ярослав.

— Романтик,— заржал Костя.

— Иди в жопу, Старик,— Ярослав порывисто встал и пошел к дверям. Питер только нерадостно улыбнулся ему вслед.

— Каину будет тяжело по жизни. Если жизнь будет, конечно.

— Справится,— уверенно ответил Костя.— И если кто из нас

всех и выберется отсюда, так это он.

– С чего вдруг?

– А у него теперь навсегда останется чувство неотомщенности и бесконечной злости, а круче чем они ничто не заставляет людей цепляться за жизнь. Поэтому...– Костя неопределенно пожал плечами,– он выберется.

– Если от передоза не загнется,– Питер угрюмо посмотрел вслед Ярославу.– Ты бы тормознул его.

Костя помотал головой и тихо сказал:

– Он сам себя тормознет, когда придет время, по-другому все равно сейчас не сможет. Сломался он.

– Любой бы сломался.

– Хватит мне кости перемывать,– услышали он голос Ярослава.– Я выхожу.

Выглянув на улицу и услышав отдаленные звуки разрывающихся ракет, Ярослав короткими перебежками добрался до их машины, а оттуда еще около пятидесяти метров до небольшого пригорка и прилег там за кустом. Костя и Питер примкнули к нему через пару минут. Так они лежали около получаса, глядя в небо и поглядывая вокруг. Оттуда было хорошо видно, как в долине под ними на склоне горы, поросшем деревьями и мелким кустарником, что-то дымилось и поднимались белые клубы ракетных разрывов. На дальней дороге виднелся горящий танк, перегоревший дорогу своим же для отступления, а рядом с ним горели бензоправщик и еще одна легковая машина.

Потом уже ребята узнают, что это разведрота Гави, шедшая колонной назад в их село, попала под авиаудары НАТО, и догадуются, что УЧК абсолютно точно имели связь с авиацией НАТО. Это следовало и из точности их авиаударов именно в те места, где велись активные боевые акции с боевиками УЧК, и из той информации, что удалось понять по захваченной у албанских солдат дигитальной портативной радиостанции. С марта 1999 года ЮНА воевала не только с албанцами, но и, как оказалось, еще с северным альянсом.

Им предстояло еще несколько недель провести под обстрелами, в коротких зачистках поселений и постоянной борьбе со смертью. Потом их колонную обстреляют, некоторые, включая Питера, погибнут, Костя вместе с Уханцевым, Самарой, Яковом и Давой прослужит еще какое-то время, а Ярослав после ранения уедет в Англию, но жизнь ни одного из них уже никогда не будет прежней.

23. Мария

Апрель 2006 года, Рига, Латвия

Я сидела на кровати в своей комнате и растеряно смотрела на Ярослава. Голос куда-то пропал, были только жесты и эмоции, которые я никак не могла озвучить.

– Ты слышишь меня?.. – Ярослав взял меня за руку и настойчиво сжал ее. – Ты выйдешь за меня замуж?

– Я... я не могу... – я отвела руку. – Мы же с тобой уже все обсудили и решили...

– Это ты решила, а не я, – отчеканил Ярослав.

– Разве ты не этого хотел? Ты просил принять решение, я его приняла.

Какое-то время он, молча, смотрел в окно, а потом отчетливо произнес:

– Я ни разу не говорил... я люблю тебя. Я очень тебя люблю, Маша, и я не могу без тебя.

Я смотрела на него не в силах что-либо ответить. В ушах звенело так, как будто кто-то с размаху ударил по ним ладонями.

– Зачем ты мне говоришь это сейчас? – я сверлила ему спину своим взглядом.

– Не знаю... Наверное, в последний раз пытаюсь сделать так, чтобы ты передумала, – не поворачиваясь, ответил он.

– Я не передумаю, Ярослав. Все закончилось. Я очень устала от всего этого... правда. Просто дай мне уйти.

Он продолжал смотреть в окно и думал о чем-то своем, у меня даже появилось сомнение, слышал ли он то, что я ему сказала.

– Когда у вас свадьба?

– Я... не знаю. Мы не назначали конкретную дату, просто решили, что поженимся,– я решила соврать ему насчет Алексея в надежде, что тогда он точно оставит меня в покое и не станет настаивать на продолжении наших отношений.

Ярослав долго стоял не шевелясь, как будто впитывая в себя все то, что я ему сказала, а потом повернулся и сел рядом со мной на кровать.

– Тогда у нас еще есть куча времени, чтобы расстаться.

Я отвела взгляд, пытаюсь унять вдруг появившуюся уже знакомую дрожь во всем теле от его присутствия рядом.

– Нет, – я встала с кровати и отошла к окну,– мы должны закончить все это. Сейчас.

Ярослав подошел ко мне сзади и едва различимо коснулся губами затылка.

– Я и предлагаю все закончить... – его ладонь слегка обхватила мою шею, и он стал медленно гладить ее большим пальцем и нежно касаться губами. У меня было ощущение, что его горячее дыхание оставляет на моем затылке и шее влажные следы как на оконном стекле... Страсть тонкой прозрачной паутинкой вновь медленно обволакивала меня с

ног до головы, отшвыривая страх в сторону.

– Зачем ты пришел?– выдохнула я, пытаясь унять дрожь и волнение.

– Зачем ты меня впустила?– ответил он вопросом на вопрос.

– Не знаю...– пробормотала я,– хотела расстаться по-человечески и...

– Врешь,– прервал он меня,– тебе нравится, когда я рядом, когда касаюсь тебя. Ты все еще меня хочешь.

– Нет,– я повернулась к нему лицом и почти скороговоркой произнесла то, что давно собиралась.– Ярослав, все закончилось... Я тебя не люблю и никогда не любила. Это все какая-то огромная ошибка. Я сожалею обо всем, что между нами было.

Я видела, что каждое мое слово больно режет ему по сердцу, но уже не могла и не хотела останавливаться. Я должна была покончить со всем этим раз и навсегда.

– Тебе лучше уехать.– мой голос едва заметно дрогнул.– Отпусти меня... пожалуйста, отпусти...

Я опустила глаза и сопела ему в подбородок. Он стоял так близко ко мне, что мы почти касались друг друга носами, его ладонь все еще была на моей шее, а пальцы запутались в волосах. Я слышала еле заметный возбуждающий запах леса исходящий от него, чувствовала его учащенное дыхание, видела, как играет жилка на его шее и понимала, что любое мое движение спровоцирует его, и он набросится на меня

как ошалелое животное на свою добычу, и я ничего не смогу сделать. Он тоже понимал это, поэтому просто стоял и ничего не делал, стоял и ждал, когда я сломаюсь. И я сломалась. Я подняла голову и посмотрела на него, и в то же мгновение его губы впились в мои с такой силой и жадностью, что я почувствовала солоноватый привкус крови от своей оцарапанной губы. А потом все завертелось вокруг, и назад дороги уже не было...

Мы лежали обнаженные и разгоряченные на полу в моей комнате, и каждый по привычке молчал о своем...

Ярослав о том, что такую боль ему давно никто не причинял. Он поверил, что я – то добро, о котором он так давно рассуждал, сидя в подвале со своими друзьями, он хотел, чтобы я сделала его жизнь наполненной и избавила его от вязкой тьмы и пустоты, ничего не прося взамен. Я не оправдала его надежд, оттолкнула его, предпочла ему другого. Его любовь и страсть ко мне, так похожая на наркотический дурман, медленно, но верно превращалась в ненависть, начиненную злостью и отчаянием. В нем медленно зарождался смерч, грозящий смести все на своем пути. Без разбора. И он не хотел и не пытался его остановить.

Я же думала о том, что в очередной раз не нашла в себе сил сказать ему «нет», и темнота в нем отщипнула от меня еще кусочек. Я начала ненавидеть себя, его, Лешу и всех, кто был счастлив и радостен вокруг. Мне хотелось свернуться калачиком и уснуть так надолго, чтобы, проснувшись, уже не

вспомнить ни Ярослава, ни себя, ни нашу с ним историю.

Для чего мы встретили друг друга?.. Сейчас мне кажется, что этого не понимал ни один из нас. Мне не удалось вытащить Ярослава из той темноты и бездны, в которой он жил долгие годы, более того, своим отказом выйти за него замуж я толкнула его туда еще глубже. Он не хотел выбираться оттуда, он жил, потому что была эта пустота и чернь внутри него. Они питали его и уничтожали меня.

Я посмотрела на лежащего рядом Ярослава и ни говоря ни слова, поднялась, собрала ворох сорванной с меня одежды и ушла в ванную. Когда я вернулась Ярослава уже не было, и я облегченно вздохнула.

24. Мария

Май 2006 года, Рига, Латвия

День 20 мая 2006 года я помню поминутно и уже никогда не забуду. В этот день я умерла. Сейчас мне кажется, что я чувствовала такой исход, шкурой ощущала морозящую прохладу смерти рядом, но тогда это было просто зыбкое призрачное предчувствие чего-то тяжелого, а в тот день оно облучилось в конкретные действия определенного человека и мою боль.

Ярослав убил меня быстро и совершенно осознанно, не находясь под влиянием ночных кошмаров, наркотиков или приступа агрессивности. Он ходил за мной тенью несколько предыдущих дней, словно проверяя твердость собственных намерений. Чем чаще он меня видел, тем отчетливее понимал, что не может без меня жить и не хочет, чтобы я жила без него. В день нашей последней ссоры что-то окончательно потерялось в нем и через эту душевную расщелину просочилось все хорошее и человеческое.

Последнее, что я увидела в тот вечер, возвращаясь с работы и зайдя в подъезд своего дома, это его холодные совершенно безэмоциональные глаза. Я сразу поняла, что он пришел не для того, чтобы говорить или слушать. Он пришел делать. Сначала был жуткий сковывающий страх и бешеный

стук сердца... а потом стало как-то легко и даже радостно на душе. Боль от потери Алексея и себя самой вдруг ушли, оставив место пустоте и вечности. Ярослав сумел превратить меня практически в свою рабу, и он же освободил меня от этого.

Он сделал все быстро и профессионально. Как его научил командир, как его научила жизнь. Нож вошел мне в сердце по самую рукоятку, и я ощутила лишь сильное жжение и тупую холодную боль там, где еще несколько секунд назад стучала жизнь и была безмерная боль по той моей жизни, которую я отравила и уничтожила своими руками. Потом было освобождение... и я как будто видела все со стороны.

Ярослав еще короткое время держал мое бездыханное тело в своих руках, словно обнимая, а потом просто положил на холодный бетонный пол около почтовых ящиков и не оглядываясь удалился прочь.

Бог пожалел Ярослава, и он никогда не узнал, что вместе со мной убил и нашего ребенка, которого к тому времени я уже семь недель носила под сердцем. Малюсенькая часть его самого так и не получила возможность прийти в этот мир и, возможно, сделать его хоть капельку лучше...

Следствие, которое проводилось по делу, расследующему мое убийство так и не нашло виновного, хотя мне кажется, что Алексей всегда знал, кто это сделал, но так и не смог ничего доказать. Всю жизнь он будет считать себя виноватым в том, что оттолкнул меня, и я оказалась в тот день одна. Он

еще долго будет торговаться с судьбой, строя разные предположения, что было бы, если... но так и не найдет утешения.

Через некоторое время после нашего расставания Алексей заключит новый контракт с канадским предприятием, улетит на год в Квебек, а потом останется там на постоянное место жительства. Почти через пять лет он женится на доброй хорошей девушке, моложе его почти на десять лет и у них родится прелестная доченька, которую он назовет Марией. Девочка эта будет удивительно напоминать Алеше меня, и иногда он будет любить просто сидеть у ее кровати и наблюдать, как она спит, тихонько по-детски сопя в подушку. Машуня, как ее станет называть Алеша, проживет замечательную и счастливую жизнь. А я буду с удовольствием за ней приглядывать и оберегать в меру своих сил.

Ярослав все оставшееся ему время на земле проведет в алкогольном и наркотическом опьянении, лишь изредка позволяя яви и боли полностью поглощать себя. Он умрет в больнице Страдия почти через пятнадцать лет после моей смерти от осложнений от пневмонии.

Мы с ним больше никогда не встретимся.